

На берегу
Бухары р. Сыр-
канала 5 ф.
прокладку
судов
будет пере

В. Ясаков

ДНЕВНИК ОДНОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

26.222.5

Я 80

Рецензент
И. В. Попов, д-р геогр. наук

Я 80 **В. С. Ясаков.** Дневник одной экспедиции. Л., Гидрометеониздат, 1983. 144 стр.

Гидролог по профессии, автор многие годы провел в экспедициях в районах казахстанских степей и полупустынь, где каждая река и даже пересыхающий водоток имеют огромное значение для жизни целого географического региона. Используя дневниковые записи, которые он вел на протяжении многих лет работы в Казахстане, автор рассказывает о реках и озерах, об удивительном мире природы этого края. В книге показаны работа и быт гидрологической экспедиции, занимающейся обследованием тех районов древней дельты Сырдарьи, где может пройти предполагаемая трасса канала, предназначенного для переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан.

Я 1903030000-015 72-83
069(02)-83

26.222.5

ВСТУПЛЕНИЕ

Гидрографическая партия из шести человек на несколько летних месяцев выехала из Ленинграда в Южный Казахстан. Уже много дней колесили мы по бесконечным пыльным дорогам Казахстана, обследуя многочисленные сухие водотоки. Я давно привык воспринимать дорогу как живой организм, наделенный весьма не простым характером, почти всегда неожиданным и прихотливым. Вот и сейчас дорога неожиданно кончилась, заведя нас в тупик.

Оранжевый диск заходящего солнца перечеркнут пунктиром чечевицеобразных облаков. Пора снова определиться на местности. Останавливаем машину. Косые лучи солнца в последний раз схватили из общего однообразного ландшафта низкорослые скрюченные кустики боялыча, отбросили длинные и глубокие тени на бровках высушенного водотока, желтым пятном разлились на склоне одинокого бархана.

Солнце, коснувшись верхушки бархана, слегка расплющилось, и в это время я увидел на фоне солнечного диска верблюда с седоком. Видение застыло на несколько мгновений четким черным силуэтом.

Ветер лениво раскачивал сухую траву и кусты. Под невысоким обрывистым берегом реки проснулся лунь, сделал несколько ленивых холостых взмахов крыльями и низко-низко полетел над землей. Мне показалось, что степь и пески тревожно вздохнули. И потянулись из надвигающихся сумерек шорохи, уханье луны и легкий топот чьих-то ног. День угас.

Впервые за долгое время странствий мы поставили палатку прямо в степи, под звездным июльским небом.

...Это было давно. Но все сохранилось в памяти так живо и так отчетливо, что я и теперь живу этими воспоминаниями.

ТУРГАЙСКИЕ РАССВЕТЫ

Налетевший порыв ветра серым облаком поднял пыль с безжизненного солончака, пошуршал жухлыми травами, покружил песок на вершине бархана и тут же затих. И снова передо мной расстилалась безмолвная мертвая пустыня.

Солнце скрылось где-то за высокими грядами песков Тусум. На степь опускались сумерки.

Я присел отдохнуть на случайно подвернувшуюся кочку и засмотрелся на густеющую в сумерках зелень по берегам Кабырги. От долгой ходьбы и изнуряющего зноя чувствовалась такая усталость, что не хотелось трогаться с места. Целый день я бродил под палящими лучами солнца по пескам, солончакам, тростниковым зарослям в поисках исчезнувшего вдруг русла Кабырги. Только перед заходом солнца удалось найти этот слабый распадок между двумя барханами, куда спряталось ее русло, неожиданно сверкнувшее водной гладью в лучах заходящего солнца.

Вот чудеса! За целый день скитаний мне не удалось встретить даже малюсенького ручейка. Более того, я сумел потерять объект обследования — Кабыргу, и вдруг — огромная река, целое море воды! Последние лучи солнца скользят по верхушкам барханов, кустарникам и пепельным листьям джиды, растущей на склоне холма, и неожиданно гаснут.

Уже не сумерки, а липкая темнота заползает во все уголки, ямки, распадки между барханами. Тут же, как по команде, ошалело зазвенели цикады и кузнечики. Где-то рядом послышались тяжелые, хриплые вздохи, и поползли какие-то шорохи, шелест, шуршание. В кустах, будто спохватившись, ухнула то ли сова, то ли степной филин, хрустнули ветки, что-то заскрежетало и зачавкало. Я вскочил и побежал к реке, но путь мне преградила густая черная стена тростника, протянувшаяся вдоль реки широкой полосой. Где-то рядом послышались хруст тростника и всплеск воды. Наверное, это ломился через заросли кабан. Днем, в жару, он отлеживался в тростниках, потом лакомился сладкими корешками рогоза. А теперь я его вспугнул, и он бросился напрямик в пески. Шум ломающегося тростника неожиданно оборвался — очевидно, кабан выбрался из зарослей. В этом направлении пошел и я. И действительно, заросли вскоре кончились, и вместо душных испарений и запаха гниющих растений в лицо ударила свежая струя воздуха.

Быстро стемнело. Надо мной удивительно звездное небо, будто фейерверк с застывшими огоньками-звездочками, и густая непроглядная ночь.

Я шел быстрым шагом, не разбирая дороги, потом опять побежал, спасаясь от темноты. Пробежал, наверное, километров пять и спохватился: как выйти к броду через Тургай? Может быть, я его уже проскочил? Темнота не позволяет видеть ничего, кроме звездного неба. Совсем дело худо.

Минутная растерянность проходит, и я вспоминаю, что на противоположном от нашей стоянки берегу, то есть на том берегу, где я теперь блуждаю, был большой бархан, возвышающийся над рекой метров на пятнадцать. Надо найти эту спасительную высоту... И вот я поднимаюсь на бархан и вижу вдаль, километрах в пяти, костер. Неужели это у нас в лагере? Почему он так далеко? А может быть, это чабанский огонек? Но тут я совершенно отчетливо слышу всплески воды. Похоже, стадо коров пришло на водопой. Значит, где-то рядом Тургай. Мне вдруг захотелось скорее очутиться «дома», у костра и палаток, увидеть ребят, выпить горячего чая, рассказать о своих сегодняшних впечатлениях.

Скатываюсь с бархана. В свете звезд слабо поблескивает вода. Вот он, Тургай! Но странное дело — никакого стада и в помине нет. И вдруг прямо под ногами слабо различаю какие-то блестящие предметы, они отчаянно чем-то колотят по воде. Нагибаюсь и только тут догадываюсь: это же рыба! Хватаю ее наугад и швыряю на берег — одна, вторая, третья... Перестаю считать, выхожу из мелкого ручейка, собираю рыбу в снятую рубашку и направляюсь в лагерь. Теперь я узнаю места: костер должен быть где-то рядом, просто его не видно из-за деревьев. Пробираюсь через заболоченный участок между двумя плесами, соединенными ручейком, отыскиваю

узенькую тропинку через густые заросли тала и выхожу прямо к костру. У огня тесным кружком сидят мои товарищи, о чем-то беседуя. На меня никто не обращает внимания. Даже не поинтересовались, где я пропадал...

Мои коллеги — народ молодой, но некоторые уже бывали в экспедициях и в гидрографию попали неслучайно...

Подбор кадров в такую кочующую партию, занимающуюся обследованием рек и озер, или, как еще говорят, гидрографией, осуществляется всегда с большой осторожностью: постоянные дороги, неустроенность быта, необходимость долгого пребывания под испепеляющим казахстанским солнцем требовали от всех участников экспедиции хорошей физической закалки и отменного здоровья. Девушек в гидрографию раньше старались не брать. Они попадали в такие экспедиции только в исключительных случаях: когда партию не удавалось укомплектовать парнями. Однако в последние годы в гидрографических отрядах появились и девушки. И надо признаться, что в трудных кочевых условиях они успешно справляются и с работой, и с бытом.

В этой экспедиции тоже участвовало несколько представительниц «слабого пола».

Вот Марина Зубова, высокая стройная девушка, умеющая улыбаться так, что у самого становится светло на душе. Она закончила Харьковский гидрометеорологический техникум и в экспедиции работает уже третий год. Первое мое знакомство с ней состоялось в позапрошлом году. Тогда ее направили в качестве стажера в нашу гидрографическую партию, которая занималась обследованием водных объектов по трассе проектируемого канала, предназначенного для переброски части стока сибирских рек на юг нашей страны. И хотя Марина была еще неопытным специалистом, с первых же дней она относилась к работе добросовестно и увлеченно.

А вот Леша Попов. Он тоже едет со мной уже третий раз. Впервые же в нашей экспедиции он появился пять лет назад. Приехал сюда из Прибалтики, кажется, из Даугавпилса, посмотреть Среднюю Азию, погреться на солнце и познакомиться с местной природой. Случайно узнал в Джамбуле об экспедиции и попросился на сезонную работу в нашу кочующую гидрографическую партию. Спустя год он снова появился у нас. Страстно увлекается коллекционированием ядовитых насекомых и змей. Леша постоянно таскает за собой массу всяких пузырьков и скляночек с хорошо притертыми пробками, бутыль со спиртом и ящик, обитый изнутри поролоном. В гидрографии Алексей особенно уважал обследование тех рек, на берегах которых ему удавалось поймать насекомых и змей, каких еще не было в его коллекции. Эрудиции ему не занимать, а умение чувствовать и наблюдать живую природу помогло

ему стать в гидрографии своим человеком. Он легко освоил терминологию и основные понятия науки гидрологии — бассейн, водосбор, речной сток, расход воды и так далее — и работает в экспедиции наравне с нами.

Совершенно непохож на Алексея его товарищ и земляк Виктор Васильев. Виктор пользуется безусловным успехом у девушек: то ли из-за его общительности и доброжелательности, то ли из-за умения играть на гитаре и петь — тоже ведь не последнее дело в экспедиции. Однако, откровенно говоря, в работе себя никак не проявляет: парень он толковый, но с хитринкой и ленцией, хотя силы ему не занимать. К тому же любит поворчать по делу и без дела.

Москвичу Борису Андрееву, высокому симпатичному парню, кажется, еще не исполнилось и восемнадцать лет. Я так и не понял, как он попал в Казахстан. Похоже, просто бросил учебу и сбежал из родительского дома. И хоть Борис самый молодой из нас, он хорошо развит, осторожен и сдержан в своих суждениях, а главное — исключительно исполнительен. Все эти качества в сочетании с физической силой и выносливостью делают Бориса одним из самых надежных членов нашей экспедиции. Хороший парень!

Совершенно независимо и солидно держит себя Сергей Бибикин, водитель нашего вездехода ГАЗ-66. Он и у кофра держится обособленно, преимущественно молчит и в разговорах пока не участвует, хотя по возрасту, кажется, он едва ли старше Алексея или Виктора, которым недавно исполнилось по двадцать четыре года. Я никак не могу привыкнуть к мысли, что от него едва ли не больше, чем от кого-нибудь другого зависит успех нашей экспедиции: уж как-то слишком спокойно относится он к машине. За эти полмесяца, что Сергей ездит вместе с нами, я ни разу не видел, чтобы он лишний раз залез под машину или покопался в ее моторе. Даже внешность его не внушает мне доверия. Дальнейшие события покажут, что мои опасения были небезосновательными.

Жарко горит костер. Выпит весь чай, но предусмотрительный Борис поставил еще один чайник с водой на огонь. Спешить некуда, да и ночь тихая, теплая. Приятно смотреть на огонь и думать о чем-нибудь своем, а еще лучше слушать какую-нибудь историю.

Это первый наш бивак на берегу реки и первый ночной костер за прошедшие две недели. Суматоха и неразбериха, сопровождающие каждую подготовку к выезду в поле, сменились утомительным переездом из поселка Семиозерное, где базировалась наша партия, к начальной точке основного маршрута. Были у нас ночевки в Тургайской ложбине на старом караванном пути; колесили мы по тургайским степям, обследуя старые сухие русла в прошлом полноводной реки; изнывали от жары в душных пойменных зарослях Тургая, но основная работа начнется еще только завтра — в месте слияния рек

Тургая и Кабыргы. Все, что было до этого,— всего лишь подступы к будущей экспедиции...

— Валерий Сергеевич, расскажите, как вы пришли в гидрологию,— возвращает меня к действительности Марина,— и чем вас так приворожил Казахстан?

Я и сам нередко задумывался над тем, что же меня привело в гидрологию и почему мою привязанность к Казахстану я сохраняю и по сей день. Работа у гидрологов беспокойная, иногда сопряжена с риском для жизни и требует подчас большого физического напряжения. Не секрет, что водная стихия, рождая повсеместно на земле жизнь, нередко и сокрушает ее. И все-таки свою работу гидролога я не променяю ни на какую другую. В гидрологию я пришел с полным сознанием правильно выбранного пути, пути на всю жизнь...

Мое детство прошло в небольшом в ту пору поселке Архипо-Осиповка, разбросанном по берегам рек Вулан и Джубга, рядом с побережьем Черного моря. Это были трудные послевоенные годы, годы нужды, когда мы испытывали нехватку буквально во всем, в том числе и в топливе. Многие местные жители добывали топливо на берегу моря, куда волны выбрасывали бревна, какие-то ящики и доски. Обязанность собирать эти дары моря возлагалась на мальчишек, которые любую обязанность умеют превратить в увлекательную игру.

Мы шли по берегу далеко за мыс, где морские волны подмывали скальные обнажения гор, сколачивали из бревен плоты, грузили на них доски и вообще все, что только может гореть, и возвращались морем домой, толкая плот шестью. Это была серьезная, порой нелегкая работа. Но едва мы входили в спокойные воды реки, как тут же разыгрывали целые баталии между командами плотов, и не было у нас игр увлекательнее этой.

В реке мы учились и плавать. Вверх по реке уходили в горы за дикими яблоками, алычой и орехами.

Детство и река неразделимы для меня. Понятия «долина», «русло», «пойма» вошли в мое сознание раньше, чем я научился читать. Вошли вместе с многокилометровыми путешествиями по ущельям, по дну которых текли чистые ручьи, долинам небольших рек и горам. С крутосклонных горных вершин хорошо просматривался весь речной бассейн с многочисленными притоками, прорезающими ущелья. И с тех пор живая суть реки, несущей свои воды к людям, ее плесы и берега, живописно ли заросшие или, наоборот, пустынные, всегда находят отклик в моем сердце. Так что Ленинградский гидрометеорологический институт оказался неслучайным в моей жизни.

Мою уверенность в правильности сделанного выбора укрепил Казахстан. В первый же полевой сезон в Северном Казахстане, где я впервые увидел, как цветут на лугах тюльпаны, как по степи раз-

ливається кровавий маковий цвіт, як вздымаються білими хвилями ковилами, располосованні голубими лентами рек,— я зрозумів, що без гідрології і Казахстану мені не жити. Скільки потім було цікавих маршрутів по берегах рек і озер, скільки незабутніх зустрічей!

Розповідаю дітям про свою першу експедицію, про Бориса Сергєєвича Орлова, чоловіка, який передав мені велику любов до справи своєї життя — до гідрології. Коли я з ним познайомився, йому було вже близько шестидесяти років, але його подвижності і легкості могли позавидувати і юнці. Він був невисокого зросту і легкого телоскладу. В полі його учні, майбутні гідрографи, не поспівали за ним, коли він, широко крокуючи по березі якоїсь річки, розповідав про будову річкової долини і показував на місцевості різні елементи русла річки. Лекції, які він устроював прямо в полі, завжди були дуже цікавими і емоційними. Моїм товаришам ця інформація казалася несерйозною і малополезною, так сказати, «сплошною лірикою». Вони прямо заявляли Борисові Сергєєвичу, що хотіли б займатися важливим і корисним справою. Однак в науці, яку він нам преподніс, основним змістом було вміння розуміти і відчувати природу будь-якого гідрографічного об'єкта, який ми досліджували. «А це, — утверджував Борис Сергєєвич, — є найголовнішим для будь-якого гідролога, якщо він дійсно хоче зрозуміти характер досліджуваного об'єкта...»

Борис Сергєєвич вирізнявся дивовижною здатністю швидко знаходитися з найрізнішими людьми. Він завжди був дуже стриманий і доброземний до всіх. В полі, коли ми їздили через якусь село, він встигав познайомитися з багатьма жителями, задати їм багато питань, пов'язаних з нашою роботою, і терпляче відповісти на всі цікаві їх запитання. Це був чоловік старої закалки, справжній дослідник і вчений, яких мало в нашій країні, тридцять років. Як мені хотілося бути схожим на мого вчителя!..

Костер майже догорів. Червоні голівки мерцали, як далекі зірки. Утихли цикади в кущах, і тільки самотні солов'яки іноді подавали свій голос. Над нами зіркове небо, фосфоресцируючий світ згораючих в атмосфері метеоритів і густа темнота навкруги. Легкий прохладний вітерець з дивовижною постійністю гуляє по долині річки, не виробляючи ніякого шуму в кронах дерев. Всі розходяться на нічлег. Спасаясь від комарів, приходиться щільно застегивати вхід в наш наметний будинок. В наметі тихо і тепло. Абсолютна темнота важко навалюється на мене. Але сон не приходить: спогади розбудили мене, і я знову повертаюся до свого першого поля...

Навіть не віриться, що з тих пор пройшло вже близько десяти років.

Помню свой первый самостоятельный выезд в поле и напутствия Бориса Сергеевича: «Ты, главное, больше смотри и пытайся понять увиденное, объяснить, что и почему... Делай побольше записей в дневнике и не бойся «лирики» — в наших описаниях она тоже нужна...»

В первое лето мне предстояло обследовать около пятидесяти рек и тридцати озер, проехать на машине, проплыть на лодке и пройти пешком более тысячи километров пути. Однако меня переполняла радость от такой перспективы. Что может быть прекрасней, когда ты руководишь гидрографическим отрядом из пяти молодых людей, когда у тебя есть машина, резиновая лодка, палатки и все, что необходимо для работы? Что может быть привлекательнее бесконечной дороги, теплого ласкового солнца и безоблачного неба, постоянной смены впечатлений и любимой работы, вечернего костра и палатки, поставленной на берегу реки или озера? Сколько было пройдено самых разных дорог за этот полевой сезон! Не все, конечно, шло удачно и гладко. Часто ломалась машина, и тогда приходилось возвращаться в населенные пункты, искать мастерские, взывать о помощи, вымалывать, выпрашивать запасные части.

Однако мы упорно двигались вперед по неезженным дорогам, по бездорожью и пескам, поднимаясь к истокам реки Илек, которая берет начало на западном склоне Мугоджар, сверкающих белизной меловых склонов. Отчетливо помню пятнадцатиметровые обрывистые берега Жарыка, ковыльные степи по берегам Ори, лесные массивы на берегах Урала, горы песка и серебристые терескенники на Уиле. Но самой первой рекой, на берега которой я самостоятельно ступил, был Илек.

Илек начинается с небольшой реки, вернее, даже с сухого водотока, Жарык. Верхний пяти-, семикилометровый участок Жарыка представляет собой сухой водоток, но уже через десять — пятнадцать километров в реке появляется вода — это вследствие значительного вреза русла выходят на поверхность грунтовые воды. Берега Жарыка высокие, почти отвесно обрывающиеся к мутным светло-коричневым водам. Плыущему по реке человеку иногда кажется, будто четко очерченная линия берега упирается прямо в небосвод, словно ты плывешь по настоящему каньону. И нет ни кустика, ни дерева на берегах Жарыка, только шумят ковыльные степи на горбатых сопках, ограничивающих речную долину, и клонятся к земле луговые травы.

У реки Илек совсем другой характер. Она бежит через степи и леса, горы и равнины к реке Урал, образуя ожерелья из меандр и старичных озер. Берега у Илека тоже живописные, но совсем в ином роде, чем у Жарыка: большей частью они поросли белолыственным тополем, березой, дубом, кустарником жимолости, шиповника, тала. Илек то широк и полноводен, то превращается

в ручей: лодку то несет быстрое течение, то она постоянно тычется носом в дно...

Прошел месяц моей самостоятельной работы в качестве начальника гидрографического отряда и гидролога, но я многое уяснил и понял из того, над чем раньше особенно не задумывался. Я начал понимать, сколь сложное это искусство — умение работать с людьми, что такое долг и ответственность за порученное дело. Задумывался я и над практическим использованием результатов исследований, которые мы проводили в поле, начал глубже ощущать смысл основополагающих понятий и теорий о речном стоке и строении речной сети.

Иногда, в начале полевого сезона, когда дела шли плохо, мне казалось порой, что скромные результаты моей работы никому не понадобятся и что дело, которому я собираюсь посвятить всю свою жизнь, нестоящее. Кому нужны, думал я, наши подробные описания речной долины, террас, поймы, промеры плесов и измерения расходов воды, нивелировка профилей и еще многое другое, чем мы сейчас занимаемся? Но к концу моей первой самостоятельной экспедиции, когда дела наладились, все эти понятия — бассейн, водосбор, сток, морфологические характеристики русла, гидрологический режим — перестали быть отвлеченными научными терминами и начали наполняться живой сутью. И я очень хорошо понял практический смысл нашей работы, ее важность и нужность. Но, чтобы это произошло, мне пришлось пройти не одну сотню километров по берегам Илека, Ори, Урала, Большого и Малого Узенья, Эмбы и множества других больших и малых рек, мне пришлось пройти через многие трудности и испытания. И пусть потом, год за годом, мне приходилось много раз мокнуть под холодными осенними дождями, мерзнуть от пронизывающих ледяных ветров, задыхаться от пыли и жары, страдать от холода и голода — я ни разу не пожалел об этом. Пусть будет так всегда!

Все это мне вспомнилось не случайно. Память, подобно электронной машине, из многочисленной информации по реализации экспедиционных программ пытается выбрать какие-то варианты с наиболее рациональным решением стоящих сегодня перед нами задач. Воспоминания не давали мне уснуть почти до самого рассвета...

Проснулся я от внутреннего толчка — выработавшаяся с годами привычка просыпаться в одно и то же время. Солнце уже успело слегка подняться над горизонтом, но под деревьями еще пряталась ночная прохлада. Барханы на противоположном берегу отбрасывали длинную косую тень на черную поверхность реки. Со стороны ближнего плеса, окаймленного густыми зарослями тала и тростника, слышалось криканье уток, а в кронах деревьев, освещенных солнцем, на разные голоса пели птицы... Наступил новый день.

После завтрака, приготовленного наспех, отправляемся на работу. Сегодня нам предстоит сделать нивелировку обширного участка Тургая и Кабырги в непосредственной близости от места слияния рек, которые расстались далеко на севере, у поселка Амангельды. Не зря слово «Кабырга» переводится как «ребро». И действительно, эта река является ребром-рукавом Тургая: Кабырга отделилась у поселка Амангельды от Тургая, но, пройдя около трехсот километров через солончаки, озера и пески по дну долины того же Тургая, снова встретилась с ним, чтобы никогда не расставаться. По результатам нашей инструментальной съемки можно будет рассчитать величину наибольших расходов воды, которые пройдут по их руслам в годы с выдающейся водностью, а также ширину разливов на поймах и многие другие гидрологические характеристики этого редко повторяющегося половодья. По моим расчетам, только одна нивелировка займет целый день, а надо еще обследовать несколько километров русла Тургая и Кабырги... Трудно все выполнить за один день, но завтра хотелось бы выехать на новое место.

Становится жарко. Наиболее удобное для работы время из-за долгих сборов безнадежно упущено. Захватив с собой все необходимые приборы и прочее снаряжение, мы наконец двинулись в путь. В лагере остается только Сергей. К месту работы придется добираться пешком: ни на машине не подъехать, ни на лодке через заросли тростника не пробиться. Рискнул провести свою бригаду через тугай: по-моему, так будет ближе. Начнем с Кабырги, а на обратном пути сделаем нивелировку поперечных профилей русла и поймы реки Тургая неподалеку от лагеря...

Преодолели густые заросли на пойме Тургая, отсекавшие нашу террасу от тропы под обрывистым левым берегом, изрешеченным гнездами ласточек-береговушек, прошли по узкой кромке над самой водой и вышли на открытую площадку, откуда открывался вид на безбрежное море тростника. Солнце поднялось уже высоко над горизонтом, и зной был столь сильным, что мы все испытывали нестерпимую жажду и желание искупаться. В наших рядах давно уже начались волнения. Виктор, обычно спокойный и веселый парень, начал «склонять» меня достаточно громко, чтобы я мог услышать. Да и Алексей подливает масла в огонь, разжигая страсти,— идет и говорит, как будто думает вслух:

— И за каким дьяволом мы потащились в самое пекло?! Разве нельзя было рейку воткнуть у палатки, а нивелир поставить на другом берегу? Пять минут — и профиль готов!..

Я знаю, что Алексей парень грамотный, толковый, но ему очень хочется порисоваться перед Мариной и Виктором.

Вдруг у меня из-под ног выкатываются комочки сухой глины, и я лечу по крутому откосу вниз. Нивелир, к всеобщему удивлению,

не пострадал, я же отделался несколькими царапинами. Неожиданное происшествие сразу разряжает обстановку.

К месту работ добираемся в полдень. Наступили самые тяжелые часы, когда от зноя прячется все живое и даже тень. Но мы не можем дать себе передышку: со всеми делами мы должны управиться сегодня, чтобы завтра поутру тронуться в путь-дорогу, дальше на юг, к Сырдарье — график наших работ предельно жесток. Там, в Кызыл-Орде или Джусалах, к нам должен присоединиться еще один гидрографический отряд со своей машиной. И встреча эта должна состояться точно в назначенный день. Так что за работу!

Я устанавливаю треногу с нивелиром на открытой площадке неширокой речной террасы таким образом, чтобы линия визирования проходила поверх тростников и при этом была бы видна рейка, установленная на урзе воды. Горячий воздух обжигает не защищенную одеждой кожу, его дрожание становится все более заметным. Это затрудняет работу с нивелиром: цифры на рейке становятся невидимыми уже на расстоянии пятидесяти метров. Приходится часто менять стоянки нивелира и спускаться в речное русло, по берегам которого широкой полосой растет четырехметровый тростник. Однако и здесь возникают свои трудности: чтобы продолжить нивелировку, надо сделать просеку в зарослях. Приходится прокладывать в тростниках тропу. В зарослях душно. Ноги утопают в пухлом белом грунте, и в горле першит от пыли и соли — здесь, на дне старого высохшего русла, немало солонцов. В довершение всех бед сильно донимают оводы и слепни.

Террасу и обширную часть высохшего русла мы проходим сравнительно быстро — за час с небольшим. Но нам нужно еще сделать нивелировку на другом берегу Кабырги и промерить плес с резиновой лодки, которую для этого притащил на себе Борис. Вода в реке горьковато-соленая на вкус, с сильным затхлым запахом, но сравнительно прозрачная. Неподалеку слышатся голоса растревоженных уток и шум крыльев. Наверное, степной орел, не найдя добычи в пустыне, завернул на плес и до смерти перелугал птиц — здесь целое утиное царство, затерянное в густых зарослях бескрайних разливов.

Тихая гладь плеса манит к себе, и мы, не в силах справиться с искушением, решаем искупаться. Вода восхитительная, и выходить на берег совсем не хочется.

Но, увы, на другом берегу реки нас ждет участок профиля в триста метров длиной с густыми зарослями тростника. Да еще остается продольный профиль, с ним мы тоже провозимся не меньше часа. Так что хорошо бы нам управиться к заходу солнца.

Отдых и обед отменяются. Работать без обеда мы уже привыкли: в жару есть совсем не хочется, а вот без чая обойтись невозможно. Однако сейчас и о чае думать не приходится...

Но вот окончена работа. Молча укладываем снаряжение и молча готовимся в обратную дорогу: все здорово устали. Только Марина выглядит бодрой и улыбается. Сидя на корточках, она разглядывает на песке какое-то насекомое.

Жара немного спала, да и дорога к дому, как говорится, всегда короче. К лагерю возвращаемся через пески по моим вчерашним следам, которые пересекают то двойной пунктирный след зайца, то крупные следы собачьих лап, а вот и «сердечко» — это проходил джейран. В распадках между барханами замечаю густые заросли низкорослой раскидистой джиды, мелкие кустарники дерезы и тамариска. Под густыми кронами деревьев и кустарников хорошо видны тропы. Теперь я понимаю, что вчера мне не со страху причудились звериные голоса и шорохи. Да и следы не собачьи. Откуда здесь взяться собаке, если ближайшее жилье более чем за сто километров? Значит, это волчьи следы.

Вдали, справа от высокой песчаной гряды, с которой я высматривал вчера костер, уже показалась темная полоска тугаев — там река и наши палатки. Прибавляем шаг...

Но вот мы и дома. В костре еще тлеют головешки, а рядом с очагом стоит горячий чайник — это позаботился о нас Сергей. Вообще шоферы в дежурствах по кухне и лагерю обычно участия не принимали. На их совести были профилактика и ремонт машин — дело чрезвычайно важное (от исправности машин зависит судьба всей экспедиции) и требующее постоянного внимания. И, учитывая, что шоферы работают до седьмого пота во время переездов с места на место — дороги здесь жуткие, а переезды занимают в общем балансе времени существенную часть, — когда остальные сидят просто пассажирами, мы, как правило, старались не занимать шоферов бивачными делами. Здесь действует принцип добровольности.

Сбросив на землю свою ношу тут же у костра, располагаемся поудобнее и с наслаждением потягиваем крепкий ароматный чай. Нет большего удовольствия в поле, чем напиток после трудной дороги горячего и душистого чаю. Вот и сейчас на лицах моих товарищей написано такое удовольствие, что невольно подумалось о доме...

На дальнем бархане угас последний солнечный луч. От реки потянуло прохладой, легкий ветерок поиграл кронами деревьев и умчался дальше в зеленые кущи тугаев.

Лагерная жизнь идет обычным чередом. Общими усилиями приготовлен обед, он же и ужин: и на первое, и на второе — единственное блюдо. Каждый был занят своим делом: один обеспечивал наш камбуз водой, другой заготавливал дрова, третий помогал дежурному стряпать...

Наша походная плита, на которой мы можем печь даже оладьи и пышки, когда туго приходится с хлебом, стоит отдельного

разговора. Это прямоугольная лунка, выкопанная на ширину и глубину одного штыка лопаты. По длине же лунка делается такой, чтобы можно было одновременно готовить основное блюдо и вскипятить чай. Сверху это углубление в земле закрывается металлической решеткой, специально сваренной для этого случая в мастерских, либо сплошным железным листом. Верхний срез лунки строго выравнивается, чтобы посуда на «плите» стояла ровно. На таком очаге чайник закипает за двадцать — тридцать минут, а приготовление пищи занимает значительно меньше времени, чем на традиционном костре, оборудованном треногой и котелком, — костер мы сразу же отвергли из-за неэкономичного расхода топлива.

Быстро угас день. В долину реки с барханов сползает темнота. При мерцающем свете костра пытаюсь сделать необходимые записи в дневнике.

Завтра, с восходом солнца, трогаемся в путь: надо перебазироваться в новый район работ. Разговоры у костра мешают сосредоточиться, и мои записи продвигаются плохо. Слышу голос Бориса, обращенный, по всей вероятности, к бывалым полевикам:

— Не пойму, для чего нужно мерить воду? Не все ли равно, сколько воды идет по реке?! Ведь ее больше не станет от того, что мы будем знать величину расхода?

И действительно, нужен ли строгий учет воды? Ведь от этого ее и в самом деле больше не станет... Кто из нас в своей повседневной жизни задумывается над тем, почему за воду плата практически не взимается? Мы привыкли к тому, что платим только за то, на что был затрачен человеческий труд. Природные же ресурсы сами по себе вроде бы ничего и не стоят — правда, опять-таки пока человек не вложил в них свой труд. И поэтому каждый житель земли не знает настоящую цену воде и задумывается об этом только тогда, когда оказывается в исключительных, критических ситуациях.

И только гидрологи знают настоящую цену воде. Они-то и занимаются учетом водных ресурсов. И необходимость такой работы сомнений у них не вызывает. Пытаюсь объяснить Борису суть дела на конкретном примере — реке Тургае...

Неделю назад, направляясь с верховьев Тургая к его устью, мы заехали в поселок с одноименным названием — чахлые кустики, песчаные барханы прямо на улицах поселка. Барханы — прямое следствие того, что ни в самом поселке, ни вокруг него почти нет растительности. А отсутствие растительности говорит о том, что здесь нет воды. Какой парадокс: рядом находится одна из крупных рек Казахстана — а поселок испытывает острый дефицит в воде! В чем же дело?

Это только на первый взгляд может показаться, что в Тургае достаточно воды, чтобы оживить бескрайние Тургайские степи,

через которые в прошлом проходили все караванные дороги, идущие из Средней Азии в Россию. Но мы-то убедились, что во всех поселках, расположенных близ реки, ощущается явная ее нехватка.

Весной Тургай действительно несет столько воды, что выходит из берегов и заливает пойму. Ширина разливов доходит порой до двадцати километров. Разливаясь столь широко и заполняя при этом бесчисленные русла протоков и рукавов, река теряет свои силы. Здесь, на пойме, вода практически вся и остается. И летом воды в русле почти нет. Тургай не в состоянии донести свои воды не только что до устья, но и до места слияния с Кабыргой. Воды не хватает даже на орошение приусадебных участков в течение одного дня. Иногда единственным ее источником является мелеющий плес какого-нибудь протока Тургай, не успевшего полностью высохнуть за лето. Великолепные же луга, вырастающие на пойме после весенних разливов, никак не компенсируют этого печального обстоятельства.

Вот если бы всю воду половодья направить на службу человеку, то ее хватило бы не только на один поселок Тургай, но и на двадцать ему подобных. Поселки эти превратились бы в настоящие оазисы с садами, бахчами и плантациями овощных культур.

Но для решения этой условно выбранной мною задачи необходимо знать об этой реке гораздо больше, чем отрывочные сведения о речном стоке, измеряемом в одном-единственном гидрометрическом створе, который к тому же удален от истока более чем на двести километров. Вот для этого-то мы, гидрологи, занимаемся гидрографическим обследованием рек, озер, пойм и речных водосборов, нивелируем поперечные профили, ведем инструментальную съемку конкретных участков, определяем положение меток высоких вод,

разбираясь в гидрологическом режиме исследуемых водных объектов. Материалы наших работ нужны не только для разработки рекомендаций по использованию имеющихся водных ресурсов. Они могут быть использованы гораздо шире, скажем, для решения различных специальных задач при проектировании всевозможных гидротехнических сооружений. Без этих работ вообще не обойтись при проектировании прудов, водохранилищ, лиманного орошения.

Вот и наша экспедиция выполняет изыскания под проект трассы канала, который предполагается построить для переброски части стока сибирских рек на юг страны. Наша задача — обеспечить проектировщиков материалами по гидрографии водных объектов и гидрологическому их режиму в районе будущей трассы...

Потрескивает костер. Оранжевое пламя его вздымается высоко вверх, рассыпаясь красными искрами-светлячками. Звенят неугомонные цикады. С реки доносятся глухие удары по воде — это вышла на охоту щука или ондатра. Летом в Казахстане удивительно тихие ночи. Часами можно сидеть и смотреть на звездное небо, любоваться звездопадом. Одна только беда: ночи летом короткие, а утро наступает так скоро, что мы не успеваем выспаться и отдохнуть.

Восход солнца встречаем за завтраком. Вещи уже собраны и уложены в машину. Сегодня нам предстоит преодолеть по бездорожью и пескам более двухсот километров — задача почти невыполнимая: в такую жару да еще в песках нашему вездеходу придется больше «остывать», чем работать. Вот поэтому мы взяли за правило в день отъезда вставать очень рано, чтобы хоть несколько часов пути ехать до наступления жары.

Надрывно завывая на крутом подъеме берегового уступа, наш многострадальный ГАЗ-66 выбирается на Тургайское плато. Отсюда открывается удивительная панорама. Прямо под нами, внизу, виднеется наша крохотная зеленая терраска, почти полностью закрытая кронами деревьев. На востоке петляет между барханами и холмами русло Кабырги с безбрежными тростниковыми зарослями. А чуть левее в утренней дымке выступает правый обрывистый берег Тургая, озаренный первыми лучами солнца. В южной стороне, куда мы держим путь, среди покрытых выгоревшей жухлой растительностью светло-коричневых холмов, которые ограничивают долину Тургая, хорошо просматривается довольно широкая зеленая полоса приречных тугаев. Над рекой и густым кустарником тонкой пеленой стелется туман. Где-то далеко на юге рассыпается по озерам и плесам Тургай, так и не успев добежать до озера Челкар-Тенгиз. А дальше, в песках Приаральские Каракумы, прячется огромная котловина Мынбулак, выбранная по одному из вариантов переброски части стока сибирских рек на юг в качестве ложа искусственного моря. Итак, в путь, к Мынбулаку!

В УРОЧИЩЕ МЫНБУЛАК

Близится вечер. Наконец-то на сегодня многочасовая дорога позади. Позади сто пятьдесят километров пути по ухабам и пыли. Мы достигли северной окраины песков Приаральские Каракумы. Дальше, по всей вероятности, жилья и дорог нет. Я не знаю, есть ли дорога через пески к урочищу Мынбулак, куда мы теперь направляемся. Два года назад пробиться к урочищу через Каракумы мне не удалось.

Помня горький опыт первых лет работы в экспедиции, с наступлением темноты даю команду останавливаться на ночлег в том месте, где застанет ночь,— на дороге, в степи или в песках.

Место ночевки оказалось на редкость удачным — вблизи от пустующего зимовья и колодца с пресной водой. Лучший вариант и придумать трудно. Однако все настолько устали, что каждому уже безразлично, где будет наш лагерь. Не ужиная и не установившая палаток, устроились на ночлег под открытым небом, бросив свои спальные мешки прямо на разогретый за день и не успевший еще остыть песок. На этот раз сон быстро пришел ко мне...

Проснулся от нестерпимой духоты в спальном мешке. Солнце поднялось уже высоко над горизонтом. Посмотрел на часы: восемь часов. Так поздно я еще ни разу не просыпался. Быстро вылез

из мешка и разбудил ребят. Сборы заняли несколько минут. Слегка подкрепившись и на ходу обсудив свои планы на текущий день, снова трогаемся в путь.

Не проехали и полукилометра, как наш вездеход прочно засел в рыхлом песке разъезженной машинами колеи. Стало ясно, что мы будем продвигаться в глубь песков со скоростью пешехода.

Дорога идет то по распадку между барханами, то взбирается на бугор или спускается с него. С трудом преодолевая каждый подъем и каждый метр пустыни, машина буксует, и мы хлопочем на изнуряющем солнцепеке у колес вездехода, освобождая его из плена. Бензин в бочке быстро тает. И у меня появляется опасение, что нам не хватит его на всю дорогу до ближайшей заправки, а это около четырехсот километров пути.

Дорога, петляя, все дальше и дальше уходит в пески. Все выше вздымаются барханы. Все чаще у дороги и на склонах остановившихся песчаных гор встречаются небольшие рощицы саксаула, кандыма и песчаной акации. Странные очертания барханов напоминают мне стадо исполинских бизонов или зубров, прилегших было отдохнуть да так и застывших на века. Спины их очерились невысоким кустарником терескена, верблюжьей колючки и желтой акации.

Поднимаемся на очередную гряду барханов, с которой открывается удивительный вид на пустыню. Впереди, примерно на расстоянии километра, несколько в стороне от дороги замечаю какую-то долину, окаймленную высокими песчаными буграми. Ее широкое дно сверкает на солнце удивительной белизной. «Что это за речная долина? Может, мираж?.. Неужели заблудились?!» — мелькнула у меня тревожная мысль. Боюсь даже представить, что будет, если мы окажемся в пустыне без воды и бензина. На помощь здесь надеяться не приходится: в этих местах машины появляются крайне редко.

Останавливаемся. Я достаю из планшета карты и пытаюсь найти эту злополучную долину, но ничего не получается: ориентиры на местности совсем неприметные, всюду только барханы да бугры. Однако, если верить карте, в этой части песков другой дороги в глубь пустыни нет. Значит, мы на верном пути. Но откуда здесь долина? Может быть, она оставлена в далеком прошлом рекой Женгельдыозек или даже является частью давно исчезнувшего с лица земли Тургайского пролива, соединявшего в далеком прошлом верхнемеловое море Западно-Сибирской низменности с южным древним Хорезмийским морем (нынешним Аралом)? Теперь на месте некоторых крупных заливов этого моря раскинулась обширная песчаная пустыня Приаральские Каракумы. Сегодня только вот эти полупогребенные долины да уступ Чинк, бывший берег древнего моря, и напоминают о размерах Хорезмийского моря... И опять —

который уж раз! — пожалел я о том, что я не археолог или не палеонтолог и не могу по-настоящему понимать язык древних памятников этой земли, говорящих о ее историческом прошлом.

Над песками и солончаковым белым дном долины струится мажево разогретого воздуха, в котором предметы не имеют четких контуров и исчезают, как в тумане. Мне кажется, будто я вижу большое раскидистое дерево, а далеко за ним расплывчатый силуэт какой-то горы, у подножия которой раскинулось озеро... Вдруг несколько в стороне от долины, простирающейся далеко на юг, выросли высокие белые здания. Они то увеличивались, то уменьшались в размерах. Мы невольно залюбовались видением белокаменного города. Неужели это тоже мираж?! На топокарте в радиусе ближайших ста километров населенные пункты не значились. Кто-то высказывает предположение, что это поселок Джусалы — он лежит как раз в той стороне. В обсуждение этого вопроса включаются все.

Время близится к полудню. Воздух над пустыней раскален. От зноя негде укрыться. Становится трудно дышать. Однако нам надо ехать.

И снова барханы, подьемы и дескончаемый песок. Но наконец дорога спускается в долину и идет по краю солончака. На однообразной, сверкающей белизной поверхности солончака видны небольшие окна воды. И вот за ближним поворотом появляется полоска чистой воды — перед нами лежит настоящее озеро, простирающееся до самого поселка, куда мы держим путь.

Дорога все так же следует вдоль солончака, занимающего почти все дно долины. Все чаще начинает ощущаться тряска, и я радуюсь, ибо это означает, что под нами твердый грунт, а не коварный предательский песок... И вот уже можно разглядеть весь поселок из восьми глинобитных домиков, приютившихся под крутым склоном долины. Среди них выделяются два высоких дома под шиферными крышами. А прямо на противоположном берегу соленого озера красуется недостроенная кошара, каркас которой выполнен из ультрасовременных железобетонных конструкций. Такой кошаре не страшны будут бураны и ураганные ветры... Да, пустыня явно меняет свое лицо.

Через несколько минут мы подъехали к селению с надеждой узнать о дороге на Мынбулак, пополнить запасы воды и, может быть, добыть бензин.

Из низенького саманного дома навстречу нам вышли два почтенных аксакала. За ними высыпали ребятишки всех возрастов — очаровательный народ. Эту своеобразную группу встречающих замыкала пожилая женщина — апа, в высоком тюрбане из белой ткани, в бархатной куртке зеленого цвета, пестром платье и хромовых сапожках — этакая казахская матрона. Аксакалы одеты более скромно: залатанные полосатые халаты, простые брюки из хлопчато-

бумажной ткани. А на голове старые фетровые шляпы. Полуголые босоногие ребятишки с любопытством разглядывали нас, будто впервые видели машину и незнакомых людей.

Как водится в этих краях, гость для хозяина — самый уважаемый человек и знакомство всегда происходит за дастарханом. От угощения отказываться не принято. И как мы ни торопились к Мынбулаку, пришлось задержаться.

Нас пригласили в дом. В приземистом тесном помещении с затемненными маленькими окнами было прохладно. Привыкнув к полумраку, я с интересом стал рассматривать убранство комнаты — пестрые домотканые ковры, кошмы, цветные одеяла с подушками, сундуки, несколько чемоданов. Здесь же были газовая плита и транзисторный приемник «Спидола» — обычные атрибуты чабанского быта на сегодняшний день.

Но вот появляется и угощение: вареное мясо на огромном блюде, домашняя лапша, ароматная шурпа, источающие хлебный дух аппетитные лепешки. Мы давно не ели так вкусно. Правда, иногда чабаны делятся с нами вяленным мясом, но это случается редко.

После чая завязывается беседа. Аксакалов интересуется буквально все: сколько лет каждому из нас, женаты ли, есть ли дети и сколько их, много ли получаем за свою работу... Однако больше всего им хотелось узнать о цели наших работ в песках. Пришлось рассказывать о Мынбулаке и о проекте переброски части стока рек Сибири в Казахстан и Среднюю Азию. Откровенно говоря, меня поразила осведомленность аксакалов о проблеме столь новой и сложной.

Оказывается, о переброске много писала местная пресса. Похоже, идея обводнения засушливых земель Казахстана и республик Средней Азии и проект строительства канала волнуют каждого жителя пустыни, где бы он ни жил и чем бы ни занимался. Вот где мы со всей очевидностью могли убедиться, как ждет воду и землепашец, и чабан, вот где каждый из нас мог почувствовать и понять, для чего нужна наша работа, какой бы однообразной и порой даже бессмысленной она ни казалась нам! Хороший урок преподали аксакалы моим ребятам! Нам повезло, что на нашем пути встретился этот странный аул, о котором мы даже не подозревали, с красивым названием Атанчи.

Аксакалы заверили нас, что в песчаных пустынях, в районах, обводненных артезианскими скважинами, можно встретить целые кочевые поселки животноводческих совхозов в пятьдесят — семьдесят юрт. По словам почтенных аксакалов, в таких поселках есть магазин, больница, столовая, почта и, весьма возможно, даже заправка для автомашин. Короче говоря, обычный населенный пункт, только в юртах. По всей пустыне, говорили старики, мы можем встретить сенокосные бригады. В общем, все знают аксакалы, а вот

дорогу на Мынбулак они не знают, потому что дорог в Приаральских Каракумах гораздо больше, чем предполагал я.

Седобородые старцы оправдывались:

— Мы живем в Актюбинской области, зимовье Атанчи находится на территории Тургайской, а урочище Мынбулак, по твоим словам, находится в Кызыл-Ординской области. Мы этих мест еще не знаем, извини.

— Однако погоди! — продолжает один из аксакалов. — Турангул, наверно, знает. Он лошадей как раз пасет где-то в той стороне. Помнится, он ставил капканы на волков в Мынбулаке. Живет он в юрте недалеко отсюда. Бала вам дорогу покажет.

К нам подходит бала — мальчуган лет шести. Ему поручили проводить нас к табунщику Турангулу. От проводника не отказываемся, несмотря на его столь юный возраст. Тепло распрощавшись с приветливыми хозяевами, идем к машине.

Посоветовавшись с аксакалами, малыш взобрался с моей помощью в кабину и взмахом руки показал направление, в котором нам следовало ехать. Мальчишка был очень важный и к разговорам совсем не расположен. Он сообщил нам лишь свое имя — Тулеген, или, если по-русски, Толик. А потом всю дорогу молчал, знаками показывая, куда нам надо ехать. Наверное, мальчик стеснялся нас, чужаков, плохо зная русский язык.

Мы ехали вдоль песчаной гряды по дну широкой ложбины, поросшей луговыми травами. Среди трав выделялись небольшие куртинки мальвы, ее длинные стебли были усыпаны крупными цветами. Зеленые щетинки чия, низкорослый тамариск еще больше подчеркивали своеобразную красоту пустыни.

Уже в который раз я убеждаюсь в том, что расхожее представление о пустыне как о мертвой, безжизненной зоне не имеет ничего общего с действительностью. Мне нравится неброская красота пустынного ландшафта, многообразная, хрупкая и чрезвычайно уязвимая перед натиском человека. Меня всегда радует предстоящая встреча с пустыней: только в окружении ее я чувствую себя человек, находящийся на своем месте. В пустыне Приаральские Каракумы я прежде почти не бывал, но вокруг удивительно знакомый и по внешнему виду, и по цветовой гамме пейзаж — тот же желтый песок, те же коричневые барханы.

Наконец после очередного поворота впереди показывается небольшое строение, а за ним табун лошадей — по всей вероятности, это кочевье Турангула. Подъезжаем к сторожке с дощатыми стенами и камышитовой крышей. На двери вместо замка висит проволока, прикрученная к гвоздям, небрежно вбитым в дверь и стену жилья.

Турангула я увидел среди лошадей. Он доставал воду из коловца и наливал ее в бетонированный лоток, у которого сгрудились

животные. Увлеченный работой, он не замечал нас. Я подошел к нему, поздоровался. Завязался обычный в таких случаях разговор. И только в конце его, как этого требуют местные правила приличия, я задал вопрос, ради которого мы и приехали сюда: не знает ли Турангул дороги к урочищу Мынбулак.

Турангул вытер с мокрого лица пот, для чего-то снял с головы фетровую шляпу, встряхнул ее и стал мять в руках. Я молча смотрел на него. На вид ему было лет тридцать пять, довольно рослый и красивый казах, волевое лицо, внимательный взгляд. Вместо ответа Турангул пригласил всех в юрту, которая стояла у песчаной гряды в небольшой низине, заросшей чием, напоминавшим ограду. В юрте царил полумрак, и, несмотря на полуденный зной, было прохладно.

Прежде чем продолжить беседу, Турангул, следуя национальным обычаям, удобно разместил гостей, предложив каждому вместо сиденья подушку и цветное ватное одеяло.

Устроившись с комфортом, я вдруг почувствовал, что мне совсем не хочется куда-то ехать и что я с большим удовольствием сидел бы вот так в юрте и пил чай... Все мои заботы и тревоги ушли куда-то далеко-далеко, и на душе стало удивительно легко.

Я еще раз спросил Турангула о дороге на Мынбулак, почти уверенный, что он ответит: не знаю, не ведаю. Но ответ прозвучал совершенно неожиданный:

— Дорог на Мынбулак много. Но вам самим их не найти.

Удивлению моему не было предела: я-то ведь думал, что на Мынбулак вообще дорог нет, а тут вдруг «много»... Осторожно спрашиваю Турангула, не сможет ли он проводить нас хотя бы до места, откуда мы уже сами сможем добраться до урочища. После некоторого колебания Турангул наконец соглашается проводить нас. Он отдает последние распоряжения домашним, мы прощаемся с ними и выходим из юрты.

Не забыл Турангул позаботиться и о Тулегене, нашем маленьком провожатом: его отправят домой на лошади, дорогу в свой аул бала найдет даже ночью — об этом можно не беспокоиться.

Вскоре я убеждаюсь в справедливости слов Турангула о дорогах на Мынбулак: они разбегаются в разные стороны и тут же исчезают за ближайшими барханами. Запутаться здесь проще простого. Повсюду виднеются одни только гряды песка, как волны, следующие друг за другом бесконечной чередой... Но вот вдалеке в мареве полуденного зноя проступили очертания островных гор — тортколей. По словам Турангула, именно там, где виднеются горы, и находится Мынбулак.

Рельеф местности становится все более пересеченным, а окружающий пейзаж все больше напоминает инопланетный, каким его рисуют художники, иллюстрируя научно-фантастические произве-

дения. И постепенно мне начало казаться, что вот-вот должно произойти что-то совершенно невероятное. Руки мои крепко вцепились в борт машины, а глаза ищут нечто необычное и удивительное. Турангул сидит на моем месте в кабине и весьма умело руководит Сергеем, показывая, куда надо вести машину.

Вскоре долина, по которой мы ехали, оборвалась у бархана. Наша дорога вдруг куда-то пропала, исчезла в песках. Однако Турангул не выказывает замешательства. Машина сделала какой-то странный маневр, сильно накренилась, преодолевая бархан, — и мы снова выезжаем на машинный след. Впереди виднеется невысокая гора, а за ней очерились черные силуэты более высоких гор — тортколей. У одной из них, с плоской вершиной и поросшими кустарником склонами, Сергей останавливает вездеход. Из кабины легко выпрыгивает Турангул и жестом приглашает меня подняться на гору. Солнце все еще стоит высоко, и от его палящих лучей негде укрыться.

Поднявшись на вершину тортколя Дынкара, Турангул показывает мне все дороги и объясняет, куда они ведут. Гора Дынкара оказалась обычной песчаной грядой, каких немало на периферии песков Косалбай. Над окружающей местностью — закрепленными песками — она возвышалась метров на двадцать, а над долинообразным межбарханном понижением — почти на пятьдесят метров. С вершины ее хорошо просматриваются урочище Мынбулак и многочисленные хребты, окружающие огромную котловину. Турангул называл горы, хребты и водотоки. Я едва успевал записывать странные бесконечные названия, хотя для географического описания этого участка трассы мне не столько необходимо знать названия местных гор и бугров, сколько гидрографическую сеть этого района, названия долин, по которым добирались мы сюда от самой границы песков. Так уж получается, что, помимо описания объектов обследования, мне приходится заниматься корректировкой маршрутов, по которым мы добиремся к ним. На топокартах многих названий нет, но теперь с помощью информации, полученной от Турангула, я надеялся разобраться в расположении интересных нас объектов. Спрашиваю Турангула, как называются окрестные урочища и долины.

Он долго думает, как будто что-то вспоминает, потом начинает перечислять новые названия:

— Аул Атанчи находится в урочище Кеншагыл. Моя юрта стоит в урочище Уразбай-Кондам, там колодец еще есть, там я коней пою... Где остановились на несколько минут, там будет урочище Бесшиген. А где машина стоит, то урочище Дериталды. Но я не совсем знаю. Моя область другая, а это Кзыл-Ординская сторона...

Наконец-то у наших ног лежит Мынбулак. Скоро он перестанет

быть для меня загадкой. Скоро я увижу своими глазами то, что пока только читал о Мынбулаке в литературе. Увижу, что на севере котловина ограничена почти совершенно плоским плато, обрывающимся в сторону урочища шестидесятиметровым уступом, рассеченным густой сетью временных водотоков. В верховьях одного из них, по рассказам тех, кто бывал в этих местах, в урочище Таржира чудом сохранились саксаульные леса. С востока Мынбулак ограничен неширокой, около десяти километров, перемычкой — плато, по другую сторону которого расположена еще одна котловина, только с менее четко выраженными склонами. На северо-востоке полоса плато оканчивается хребтом Нура. Этот склон котловины Мынбулак изрезан еще более густой сетью сухих русел и эрозионных канав. Наиболее значительные из них — сухие русла Аксай и Жюндукудуксай, гидрографическая сеть которых напоминает мне в плане сухую безлистную ветку мимозы. На юге расположено обширное, простирающееся почти до самой Сырдарьи плато с удивительно ровной поверхностью, покрытой сухими травами, чахлыми кустарничками камфорной полыни и боялыча. Оно также круто спускается к Мынбулаку, а в многочисленных складках этого склона котловины расположено бесчисленное множество мелких водотоков, иногда даже по два-три русла в одной продольной ложбине. С запада к урочищу подходят пески Муюнкум, а за ними возвышается, чуть ли не на сто метров, хребет Бориойнак, напоминающий пилообразными своими вершинами исполинского ящера. За этим хребтом виднеется буйволообразный хребет Байбише, с вершины которого хорошо просматриваются многочисленные бугры и островные горы, значительно уступающие по высоте господствующим возвышенностям. В сравнении с ними они напоминают безобидных горбатых животных, выстроившихся в ряды, как на параде, повернувшись мордами к Мынбулаку.

Среди этого удивительного стада своими размерами выделяется Жиланкыр, а высотой — горы Аккурганболтык, Аккурган, Жараспай-Тау. Эти три высокие горы отделены от Жиланкыра, Данкары, Айгырбека, Ушторгая, расположенных севернее, вытянутой, сильно извилистой долиной шириной до пятнадцати километров. Долина оканчивается на западе несколькими короткими ответвлениями.

Если широкая часть урочища, ограниченного четкими уступами котловины, напоминала голову дракона, а вытянутая извилистая долина — его туловище, то разветвленное окончание долины на западе казалось хвостом сказочного зверя. Не знаю, как у остальных участников экспедиции, но в моем воображении горы, пески, урочища, всегда ассоциировались с образами каких-то чудовищ...

Но все это ждет нас в недалеком будущем. А пока надо ехать дальше. Сергей нехотя поднимается с земли. Турангул напоминает:

— Спустишься в котловину, не забудь повернуть совсем

налево. По этой дороге ты как раз попадешь в самый северный край Мынбулака, где стоит станция Богдок. Прямой дорогой не езжай: она пойдет в Джусалы.

Как и договорились с Турангулом, возвращаемся в урочище Уразбай-Кондам, к юрте. Едва перевалили через ближайшую гряду барханов, как снова остановка. Турангул прощается с нами. Я недоумеваю: до юрты еще не менее пятидесяти километров.

— Не беспокойся, инженер. Там мой конь, сын пригнал, — говорит Турангул, жестом показывая на бархан, на вершине которого показался всадник.

Мы прощаемся с нашим проводником, бесконечно ему благодарные, и разъезжаемся в разные стороны.

Солнце стало клониться к горизонту, когда мы подъехали к хребту Бориойнак. И теперь, разглядывая горы вблизи, я еще раз отметил про себя, что они действительно напоминают исполнинского ящера с шипами на спине. Но гораздо больше меня поразило не сходство хребта с чудовищем, которое я сам и выдумал, а саксаульные леса в его северной стороне — нечасто удается увидеть лес в здешних горах.

Но вот наконец дорога спускается на дно котловины, и мы попадаем в урочище Мынбулак. Еще издалека показались зеленые насаждения вокруг крошечного поселка и какие-то строения. Это и есть метеостанция Богдок.

Поселок казался нежилым. Очевидно, дневной зной загнал людей в прохладные помещения. Пришлось посигналить. Через некоторое время появился мужчина лет сорока. Поздоровались, познакомились. Нашего нового знакомого зовут Николаем, он работает на метеостанции наблюдателем. Узнав, что нас интересует вода Мынбулака, Николай сразу же предлагает нам осмотреть те источники, благодаря которым небольшой поселок Богдок, лежащий в центре пустыни Приаральские Каракумы, хорошо озеленен и даже имеет свои огороды.

Но и без источников здесь было на что посмотреть: аккуратные белые дома, нарядные палисадники у каждого дома, в которых поднимались тополя и карагачи. Под окнами пламенели красные цветы мальвы, соревнуясь в красоте с великолепными гвоздиками и ночными фиалками. Здесь же выглядывали граммофончики душистого табака и скромные ноготки. На небольших клочках земли были любовно выхожены огороды. Среди картофеля, помидоров, огурцов, перца, лука красовались огромные желтые шапки подсолнуха, наливались соком несравненные среднеазиатские дыни и арбузы... И это все среди голой, выжженной солнцем пустыни!

Оазис вносил свои коррективы в природу: в поселке — по сравнению с обжигающим зноем пустыни — относительно прохладно. Здесь свой микроклимат.

Но каким же образом удалось на совершенно безжизненной земле вырастить такой прекрасный сад?

— Воды у нас много, а земля добрая, урожайная, — как будто услышав мой вопрос, говорит Николай.

Много воды? Не ослышался ли я?

Но вот нам показывают и саму нехитрую систему орошения, и даже «водопровод». Все устроено довольно просто и мудро. Оказывается, вода на метеостанцию и приусадебные участки поступает из родника, находящегося на вершине бугра, метрах в двухстах от поселка. От родника — на его месте пробурена скважина — идет желоб, выложенный из каменных плит, а в основании бугра сооружена небольшая запруда, перекрытая невысокой плотинкой. В тело ее встроена металлическая труба, и дальше, на протяжении около ста метров, вода журчит уже в трубах. Потом она попадает в канаву и отсюда разбирается в многочисленные распределительные ровки, которые подают воду уже на индивидуальные участки... Сколько же потребовалось вложить сил в то, что теперь так радует глаз?!

Да, потрудиться пришлось немало, рассказывает хозяин. Сначала приусадебные участки — а они были совсем крохотными — поливали вручную. Но сколько надо было наносить воды даже на эти небольшие огороды!.. Только через несколько лет энтузиасты метеостанции Богдок взялись за осуществление идеи «водопровода». На первых порах были и неудачи, и горькие разочарования. Но в конце концов дело было сделано, и результат — налицо. Прекрасный пример того, чего может добиться человек в деле преобразования природы, не причинив ей ни малейшего ущерба.

Наш добровольный экскурсовод ведет нас к роднику. Ниточку «водопровода» можно заметить еще издалека по темно-зеленой полосе, протянувшейся по склону бугра, — это довольно густые заросли тростника, осоки, верблюжьей колючки — жантака и луговых трав.

Странное дело: родник на вершине бугра! Ребята спокойно поднимаются по его склону и, кажется, совсем не удивляются тому, что родник сверху, а не внизу, как это бывает обычно. Но я впервые увидел такое чудо.

Воронка родника довольно большая, по краям заболочена. В центре ее, почти на уровне дна, видна труба большого диаметра, в которой бурлит холодная, со слабым запахом сероводорода вода. Это напоминало мне вулкан: бугор в виде конуса и на вершине воронка кратера; правда, в ней клокочет не магма, а вода, тут же сбегаящая к подножью бугра.

Отсюда, с высоты каких-нибудь двадцати метров, открывался прекрасный вид на поселок, четко выделяющийся на светлом фоне пустыни чистыми зелеными красками. Напротив поселка у основа-

ния другого бугра виднелся какой-то большой водоем. Может быть, мне это показалось?!

— Это вода... Там наш резервный пруд. Весной мы даже купаемся в нем. Сейчас он мелкий — воды мало, — поясняет наш гид, разгадав мои сомнения.

— А откуда берете воду для пруда? — изумляюсь я.

— Из родника на вершине того холма. Правда, вода этого родника солоноватая на вкус, — следует ответ.

Еще один родник на вершине холма! Обычно родники располагаются у подножья гор или холмов, но на вершине их?!

Мынбулак окончательно покорило мое сердце.

Посмотрев вдруг на часы, наш провожатый заспешил на срок — так метеорологи называют свои наблюдения на метеоплощадке. И уже на ходу крикнул:

— Подождите до вечера, вернутся наши из Джусалов, поговорим как следует...

Не скрою, мне хотелось бы познакомиться с людьми, работающими на этой пустынной станции. Но нам пора в путь.

И снова перед нами расстилается глинистая пустыня. Едем без дорог, руководствуясь только нужным нам направлением. Но чудеса продолжают: только что была безбрежная степь — и вдруг большак! Сергей, прибавив газу, запел, удобно откинувшись на спинку сиденья.

Появились первые мелкие ложбины — слепые окончания сухих русел, поросшие сухими травами — растениями-эфемерами, вся жизнь которых протекает за короткий период весны, до наступления засухи. Переехали через неглубокий ровок и за кустарником чингиля увидели странное сооружение — ничего подобного раньше мне видеть не приходилось. Оно представляло собой фиксированный участок русла, одетый в бетон, который заканчивался прямоугольным бетонированным корытом с вертикальными стенками. По обе стороны корыта было вырыто по колодцу примерно пятиметровой глубины. Стенки колодцев укреплены бетонными кольцами и соединены с корытом короткими трубами.

Это нехитрое сооружение, очевидно, предназначалось для сбора весенних паводочных вод, сбегаящих многочисленными ручьями со склонов котловины к ее равнинной части. Ручьи вгрызаются в рыхлые склоны, образуя русла, и сливаются в единое целое, рождая большой поток. Но, пройдя несколько километров, безудержно растекаются по глинистой равнине урочища Мынбулак. Вот в этом-то месте, где река еще не растеряла свои силы, и построен водонакопитель: лоток и корыто выполняли роль отстойника — первичной очистки вод от мусора и обильных наносов, колодцы же принимали уже осветленную воду для длительного хранения после соответствующей обработки ее коагуляторами.

Ниже этого необычного сооружения виднелась артезианская скважина, окруженная тростниковыми зарослями, из которых в русло сухого водотока лилась вода. Зброшенный вид всего сооружения говорил о том, что оно уже отслужило свое. Значит, воды артезианской скважины вполне хватает для обводнения этого района Мынбулака. Да артезианская скважина и надежнее: ведь она работает круглый год, постоянно давая свежую воду, а в водонакопитель вода попадает только в периоды снеготаяния и выпадения дождей.

Дорога выводит нас в широкую долину, ограниченную горой Тастемир и безымянными увалами. Взобрались на один из увалов, и перед нами открылась величественная панорама. Отсюда, с высоты, хорошо просматриваются дно котловины и паутина русел сухих водотоков, пересекающих склоны Мынбулака. Особенно сильное впечатление производят глубокие долины. На дне их частенько попадаются тростниковые заросли — значит, здесь бьют небольшие роднички. Где-то там, в районе урочища Таржира, находятся и верховья лога, который мы недавно покинули. Что же, придется теперь заняться его верховьями, а заодно обследовать русла, запрятанные в многочисленных складках склонов котловины.

Скоро надо будет подыскивать место для ночлега. А пока у нас есть несколько светлых часов, и мы можем еще многое сделать. Вкратце разъясняю ребятам, чем именно мы должны здесь заняться. В конце разговора еще раз напоминаю им, чтобы не забывали обращать внимание на то, какие почвогрунты слагают поверхность водосбора, на качество воды в плесах и родниках, если таковые окажутся, на растения-индикаторы.

Ребята недоумевают: «С каких это пор гидрологи стали интересоваться растительностью?» Однако именно они, растения, позволяют нам «заглянуть» в глубину земли безо всяких приборов и инструментов и увидеть то, что без них мы бы и не узнали.

Вот, например, верблюжья колючка (она же — жантак) и тростник произрастают не только у воды, но и всюду, где грунтовые воды, главным образом пресные, находятся близко к поверхности земли. А вот боялыч и реомюрня указывают на то, что преобладающие почвогрунты в месте их произрастания супесчано-суглинистые. Показателем довольно мощных супесчано-щебнистых грунтов является южная полынь, которую здесь можно увидеть на каждом шагу. Если в устьевых участках сухих русел есть заросли адраспана, итцегека или тамариска, можно с уверенностью сказать, что здесь неглубоко залегают солоноватые, а может быть, даже и пресные грунтовые воды. И таких примеров, как с помощью растений-индикаторов определяются почвогрунты, глубина залегания и качество грунтовых вод, можно привести еще много.

Задачи обследования доведены до каждого, маршруты опреде-

лены. Теперь — за дело! Вскоре на вершине пустынного плато остаются только Сергей да наш трудяга вездеход. Легкий ветерок играет тонкими стеблями высохших трав, шуршит сухими листьями дикого ревеня и снова сникает. День близится к концу, но зной не спадает.

Обследуя водосборы, мы постоянно имели возможность обозреть Мынбулак сверху и не уставали любоваться его необычным пейзажем. И только к вечеру очертания котловины начинали теряться в молочной дымке уходящего дня. Один Сергей не разделял наших восторгов. Он чертыхался и проклинал кочкарник, по которому приходилось вести машину, Мынбулак и азиатскую жару...

Наконец все работы на сегодня закончены, и мы снова трогаемся в путь. Машину отчаянно швыряет на кочкарнике, езда становится невыносимой. Но вот мы выезжаем на очередной водораздел. Кочкарник сменяется почти плоской равниной, покрытой жухлыми травами. Вдалеке виднеется большая долина, убегающая в сизую даль. Где-то здесь поблизости должно быть урочище Таржира с саксаульным лесом.

Солнечный диск коснулся уже пилообразных вершин хребта Бориюйнак, когда мы стали подъезжать к урочищу Таржира. Вот у дороги появляются одиночные кусты черного саксаула, и вскоре мы уже едем среди настоящих зарослей. На землю стремительно опускаются густые сумерки. Повееяло прохладой. День кончился, и уже за каждым кустом пряталась ночь. Свернув с дороги на какой-то затерявшийся в лесу след машины, попадаем на поляну, где и решаем заночевать.

В считанные минуты разгружаем машину, ставим палатку. И вот уже в надвигающуюся темноту ночи вздымается пламя нашего костра. В небе все ярче и ярче загораются звезды. И вскоре ночная тьма и обступающий нас саксаульный лес полностью поглотили лагерь.

Наконец-то можно отдохнуть от изнуряющего зноя. Я устраиваюсь поближе к зарослям саксаульника и с наслаждением вдыхаю аромат цветущих растений и терпкий запах полыни. До чего же здорово в экспедиции! Особенно хороши ночные бдения у костра, звездные ночи, тихие хрустальные рассветы и даже горячее дневное солнце. Стрекохуч цикады, откуда-то доносятся какие-то нежные звуки, как будто звонят в крошечные колокольчики: то ли это звон крошечных крыльев насекомых, то ли неуловимое движение прохладного ночного воздуха в кронах саксаула. Под эти мелодичные звуки я незаметно засыпаю. Мне снятся скорпионы, фаланги, каракурты, ползущие на свет нашего костра, и до моего сознания постепенно доходит, что я не защитил лагерь от нашествия насекомых. Просыпаюсь и начинаю рыть канавку вокруг нашей палатки. В ровок засыпаю золу от костра. Из своего опыта знаю,

что эта мера довольно надежно защитит нас от нашествия непрошенных опасных гостей. Правда, может быть, мне это только кажется, что зола отпугивает змей и ядовитых насекомых, но за все время работы в экспедиции я никогда не встречал их в своей палатке.

Разговора у костра сегодня не получается. Сильно устав за день, ребята уходят спать. Гашу огонь, засыпая его землей. И мгновенно палатка, вездеход и весь лагерь проваливаются в кромешную тьму.

Тревожно шумит саксаульный лес. Откуда-то, совсем близко, доносится печальный вой шакалов. Эти тоскливые звуки множатся и вскоре доносятся отовсюду. Ложусь спать и я...

Три дня мы колесили вокруг Мынбулака: спускались на его дно и снова поднимались на уступы, размытые водой. За эти несколько дней я в полной мере прочувствовал, как огромна эта естественная чаша, как будто специально приготовленная природой под ложе будущего водохранилища...

Идет последний день нашего пребывания в урочище, по которому мы проехали и прошли не одну сотню километров, обследовали более двух десятков водосборов и сухих русел. От него наши дороги побегут во все стороны: в низовья рек Иргиза и Тургая, которые мы тоже должны обследовать, в низовья Сырдарьи, где нам предстоит выполнить основной объем работ по обследованию древней дельты, по многочисленным руслуам которой в многоводные годы вода устремляется далеко от реки на встречу с Аральским морем. В будущем эти русла будут пересекаться крупным каналом, а значит, о них надо знать все: размеры, период обводненности, величину максимального расхода воды, проходящего по руслуам. Впереди еще более двух месяцев полевого сезона...

А пока мы раскатываем на машине по дну Мынбулака от одного зеленого оазиса, в центре которого прячется родник, к другому, с таким же родником. Слово «Мынбулак» переводится на русский язык как «тысяча родников». И действительно, в урочище еще можно встретить бессчетное множество ключей — там, где грунтовые воды выходят на поверхность земли. Мынбулак — это глубокая котловина, дно которой лежит на сто метров ниже поверхности окружающей местности. По всей вероятности, именно поэтому грунтовые воды здесь залегают близко к земной поверхности и кое-где прорываются наружу в виде родников, изливающихся под напором. Вместе с потоком воды выносятся мельчайшие частицы грунта, образующие на поверхности земли конус, — такой родничок напоминает крошечный вулкан. Нарастивая конус, родник поднимается вверх и постепенно оказывается на вершине бугра высотой в несколько метров. Однако со временем «жерла», по которым вода из земных недр прорывается на дневную поверхность, заносится теми же самыми частицами грунта, которые «растили»

родник, и он затухает... Вот примерно такая картина рождения и смерти родников Мынбулака начала смутно вырисовываться у меня в голове после того, как мы обследовали пятнадцать оазисов у родников, большинство из которых находились на вершинах бугров, как и родник у метеостанции Богдок.

С грустью должен заметить, что в связи с общим снижением уровня Аральского моря под влиянием хозяйственной деятельности человека в бассейнах рек, впадающих в него, снижаются и грунтовые воды, питающие родники Мынбулака, и многие из них преждевременно иссыкают.

Уже улеглись события тех дней и были написаны все главы «Дневника», как вдруг мне случайно попал в руки журнал «Наука и жизнь» № 12 за 1979 год, в котором оказалась статья «Гидровулканы», написанная гидрогеологом Р. К. Баландиным. Я с волнением стал читать ее: статья была посвящена родникам Мынбулака.

То, о чем я только догадывался при обследовании этого уникального природного комплекса, нашло свое подтверждение и точное объяснение в этой статье. По мнению гидрогеологов, родники Мынбулака — Баландин называет их гидровулканами — действительно образовались вследствие выхода на дне глубокой котловины залегающих близко к поверхности артезианских напорных вод...

На следующий год я встретил гидровулканы и в другой впадине. Она расположена в центре пустыни Кызылкум и тоже называется Мынбулак. Думаю, что гидрогеологи еще не сказали своего последнего слова о гидровулканах.

Машина спокойно катит по обширному такыру, в самом конце которого отчетливо просматриваются густые заросли кустарника. Переувлажненный участок у родника — саз — занимает сравнительно большую площадь, чуть ли не в целый гектар, и хорошо заметен издали. Здесь шведка, верблюжья колючка и дреза — индикаторы пресных грунтовых вод — соседствуют с селитрянкой и бояльцем — растениями-показателями соленоватых и соленых грунтовых вод. Для здешних мест это настоящий сад. Чтобы убедиться в этом, я — уже в который раз! — осмотрелся по сторонам и увидел все ту же безводную пустыню с крошечными зелеными оазисами у родников.

Тщательно исследуем чуть ли не каждый квадратный метр этого зеленого островка в пустыне, нанося на схему района места выхода родников на земную поверхность, зону распространения заболоченных участков и тип растительности. Мы уже знали теперь, что мынбулакские оазисы — это сравнительно

огромные «окна», через которые грунтовые воды выходят на дневную поверхность, заболачивая большие пространства. Однако степень минерализации и размеры заболоченных участков у каждого родника разные.

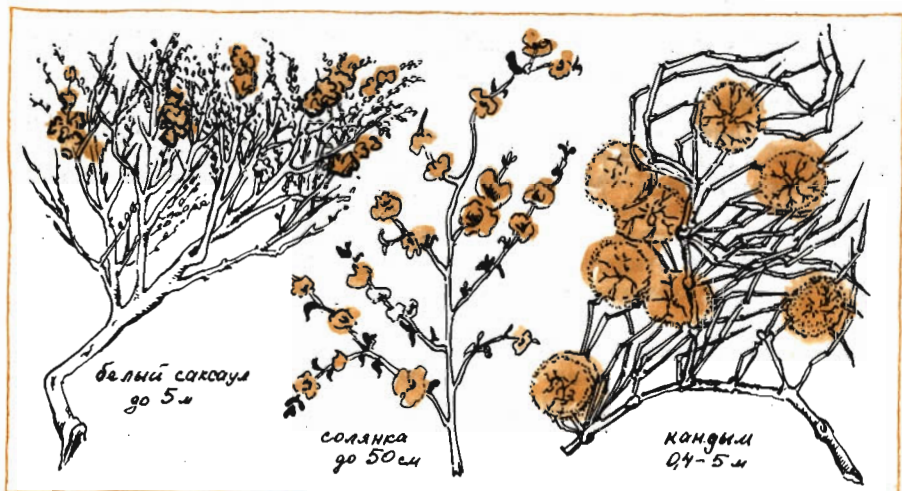
Этот наш последний оазис оказался совершенно необычным. Он образовался сразу от двух источников: один из них был с соленой водой, другой — с пресной. Источник с пресной водой почти ничем не отличался от обыкновенной лужи, и только в центре его из небольшой воронки была чистая вода. Очевидно, этот родник сравнительно недавно прорвался на поверхность земли.

День на исходе. Солнце скрывается за хребтом Борийнак. Я заканчиваю свои описания по Мынбулаку — пора думать о ночлеге. Место для лагеря выбрали рядом с двумя раскидистыми кустами тamarиска, неподалеку от пресного источника. Даже самое маленькое и неказистое деревцо для взора приятнее, чем эта безграничная и безжизненная равнина.

Пока мы занимались устройством своего полевого быта, Сергей отправляется с ведрами в центр саза за водой, осторожно ступая по скользкому дну. Вернулся он нескоро, с пустыми ведрами, весь перепачканный илом — неопровержимое доказательство падения в лужу. Увидев товарища в таком неприглядном виде, ребята не могли удержаться от смеха. А Алексей произнес такую речь:

— Да разве тебя на колодец за водой посылали?! Тебе что надо было взять с собой?.. Правильно, кружку!

За Сергея заступается Виктор. Пока идет этот мужской разговор, Марина молча берет ведро, кружку и отправляется за водой. Высоко поднимая ноги, чтобы не взмутить воду, она скрывается

в тростниковых зарослях. Возвращается она минут через двадцать и, конечно же, с полным ведром воды.

Горит костер. Мы занимаемся обычными бивачными делами. В ожидании ужина ребята собрались у костра.

— А я все-таки не пойму, зачем мы ползали по всем сухим руслам, лезли в каждую лужу? Зачем это было надо?— доносится до меня голос Виктора.

— Что же здесь непонятного? То, что Мынбулак является очень удобным местом для создания водохранилища, ясно любому. И для чего мы выполняем его обследование, можно додуматься и самому,— слышу я голос Марины.

Такой смелости я от нее не ожидал. Обычно она любит задавать вопросы или слушать других, а тут вдруг заговорила сама.

— Допустим, что канал построен,— продолжает Марина.— Представь себе, что, не зная природных особенностей Мынбулака, взяли да и заполнили его водой. «Ну и что?!»— скажешь ты... Но уже через два года, а может быть, и раньше вода из него станет уходить — проваливаться по тем самым «жерлам» высохших родников, которые мы видели. Начнет расти соленость воды — это уже внесут свой «вклад» действующие родники. Да еще станет залияться дно котловины. Видел, сколько сухих русел стекает в Мынбулак? Это летом они сухие, а весной, знаешь, сколько по ним идет воды и сколько, значит, она тащит с собой наносов?! И произойдет все это по незнанию природных особенностей Мынбулака. Потому что где-то мы не доглядели лужи, которые образовались от выхода соленых ключей, где-то не обследовали детально все сухие русла.

— Сколько всего водотоков несет свои воды в Мынбулак? Более тридцати, так? — горячо продолжает Марина.— А суммарный весенний сток одних только пяти русел, которые мы обследовали первыми, составляет более пятидесяти кубических метров в секунду. Представляешь, что здесь делается весной, когда в течение нескольких дней «работают» все русла разом?! А ты говоришь «зачем!»— заканчивает свою неожиданную речь Марина.

Да, оказывается, Мынбулак покорила не только мое сердце.

ДВЕ РЕКИ

— Куда ехать? — прервал мои размышления Евгений Богатырев, водитель второй машины.

Неделя, прошедшая со дня нашей последней ночевки в урочище Мынбулак, была насыщена разными событиями. Мы постоянно теряли дорогу и останавливались на отдых прямо там, где нас настигала темнота, — либо в пустынной степи, либо у пыльной дороги. Несколько раз мы оказывались в плену песков и солончаков, доверившись случайному следу.

Дороги! Как плохо, что вас так много и все вы немые, но еще хуже, когда вас совсем нет...

Но вот все тревоги позади: мы добрались наконец до поселка Джусалы, где нас ожидала вторая группа экспедиции, прибывшая на своей машине из Кустаная, — здесь постоянно базируется одна из партий Ленинградской гидрологической экспедиции. Народ собрался разный — ленинградцы и местные, студенты и бывалые экспедиционники. Теперь мы вместе будем обследовать древнюю дельту Сырдарьи.

Покинули мы Джусалы спустя несколько дней, хорошо подготовившись к поездке в необжитые края и подробно обсудив все детали программы своих работ. Но на душе у меня было беспокойно: как организовать работу, чтобы никто из членов экспедиции (а нас теперь вместе с шоферами было тринадцать человек)

не оставался без дела? Выдержат ли наши два вездехода длительные разъезды по бездорожью и пескам сырдарьинской дельты? Где доставать воду и продукты в пустыне? Вот об этом я и размышлял, сидя рядом с Евгением Богатыревым.

— Так куда ехать? — снова напоминал о себе Богатырев.

Яркий свет фар нашей флагманской машины мечется по густым зарослям сырдарьинских тугаев, выхватывая из мрака ночи пыльные кусты чингиля и темную зелень луговых трав. По плану мы должны были заночевать близ переправы через Сырдарью в районе селения Тартугай с тем, чтобы завтра, переехав на левый берег реки, добраться до места начала работ — верховьев древней дельты Сырдарьи. Однако до переправы еще очень далеко. И надо где-то здесь выбрать место для ночлега. Я с трудом узнаю те места, которые, как мне казалось, знал еще по 1969 году. Тогда где-то неподалеку отсюда проходила асфальтированная дорога, ведущая через пойменные разливы к понтонной переправе на Сырдарье. Помнится, здесь были густые заросли тугаев, а рядом река, на берегу которой у нас был разбит лагерь. Теперь я не узнаю ни дороги, ни тугаев, ни места — все совершенно незнакомо, да еще эта непроницаемая темнота.

Я выхожу из душевой кабины и отправляюсь на разведку. Но тут же невольно останавливаюсь, залюбовавшись прекрасной ночью: на тугаи опустились россыпи звезд, оглушительно стрекочут ночные музыканты — сверчки и цикады, надрывно квакают лягушки, воздух наполнен свежими запахами реки, цветущей джиды, каких-то трав.

Включив карманный фонарик, я шагнул в темноту. Сразу же от дороги куда-то в ночь сплошной стеной уходят заросли тугаев. Осторожно пробираюсь через эти джунгли, больше всего опасаясь свалиться в Сырдарью с обрывистого берега. В темноте неумудрено и заблудиться. Но я надеялся на свою память: ведь в тот год выдающегося половодья мы жили на берегу Сырдарьи неподалеку от паромной переправы целых три дня. Тогда наша палатка стояла под раскидистыми деревьями джиды прямо на обрывистом берегу реки в каких-нибудь пяти метрах от воды.

Поиски ничего не дали. И я решаю вернуться к машинам, рассудив, что мы можем заночевать в любом месте — была бы свободная от растительности площадка. Но неожиданно тугаи расступаются, и я оказываюсь на обрывистом берегу реки. Откуда-то снизу доносится тихое журчание воды. На поверхности сонной воды отражаются звезды...

Пока я занимаюсь безрезультатными поисками подходящей лужайки, мои товарищи успели разгрузить машину и разбить лагерь неподалеку от дороги. Время позднее, ребята устали, и всем уже безразлично, где мы будем ночевать.

И опять мои мысли возвращаются к новым товарищам по

экспедиции — это наша первая совместная ночевка. Как-то мы сработаемся с ними?

О Евгении Богатыреве мне говорили как об очень опытном и добросовестном шофере. Машина у него всегда в полном порядке, и в экспедициях он работал много. Евгений и к нам-то прибыл с берегов Иртыша, где работал тоже с гидрологами.

Ребята, приехавшие с Евгением из Кустаная, в общем, народ грамотный: все имеют специальное среднее образование. Правда, опыт работы в экспедиции у всех разный.

Анатолий Стельмашук — единственный из всех не гидролог. Его я знаю еще по Ленинграду. Мы познакомились с ним в прошлом году, когда он пришел в Гидрологический институт, чтобы устроиться на работу в экспедицию на несколько летних месяцев. Но тогда у нас не было интересной для него работы в Казахстане, куда он непременно хотел поехать, — Анатолий родом из этих мест. Парень он очень самобытный. Обычно вежлив и спокоен, но иногда выдержка изменяет ему, и тогда он вспыхивает, как спичка. Меня в нем привлекает трогательное и доброе отношение к окружающей нас природе. Вот уж кому не надо будет долго объяснять, что такое растения-индикаторы и чем они так важны для нас, гидрологов!

Анатолий очень интересный собеседник — настоящая живая энциклопедия, что делает его совершенно незаменимым членом нашего небольшого коллектива, оторванного от всякой цивилизации. Толя стал не просто моим помощником в организационных вопросах нашей экспедиции, он стал ее комиссаром.

А вот Ольгу Никанорову и Сашу Акатова, студентов-практикантов из ленинградского Гидрометеорологического института, я почти не знаю. Мне известно лишь то, что в нашей кустанайской партии они работают всего около месяца.

Особенно рад я приезду Жени Фролова — опытного экспедиционника и заядлого охотника. Характер у него мягкий, добрый; правда, он любит и поворчать, но делает это без злобы, скорее порядка ради. Но самое ценное качество его характера — это надежность в любом деле и исполнительность. Одним словом, Женя, на мой взгляд, был самым опытным и нужным человеком во всей нашей экспедиции.

Люба Старостина, невысокая симпатичная девушка, работает в экспедиции уже третий год. Похоже, она еще долго будет «болеть» экспедиционной романтикой. Характер у нее ровный, спокойный — пожалуй, немного живости ей бы не помешало.

А вот Оля Иванова — полная противоположность Любе: высокая, стройная, очень живая и очень работающая — это бросилось в глаза в первый же день встречи двух отрядов. Единственное, чего ей не хватает, так это уверенности в своих силах и опыта работы в экспедиции.

В общем, народ у нас подобрался молодой, но почти все — люди бывалые...

Задача у нас, на первый взгляд, простая: обследовать все крупные древние русла реки Сырдарьи — узбои, выполнить полуинструментальную съемку нескольких участков ныне уже сухих русел и отметить на местности участки, которые могут оказаться затопленными водой в годы с катастрофическим половодьем. В нашей программе есть и другие, более «скромные» вопросы. Опросив местных жителей и проведя ряд работ, мы должны выяснить возможность поступления речных вод в древние русла, а также протяженность русловых участков, которые оказались заполненными водой во время половодья 1969 года, когда древняя гидрографическая сеть ожила и сырдарьинские воды доходили по узбоям почти до самого Арала. Словом, мы должны выяснить, как и насколько обводняется сегодня древняя дельта в годы с различной водностью. Дело это непростое, особенно если учесть, что древняя дельта имеет густую сеть сухих русел, каждое из которых протяженностью не менее сотни километров.

Конечная цель наших работ — получение расчетных значений максимальных расходов воды в створах, в которых проектируемая трасса канала пересекает сухие русла древней дельты. Чтобы получить эти цифры, нам придется сделать множество продольных и поперечных профилей, обследовать около пятидесяти крупных и средних русел на левобережье дельты.

Однако, чтобы надежно рассчитать максимальный сток на отдельных участках самых крупных узбоев — Карадарьи, Инкардарьи, Жанадарьи, Кувандарьи, Эскидарьялыка, сначала мы должны найти и обследовать район, где в прошлом они отходили от Сырдарьи.

Итак, впереди у нас бесконечные нивелировки, гидрографические обследования, подробное описание почвогрунтов, слагающих русло и прилегающую местность, а также растительности. Мы будем бурить и рыть шурфы, визуальнo определяя влажность почвогрунтов, крупность аллювия и глубину залегания органического осадка на дне русел, чтобы на основании этих данных судить о продолжительности и величине стока, существовавшего в XVII—XVIII веках, когда дельта жила полнокровной жизнью и все эти сухие русла и водотоки постоянно были заполнены водой.

Не менее важна задача обследования береговых валов и дамб на левом берегу реки Сырдарьи. Без этих сведений невозможно рассчитать поступление воды из Сырдарьи в древние русла через многочисленные прораны — «прорвы» в валах, а также не определить места возможных прорывов береговых валов речными водами. В этом году на левобережье Сырдарьи уже сделана аэрофотосъемка неширокой полосы древней дельты вдоль проектируемой трассы

канала. Материалы съемки позволят нам более детально определить направление водных потоков при очень значительном поступлении воды из Сырдарьи на ее пойму в годы с высокой водностью — скажем, такой, как в 1969 году. И в конечном итоге по аэрофотосъемке и нашим материалам можно будет восстановить древнюю гидрографическую сеть в приканальной зоне шириной до тридцати — пятидесяти километров.

...В далеком геологическом прошлом, в третичный период, Сырдарья не имела выхода к Аральскому морю. Она несла свои воды в центральную Сырдарьинскую котловину, расположенную южнее нынешнего города Кызыл-Орда, где и сейчас на левобережье реки есть много крупных, но мелководных озер. Эта впадина простиралась более чем на сто километров с севера на юг и на столько же километров с запада на восток. От Аральского моря она была отгорожена грядой невысоких гор, служивших естественным водоразделом и не позволявших водам Сырдарьи соединиться с морем. Река несла свои воды в Сырдарьинскую впадину в течение нескольких тысяч лет, а вместе с водой в эту котловину попадало огромное количество твердых частиц — наносов. И постепенно впадина превратилась в гигантский озерно-болотный массив. Затем, когда впадина окончательно заполнилась речными отложениями — аллювием, Сырдарья наконец прорывается к Аральскому морю, образовав сложную дельту. Однако многочисленные крупные русла Сырдарьи, получившие выход к морю, обводняются по-разному. И это время жизни Сырдарьи делится на ряд эпох, называемых по названию реки, главенствующей в данный период. И теперь мы можем говорить об эпохе Жанадарьи, об эпохе Кувандарьи и, наконец, эпохе современной Сырдарьи.

Начало процесса уменьшения обводненности дельты вследствие того, что река получила выход к морю, совпадает по времени с развитием орошаемого земледелия в древних государствах, возникших в этом регионе около четырех тысяч лет до нашей эры. За последующий довольно длительный период по мере увеличения водозабора в верховьях Сырдарьи дельта реки постепенно все более осушается, опустынивается, а вода в ее крупных руслах почти полностью иссякает. Подробнее обо всех этих событиях можно узнать в книгах В. М. Боровского «Древняя дельта Сырдарьи и Северные Кызылкумы» и С. П. Толстова «По следам древней хорезмийской цивилизации» и «Земли древнего орошения».

В настоящее время древняя дельта Сырдарьи сильно преобразована человеком. Вдоль реки, на все большем удалении от нее, идут через пустыню крупные магистральные каналы — Жанадарьинский, Кувандарьинский, Ново-Чиркинийский и другие.

Рельеф района крайне сложный: обширные плоские такырные участки перемежаются бугристо-грядовыми песками. Встречаются

здесь и невысокие останцевые горы, сложенные третичными меловыми породами — Аккыр, Карак, Карагашат, Дегрез и другие. Почвы здесь отличаются большим разнообразием, но в основном преобладают увлажненные (гидроморфные) почвы обводненной и обжитой части дельты иссушенные (субаэральные) почвы пустынной части со следами древнего орошения. А поэтому здесь встречается и самая разнообразная растительность. И растения песков — псаммофиты, и растения, любящие засоленные почвы, — галофиты, и эфемеры — растения, успевающие пройти весь свой жизненный цикл за весну. Встречаются здесь и тугаи. По берегам рек раскинули свои пышные кроны саксаул и джида. Здесь же, в нижнем ярусе, произрастают тростник, тамариск, чингиль, дереза, карабарак, верблюжья колючка, солянка. На такырниках преобладает умеренная растительность, в песках — саксаул, песчаная акация, кандым (он же — джугун).

Я всегда уделяю растениям самое пристальное внимание: они не только радуют душу и глаз, но и позволяют определить правильно преобладающие почвогрунты либо глубину залегания и степень минерализации грунтовых вод...

И вот наступило яркое, звонкое утро. В косых лучах солнца, выглянувшего из-за пышной зелени тугаев, сверкают легкие струи реки, блестит на листьях серебристая роса. В густых кронах деревьев поют на разные голоса веселые птицы. Воздух наполнен ароматом цветущей джиды, умытых росой луговых трав, свежим запахом речной воды. Я долго осматриваюсь вокруг — и не узнаю реки, ее берегов, тугаев... Какими дикими выглядели заросли по берегам Сырдарьи в 1969 году — казалось, там никогда не ступала нога человека! И вот теперь я вижу тут строительный вагончик с облупившейся голубой краской, битое стекло, какую-то ветошь. Куда-то далеко в густые заросли тугаев уползает змеей толстый трос. Тут же лежит завалившийся набок катер паромной переправы. Всюду рытвины, бочки и полупустые фляги из-под технических масел и горючего...

Неужели это та река, которую я знал и любил?! В тот памятный для меня год Сырдарья, сокрушая берега, выплеснула свои воды из русла и разлилась по прибрежным тугаям на многие километры, растеклась по плоской равнине, затапливая бесчисленные озера и русла. Стоишь на берегу, смотришь вдаль — и не видишь другого берега. Трудно поверить, что так было... Сегодня я совершенно не узнаю Сырдарью. Где та могучая полноводная река, которую я видел летом 1969 года и которая привиделась мне вчера ночью? Вот она, вся здесь, под нашим берегом, и ширина ее едва достигает пятидесяти метров. Помнится, где-то поблизости отсюда я набирал воду из Сырдарьи, лишь слегка наклоняясь с берега к реке. Теперь же высота берега составляет пять-шесть метров,

да и реку можно довольно просто переплыть... Нет, это явно не та река, которую я знал прежде. Присмотревшись внимательнее к тугаям, я увидел, что и они стали более редкими и менее зелеными — появилось много сушняка. Всюду видны глубокие шрамы — колеи от колес тяжелых машин...

Первое утро на Сырдарье начинается с быстрых сборов в дорогу. Сегодня мы должны добраться до места начала работ. А пока ближайшей нашей задачей является марш-бросок к Байбакумской переправе через Сырдарью.

И вот мы наконец добрались до паромной переправы и, пристроившись к колонне автомашин, ожидаем своей очереди. Время тянется томительно, и я неторопливо оглядываю все вокруг. Невольно присматриваюсь к Сырдарье, пытаюсь найти в ней хоть какое-то сходство с той разъяренной рекой, которую я видел в многоводном 1969 году. Единственное, что напоминает мне эту реку, — это переправа. Однако и она изменилась до неузнаваемости. Тогда мы с трудом въезжали на паром, взбираясь по разбитым сходням. А в этом году воды в реке так мало, что дорожным мастерам пришлось срезать берега бульдозером, делая крутой спуск и земляную насыпь через мелководье.

Что ж, как гидрологу мне сильно повезло: я видел Сырдарью в 1969 году, году высокого половодья, — и вот я вижу Сырдарью сейчас в год сильного маловодья. Богатый материал для сравнения! Но душу мою картина маловодья вовсе не радует...

Собственно паром представляет собой тяжелый деревянный настил, уложенный на три полых металлических бака с косой срезанными днищами, что делает их более обтекаемыми. Через систему блоков с правого и левого бортов парома пропущен толстый трос, который прочно укреплен на берегах реки.

На паром осторожно въезжают автомашины, трактора, грохочущие на стыках помоста повозки. Подается команда — и паром мягко отходит от причала. Минут через десять он так же осторожно пришвартовывается к противоположному берегу.

Надсадно ревут моторы, и машины с трудом поднимаются по настилам на крутой уступ противоположного берега. Некоторым не удается самостоятельно одолеть подъем, и тогда им на помощь приходят более мощные машины и трактора.

В густом облаке пыли, струящейся, как вода, по лобовому стеклу кабины, мы въезжаем на уступ левого берега. Женя Богатырев включает первую скорость и до конца выжимает педаль «газа». Наш вездеход раскачивается из стороны в сторону, с трудом выбираясь из рытвин и ям, скрытых под толстым слоем мягкой, как пудра, пыли. Женя прокликает местные дороги, сокрушаясь о том, что угробит на них машину, а за это, понятно,

начальство его не похвалит. Но я его слушаю не особенно внимательно — у меня хватает своих забот.

Неожиданно Богатырев останавливает машину. Я с удивлением смотрю сначала на него, потом на дорогу и ничего не вижу, такое впечатление, что мы попали в густой туман.

— Давай переждем, пока пыль сядет, а то ненароком с кем-нибудь столкнемся,— уже более миролюбиво говорит Женя.

Полный штиль. Долго ждем, когда уляжется пыль. Наконец нам удается разглядеть запыленный кустарник чингиля, в который уперлась бампером наша машина.

Женя круто выворачивает руль влево, и дальше мы едем со скоростью пешехода. Я представляю, как сейчас в кузове на ребят непрерывно сыплется пыль, как они задыхаются от нее, кляня все на свете. Прошу Богатырева ехать побыстрее, но «вслепую» водить машину он пока не научился. Вспоминаю строки из какого-то очерка о Средней Азии, где автор утверждает, будто лессовая пыль настолько «чистая», что достаточно встряхнуть одежду — и не остается никакого намека на пыль. Вот бы сейчас этого автора в кузов нашей машины!..

Наконец дорога резко поворачивает вправо и становится более ровной. Теперь я могу смотреть по сторонам и спокойно любоваться сырдарьинскими тугаями. Однако где же они, эти малодоступные заросли? Всюду, куда я ни смотрю, только обгорелые кусты да голые стволы джиды. Молодая поросль с трудом прикрывает страшные ожоги на теле деревьев. Тут же попадаются выгоревшие, но уже омытые дождями заросли кустарников чингиля. Подобную картину я уже видел в низовьях Чу, где чабаны специально устраивали «запалы» тростника и чингиля, считая, что так будет лучше расти молодая трава и что в зарослях у них пропадает много скота. Думаю, что здесь тоже таким примитивным способом отвоевывают землю у тугаев.

Неужели перед нами сырдарьинские тугаи?! Где же джидовые рощи и фазаны, спокойно сидящие на ветках, где луговые травы, которые заглядывали в кузов грузовой машины, где озера и пойменные реки, которым не было ни конца, ни края в 1969 году?

Очевидно мне придется смириться с мыслью, что в этом году мы будем иметь дело совсем с другой рекой, которую придется познавать снова. Я и не предполагал, что можно встретиться с пустыней, где, кроме обгорелых деревьев и пыльной дороги, ничего нет, у самой реки...

— Мотор не тянет, перегрелся. Надо постоять,— говорит Евгений, останавливая машину.

Действительно, жара сегодня невыносимая. Мы в кабине чуть не спеклись... Вот чудеса: в 1969 году мы буксовали в грязи на залитой водой пойме, а теперь плывем в удушающей пыли, которую

наши вездеходы преодолевают с великим трудом! Земля, иссушенная суховеями, покрыта глубокими трещинами-шрамами.

Впереди показалась роща разнолистного тополя — туранги, реликтового дерева, дожившего до наших дней с незапамятных времен. Его густая крона дает отличную прохладу и тень. Лучшего места для отдыха не придумать. Придется переждать здесь жару. Наша рощица, так заманчиво выглядывавшая издали, оказалась вблизи не столь уютной: всюду валяются сломанные ветки, вся трава вытоптана. Нам пришлось потратить немало усилий, чтобы расчистить хотя бы небольшую площадку.

Метрах в ста от нас Сырдарья лениво катит свои воды. Ширина реки здесь невелика, каких-нибудь сорок метров. И русло реки кажется слишком большим для ее сегодняшних скромных размеров. В многоводные годы вода, по-видимому, подступает к самой туранговой роще, и тогда ей приходится нелегко. Смотришь на рощу со стороны Сырдарьи — и кажется, будто она собирается навстречу реке, но, не решаясь прыгнуть с двухметрового обрыва, робко пробует, не вязко ли дно старого русла. Наверное, поэтому ниже берегового уступа кустятся молодые побеги тала, реденькой цепью уходя к воде. Отполированная лессовая корка, растрескавшаяся многоугольниками, блестит на солнце, слепя глаза.

Мы лежим в тени деревьев. Стоит удивительная тишина, совсем не слышно птиц, и только кузнечики лениво стрекочут в пожухлой траве. Я разглядываю крону тополя — самое обыкновенное дерево. С первого взгляда и в голову не придет, что оно чем-то примечательно. И только присмотревшись к листьям, убеждаешься, что они совершенно разные и по форме — широкие, с зубцами и узкие, ланцетные — и по размерам. Вот тут-то и начинаешь понимать, что это не совсем обычное дерево. Туранговые рощи так нарядны, что их трудно не отметить даже среди разнообразной, буйной растительности приречных тугаев.

...И вновь мои мысли невольно возвращаются к Сырдарье, к приречным тугаям, к тому контрасту, который так бросился мне в глаза, между нынешним маловодным годом и годом 1969-м. В моей полевой сумке лежит дневник гидрографического обследования 1969 года, который я взял с собой в свое новое путешествие на берега Сырдарьи, надеясь на его помощь. Беглые зарисовки и записи в дневнике наверняка помогут мне ориентироваться на местности, особенно на маршрутах нивелирования. Но, кажется, теперь я вижу совсем незнакомые мне реку и приречные тугаи, если эту сильно разреженную растительность по берегам Сырдарьи еще можно назвать тугаями.

Чтобы убедиться в этом, я решил заглянуть в свой старый дневник. Время у нас есть. Жара спадет не раньше чем через два часа.

Открываю дневник на первой попавшейся странице и сразу же окунаюсь в то трудное, но прекрасное время, когда я месил грязь на сырдарьинской пойме, прорубая просеки в тугаях для наших нивелировочных профилей.

9 июня. Наконец кончились все хлопоты и ожидания, связанные с арендой самолета. Мы как-то больше привыкли ездить на обыкновенных машинах, и потому теперь наш АН-2 с голубой полосой через весь корпус кажется нам чудом современной техники. Мы взлетаем с Чимкентского аэродрома и направляемся в сторону Сырдарьи.

Через час на горизонте я увидел широкую сверкающую на солнце поверхность реки. Она показалась мне грандиозной, и я не мог оторвать от нее взгляда. Ребята тоже прилипли к иллюминаторам.

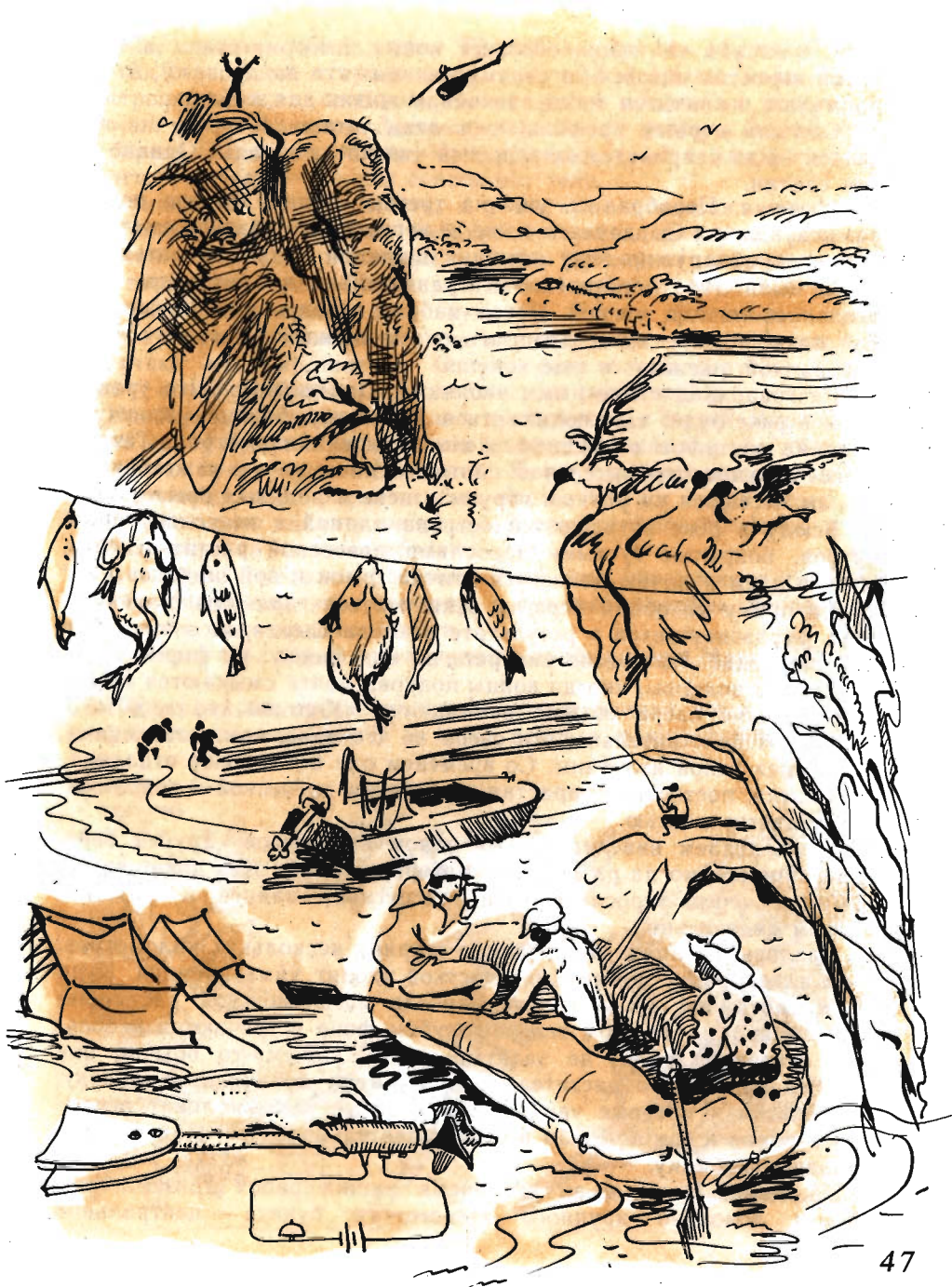
Пересекаем реку, разворачиваемся над водохранилищем Чардара, голубеюшем внизу, как поле цветущего льна, и летим по течению реки. Пролетаем низко над вспененным клокочущим водосбором, где в облаке брызг вода из водохранилища устремляется в русло Сырдарьи и в Кызылкумский канал, убегающий в Чардаринскую степь. Мне показалось, что от речных брызг воздух в самолете стал влажным. Дальше от водохранилища Сырдарья, как будто взяв разбег, становится все шире и полноводнее. Вдоль береговых уступов тянется вспененная полоса — это говорит о большой скорости течения.

Приземляемся в районе урочища Тортколь у небольшого селения, расположенного на вершине увала, у которого Сырдарья делает крутой поворот. Здесь нам предстоит провести первую нивелировку.

Я выскочил из самолета и побежал к реке. Здесь, с высокого уступа, я впервые увидел вблизи Сырдарью: под обрывом увала Тортугай неслась вспененная, разъяренная река. Противоположный берег скрыт дымкой и не просматривается. Густые заросли приречных тугаев стоят в воде. Шум бурлящей воды напоминает звук, сопровождающий торшение льда. В тугайных лесах не умолкает птичий гомон. В воду с грохотом валятся огромные деревья, подмытые полноводной рекой. На плывущих по реке стволах устроились чайки... Обычная картина высокого половодья.

Одним водоплавающим, наверное, теперь раздолье. И я действительно вижу, как на плавнях, озаренных солнцем, утки и гуси учат своих малышей «первым шагам». Они могут быть спокойны за свое потомство, ибо сейчас стихия хорошо защищает их от браконьеров.

В густых зарослях тростника и чингиля слышно, как спокойно ходит по мелководью кабан и чавкает, расправляясь с очередной порцией сладких корешков тростника и рогоза. Сейчас кабану самое время отведаться и нагуливать жир. Потом, когда придет ав-

густ, а за ним сентябрь, обсохнет пойма, выгорит степь, в тугай снова вернется человек со своими делами: кто за дровами, кто на промысел, и кончится тогда спокойная жизнь для кабана...

Сделали первый профиль, чертовски устали. К урезу не пробиться из-за непроходимых зарослей чингиля и джиды. Однако почин сделан.

11 июня. Перебрались уже на третью стоянку. Вчера первый раз искупался в Сырдарье, и даже не верится, что хватило смелости. У берега обнаружил зону затишья шириной метров в пятьдесят, здесь были обратное течение и сравнительно чистая вода. Вода оказалась теплой, мягкой. Потом набрал в ведро мутной коричневой воды. Минут через двадцать она отстоялась и стала совсем прозрачной, пьешь — и еще хочется.

Разговаривал с местными чабанами. Они сказали, что уровень воды в реке будет еще подниматься. По-моему, больше уж некуда. Ширина разливов в среднем около четырех километров. Течение в реке сильное, стремительное: смотришь на воду — и кажется, будто сам несешься по речным струям в пене и водяных брызгах.

Всюду в реке встречаются острова длиной в несколько километров, покрытые густыми зарослями древесной растительности. Оттуда днем и ночью доносятся птичий гомон и вой шакалов.

На пойме по обоим берегам реки тянутся гирлянды старичных озер, образовавшихся в результате разлива Сырдарьи в это высокое половодье. Интересно смотреть на них сверху: по форме озера похожи на подковы, иногда концы подковы почти смыкаются между собой. Такие озера обычно называются «Колган», то есть «Забытое». И действительно, эти озера не что иное, как оставленные, «забытые» рекой излучины. Со временем они все больше отдаляются от реки, постепенно зарастая по берегам древесной и водолюбивой растительностью.

Пока делаем нивелировку на одном из берегов. Другим берегом займемся, когда раздобудем моторную лодку. Как дикие звери, ломимся через заросли тугаев, распугивая зайцев и фазанов. Устаем смертельно.

Разливы на пойме достигают в ширину нескольких километров, и на нивелировку пойменных участков уходит уйма времени. Куда ни посмотришь, везде густые заросли всевозможной растительности и вода... На этом зелено-голубом фоне встречаются небольшие островки земли, не залитые водой. Почему-то обычно они лишены какой-либо растительности и имеют коричневую окраску.

Сегодня я впервые увидел, как местные рыбаки ловят огромных сазанов и сомов. Рыбы в реке удивительно много. Надо срочно наладить рыбалку.

16 июня. Впервые за все время наших работ приземлились вблизи довольно крупного населенного пункта — центральной

усадьбы совхоза «Байракум». Трудно далась эта посадка пилотам Ан-2: с одной стороны река, с другой — арыки, поля, линии электропередачи, и свободна только узкая полоса на дороге, по которой снуют машины. Здесь и сели. Бивак разбили неподалеку, на берегу Сырдарьи. Место, конечно, неудачное: с одной стороны дорога, с другой — река, и совсем нет тени.

Самолет не успел улететь, а у нас уже появилось много новых знакомых — шоферы, рыбаки, мотористы плавучих насосов, закачивающих воду в каналы, капитан буксирного катера паромной переправы дядя Миша и прочий любопытствующий народ. (Вообще удивительное дело: куда бы мы ни прилетели — пусть даже в самые заброшенные, пустынные уголки, — нас обязательно встречают местные жители. Откуда они только берутся в этой глуши, среди безбрежных сырдарьинских разливов?!)

Наиболее полезным оказалось знакомство с дядей Мишей, который сразу предложил нам свои услуги, для начала пригласив на вечернюю прогулку по Сырдарье. Я тут же воспользовался его предложением и попросил отвезти нас завтра на левый берег, где нам необходимо сделать нивелировку поперечного профиля, а вечером вернуться за нами обратно...

С трудом дождался рассвета. Всю ночь не сомкнул глаз: не давали уснуть полчища комаров, а тут еще машины, непрерывно сновавшие мимо нашего бивака.

В семь утра, как и договорились, прибыл дядя Миша. Не подвел!..

Переправа на противоположный берег заняла всего несколько минут. Но где же берег?! Я вижу деревья и кустарник, стоящие

в воде, небольшие куртинки луговых трав и крошечные островки. Открытый участок берега, который издалика казался мне сухим, вдруг превратился в топкое болото с глубокими ямами. Мы прыгаем с борта катера прямо в воду.

Первые двадцать метров нивелировки сделали довольно легко, хотя порой приходилось подолгу стоять с нивелиром в воде.

Однако, пройдя небольшой, сравнительно открытый участок затопленной поймы, мы оказались перед непроходимыми зарослями джиды, тала и вербы. В ход пошли топоры, но вскоре мы поняли, что не так просто одолеть эти заросли. С каждым шагом тугаи становились все гуще. Время шло, просека оставалась все такой же короткой и узкой. Мы отчаянно размахивали топорами, медленно наступая на приречные джунгли, и вскоре совсем выдохлись. Под кронами деревьев, куда никогда не заглядывало солнце, было душно и сыро от сильных испарений с растительности и воды. Дело осложнялось тем, что тут было множество разных протоков, и на каждом надо было сделать нивелировку всех урезов и отметок dna строго по азимуту. В довершение всех бед нас донимали комары и слепни. Хотелось скорее выбраться на открытое место. Наконец вдалеке появились небольшие просветы. В живой стене тугаев пробита последняя короткая брешь — и мы выходим на сухую крошечную полянку. Работа окончена. Но чего это нам стоило!.. Молодцы ребята!

Обратная дорога много времени не заняла. В условленном месте нас уже ожидал дядя Миша.

Однако для меня работа пока не закончена: нужно еще увязать профиль с урезами воды у берегов реки. Прошу дядю Мишу отвезти всех ребят на другой берег и потом вернуться за мной, когда я возьму отсчет по рейке, установленной кем-нибудь из ребят на том берегу... Через полчаса я уже вместе со всеми пил чай. Сегодня я впервые почувствовал сильную усталость.

Однако пора собираться в дорогу. Жара немного спала, хотя солнце еще сильно припекает. Убираю дневники в рюкзак. Укладываем вещи в машину и снова трогаемся в путь.

Вот за густой пеленой пыли последний раз мелькнула наша туранговая роща — и мы выезжаем на широкий простор прикызыл-кумских песков. Едем вдоль пойменных тугаев, пересекая многочисленные сухие русла небольших водотоков. Может быть, среди них находятся именно те, по которым в далеком прошлом вода из Сырдарьи устремлялась в русла древних рукавов? Может быть, именно здесь надо искать истоки Инкардарьи и Дарьялька?

Пока я знаю только одно: с Сырдарьей мне надо знакомиться заново. Чтение дневниковых записей 1969 года окончательно убедило меня в этом.

ИСТОКИ

На землю уже опустились фиолетовые сумерки, когда мы достигли поселка Кызыл-Каин, стоящего на левом обрывистом берегу Сырдарьи в вершине дельты. По нашим предположениям, где-то отсюда начинали в далеком прошлом свой бег некоторые реки — рукава Сырдарьи. Но это еще надо проверить. Однако, судя по всему, сделать это будет непросто, ибо Сырдарья в этом году так обмелела, что невозможно не только найти, но даже и представить места, через которые ее воды уходили из русла на равнину. То ли дело половодье 1969 года: тогда все было видно — пожалуйста, измеряй, фотографируй, реконструируй дельту. Но в той экспедиции у нас были совсем другие задачи. Зато сейчас нам повезло в другом: в этом году на сырдарьинской пойме и в руслах дельты легко заниматься всеми видами гидрографических работ, и прежде всего нивелировкой.

Побеседовали с некоторыми старожилками Кызыл-Каина, раз узнали кое-что о реках, которые собирались обследовать, и отправились на Сырдарью, к истоку одного из старых русел — Мамырбай-Узку. Отсюда мы и начнем свою работу...

Когда мы остановились на ночлег, на поверхность реки легла уже лунная дорожка. Сумрачно нависал над Сырдарьей ее обрывистый правый берег, многоголосо стрекотали цикады и сверчки.

Я лежал в своей палатке и уже в который раз мысленно проверял план нашего первого рабочего дня в дельте, огромная площадь которой внушает уважение при одном только взгляде на карту.

В моем воображении рисуется треугольник с вершиной в Кызыл-Каине и сторонами, обозначенными стволом реки Сырдарья, границей песков Кызылкумы и восточным побережьем Аральского моря. Этот треугольник простирается с запада на восток на несколько сотен километров. Вот на территории этого-то треугольника мы и будем обследовать русла сухих водотоков, по которым, возможно, когда-то вода из Сырдарьи уходила в узбой. А где искать истоки узбоев? Более того, как найти русла сухих водотоков, когда воды Сырдарьи мирно журчат где-то внизу под десятиметровым береговым обрывом, а эти русла здесь, наверху? Однако в поселке мне сказали, что в 1959 году, когда тоже было высокое половодье, река поднялась более чем на восемь метров, затопив многие дома. (Вот тогда-то жители Кызыл-Каина и воздвигли те дамбы-насыпи, которые мы видели и ругоал, когда наши вездеходы въезжали на их узкий гребень). Значит, тогда же вода должна была идти по этим, ныне сухим руслам к узбоям.

Удивительная вещь — сон на свежем воздухе: четыре-пять часов — и ты уже выспался. Встал рано, не терпелось все увидеть при дневном свете, чтобы четко наметить план работ.

Легкий предрассветный туман, поднимавшийся от сонной притихшей реки, окутал тонкой вуалью речную террасу, на которой мы вечером разбили свой лагерь. Над почерневшими от пожаров тугаями вставало удивительно красное солнце. Первые косые лучи его скользнули по влажным листьям кустарников, деревьев, крыше палатки — и вдруг все заискрилось, засияло крошечными звездочками. И только под обрывом правого берега прячется еще ночь, и берег сумрачно чернеет на озаренном солнцем чистом небе. Но вот лучи солнца падают на тихую речную поверхность, и река просыпается.

Низко над водой пикируют ласточки-береговушки, отовсюду доносится многоголосое пение птиц. На водную гладь ложится тень ястреба. Я плыву вниз по течению: не вытерпел, захотелось искупаться перед трудным длинным днем. Спокойные речные струи легко подхватили меня и понесли. Под нашим берегом, где к реке подступают пляж и терраса, течение слабое — река вгрызается в противоположный берег. На обрыве, на высоте около четырех метров, четко прослеживаются следы половодья 1969 года. Значит, в том году терраса, на которой мы разбили свой лагерь, и тем более пляж были под водой... Да, в 1969 году я бы не отважился на такой заплыв! Увлечись разглядыванием берегов реки, я не заметил, как далеко унесло меня течение: давно уже не видно ни

машин, ни палаток, они скрылись за поворотом реки. Я выбрался на узкую прибрежную полосу глинистого пляжа и зашагал по берегу реки в сторону нашего бивака.

Но вот на моем пути выросла стена берегового уступа реки: здесь Сырдарья плотную подошла к обрыву и мчится дальше вспененная и помутневшая. Под обрывом идти неудобно: длинные жгуты корней чингиля переплелись между собой и свисают с берега, словно рыбацкие сети. Обрыв кончился, и я вдруг увидел полого поднимающуюся речную террасу, а в ней — узкую щель, уходящую в глубь берега. Естественно, это еще не исток узбоя, а русло обычной прорвы, но и это уже кое-что. Выбрался наверх и, конечно же, не нашел ни русла, ни каких-либо следов текучих вод: щель полого поднималась от реки в сторону террасы и здесь бесследно пропадала. Босиком по жухлым травам и выжженной солнцем земле идти довольно неприятно, но мне обязательно хотелось выяснить, каким путем шли дальше воды реки, и я заковылял в глубь тугаев... И вот метрах в ста от реки я наткнулся на канавку, простую канавку, но с каждым метром она становилась все шире и глубже, обещая стать настоящим руслом.

Теперь я, кажется, знаю, где искать истоки узбоев. Действительно, все объясняется довольно просто: воды высоких сырдарьинских паводков выходят из берегов на равнину и скатываются по уклону к ее периферии. Поскольку же наиболее значительные уклоны, а следовательно, и скорости течения паводковых вод на пойме наблюдаются у береговых валов, естественно, что именно здесь будет располагаться и паутина мелких русел. Однако главные русла, по всей вероятности, берут свое начало дальше от реки, где-нибудь внутри присырдарьинской равнины, там, где сливаются воедино несколько мелких водотоков. И если это действительно так, то мне совершенно ясен план наших работ: мы ищем мелкие водотоки, по ним выходим к более крупным, а там, может быть, — и к истокам самих узбоев.

Замечу сразу: термин «исток» в приложении к древним рукавам-узбоям — понятие условное. Под истоком я подразумеваю место, где начиналось то или иное древнее русло, отходившее от Сырдарьи. Они не связаны сейчас с рекой. От реки их отделяют естественные мощные береговые валы, которые образовались вследствие скопления наносов в тех местах, где скорость воды и глубина в реке незначительны. Как правило, наносы осаждаются на затопливаемых из года в год участках берегов и поймы. Заросли кустарника и деревьев по берегам рукавов и на их валах способствуют дальнейшему увеличению высоты прирусловых валов, ибо при прохождении высоких половодий растительность задерживает взвешенные в воде частицы.

Таким образом, с одной стороны, река все больше отгоражи-

вает от себя собственные рукава. Но с другой стороны, это способствует более благоприятным условиям поступления воды с пойменных разливов не в Сырдарью, отгороженную от них при спаде половодья валами, а в старые рукава, которые несут воду к древним узбоям. Именно поэтому в районе самых верховьев дельты мы и должны тщательно обследовать все русла, находящиеся на сырдарьинской пойме.

Вполне понятно, одни визуальные наблюдения и гидрографическое описание не могут с достаточной достоверностью ответить на вопрос, по какому из русел, расположенных в пойме реки, вода может в настоящее время уходить в сторону древних рукавов-узбоев. Поэтому, обследуя водотоки, по которым сток из Сырдарьи возможен только в половодье, обязательно будем выполнять нивелировку поперечных и продольных профилей. И только после обработки материалов инструментальных съемок, когда станут известны уклон дна этих русел и величина сечения их, мы сможем косвенно определить возможность этих водотоков транспортировать воду к верховьям русел древней дельты...

Резкий толчок, и под скрип тормозов наш вездеход останавливается перед крутым спуском в сухое русло канала Бутыбай.

— Опять этот канал! — в сердцах восклицает Женя Богатырев.

— Сколько можно?! Вчера мы уткнулись в канал. Позавчера было то же самое. Четыре дня назад этот канал чуть не вышиб ресоры у моего вездехода...

Да, Евгений прав. Канал Бутыбай преследует нас уже несколько дней. Обследуя русла на пойме Сырдарьи, в конце концов мы оказываемся на канале, пытаюсь же найти продолжение этих русел по другую сторону канала, снова возвращаемся к нему.

Бутыбай появился в последние три года и рассек пойму Сырдарьи от Кызыл-Каина до поселка Айдарлы. Он отделяет систему бывших разливов реки от песков, пересекая многочисленные сухие русла, возможно, как раз и ведущие к тем древним рукавам-узбоям — «истокам», которые мы собираемся отыскать. Длина канала уже составляет около семидесяти километров, а закончится он, по словам местных жителей, где-то в районе города Кызыл-Орда, удлинившись еще на пятьдесят километров. Строить его начали в первый год нынешнего маловодья. Размахнулись широко — метров на двадцать и углубились в грунт солидно — не менее чем на три метра. Канал получился внушительный. Только вот вода из Сырдарьи не пошла: из-за наступившего маловодья уровень воды в реке оказался ниже расчетного в голове водозабора. Снова стали рыть, углубляя дно. И теперь канал предстал перед нами этаким шелью, глубиной около восьми метров, с крутыми склонами, не успевшими еще обзавестись растительностью. И никто не знает, смогут ли сырдарьинские воды преодолеть рубежи Бутыбая,

даже если повторится половодье 1969 года. Однако попытаемся разобраться.

Начнем с известного нам Мамырбай-Узека. Какое место отведено этому водотоку в обводнении дельты? Начинается Мамырбай-Узек, как мы уже установили, из озера Торшаколь. Озеро же в свою очередь в средний по водности год соединяется через озеро Колган с Сырдарьей. А если будет многоводный год? Тогда соединятся уже сами озера и будут заполнены до бровок — об этом можно судить по тем же меткам высоких вод. Этого достаточно, чтобы вода из озера Торшаколь по руслу Мамырбай-Узека пошла в сторону древнего рукава-узбоя Жамбыз. Мы сами видели следы той большой воды в песках в виде многочисленных озер, в которых теряется Мамырбай-Узек. А ведь эти разливы и озера находятся достаточно далеко от Сырдарьи — более чем в тридцати километрах от реки, среди песков пустыни Кызылкум.

Да, но почему же вода в песках есть и теперь, в год сильного маловодья, когда уровень воды в Сырдарье стал даже несколько ниже, чем в озерах, расположенных в песках? По всей вероятности, она осталась со времен половодья 1972 года, когда сырдарьинская вода последний раз поступала, по-видимому, в русло Мамырбай-Узека. Наши приблизительные расчеты показывают, что Мамырбай-Узек может пропустить до пятнадцати метров в секунду. А это совсем немало!

Кроме того, не исключено, что озера поддерживает подземный приток воды, и прежде всего со стороны Сырдарьи. Я вспоминаю прекрасные луга, которые встречались нам в песках в этом районе, хотя, по словам местных жителей — а в достоверности полученной информации сомневаться не приходится, — в последний раз вода поступала сюда из Сырдарьи три года назад.

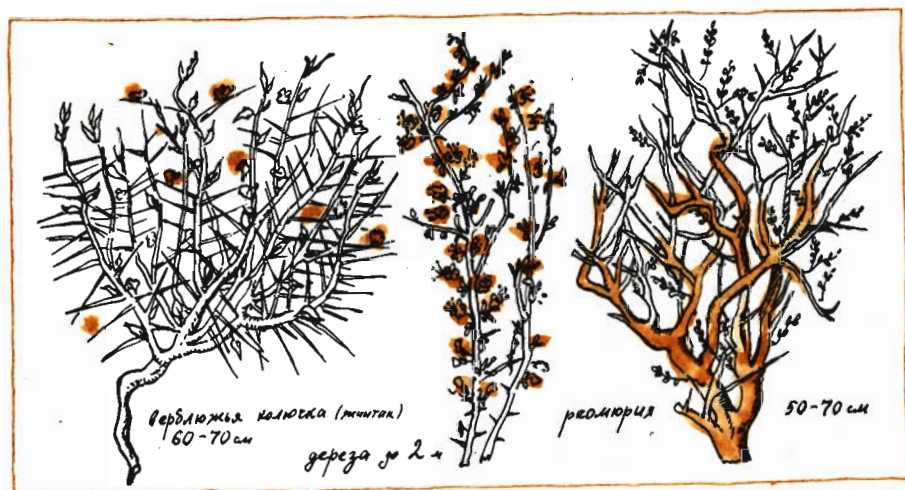
Метки высоких вод, которые мы повсюду находим на берегах озер в виде жгутов и полос мусора на высоте до двух метров над уровнем воды, свидетельствуют о том, что заток сырдарьинских вод в пески — дело обычное. А из этого следует, что хорошо разработанное, глубокое русло Мамырбай-Узека является первым звеном в той длинной цепи, по которой воды Сырдарьи поступают на левобережье дельты. И если внимательно посмотреть на русло Мамырбай-Узека, то мы найдем убедительное подтверждение только что сделанным выводам.

Да, но как повлияло строительство канала Бутыбай, подрезавшего все начальные русла, на жизнь многорукавной дельты?

И снова мысленно возвращаюсь назад... После Мамырбай-Узека и разливов в песках мы попали на одно из многочисленных русел Жамбыза — сухой водоток с обрушенными берегами, затерянный в Кызылкумах. Он не столько глубок, сколько широк, сырдарьинские воды давно не струились по нему. Но тем не менее это Жамбыз,

вернее, одно из его русел. Самое главное в этом водотоке то, что через Мамырбай-Узек он связан с Сырдарьей, минуя канал Бутыбай. Спустившись по Сырдарье от Кызыл-Кайна километров на пятьдесят, мы попадаем в другое русло Жамбыза, которое и теперь еще заполняется водами Сырдарьи в половодье, когда река выходит на пойму. Однако и это русло пересекается каналом Бутыбай, от которого оно отделено временной земляной перемычкой — преграда для полых вод, надо сказать, весьма слабая. Правда, здесь вскоре поставят перегораживающее сооружение с регулирующим устройством, которое позволит пропускать воду из канала Бутыбай в Жамбыз. А значит, это русло Жамбыза вновь станет служить одним из многочисленных связующих звеньев между Сырдарьей и узбоями.

Следы крупных водотоков мы обнаружили и у поселка Жуантобе. В одном из русел лежит небольшое, но непересыхающее озеро Карой. Все эти русла хорошо разработаны, и по берегам их видны следы недавнего стояния высоких вод на пойме. Именно по одному из этих русел сырдарьинская вода попадает в узбой Массабай, тот самый, который я вначале принял за крупный узбой Дарьялык. Когда же было обследовано сухое русло Массабай, мы обнаружили, что и оно замыкается на Жамбызе. В конце концов — ох, и нелегко же это было! — нам удалось установить, что все мелкие, но многочисленные русла, отходящие от Сырдарьи, в конечном счете замыкаются на древнем Жамбызе, а он, в свою очередь, идет к узбоям, которые обнаруживаются за несколько десятков километров от реки. Таким образом, все узбои связаны в один узел и представляют сложную систему пойменных протоков.

отводящих воды Сырдарьи за пределы ее разливов. И никакие каналы воспрепятствуют этому не могут.

Но еще надо оценить долю участия каждого такого водотока в обводнении верхних участков узбоев, не доходящих теперь до Сырдарьи, и потому нам приходится нивелировать многочисленные продольные и поперечные профили.

И все-таки пока я не очень хорошо представляю себе, каким образом заполнятся сухие русла узбоев водой, если на всем пяти-соткилометровом участке Сырдарьи от селения Кызыл-Каин до поселка Джусалы вдоль ее берегов протянулись крупные каналы в высоких земляных насыпях?

Постараюсь мысленно реконструировать всю цепочку от Сырдарьи до ее основных узбоев — Карадарьи, Инкардарьи, Жанадарьи и многих других безымянных древних русел. Если бы в многоводном 1969 году мы оказались в районе поселка Жуантобе, то могли бы наблюдать, как стремительно поднимается уровень воды в реке: за неделю он повысился на пять-шесть метров. Через естественные прораны в береговых валах вода устремляется на пойму, заполняя понижения, озера типа озера Карой, старицы и русла сухих водотоков. Затем, размыв русловые перемычки, образовавшиеся за период безводья, сырдарьинская вода устремляется в сторону узбоев. Однако прежде, чем речные воды достигнут их, они встретят на своем пути каналы, и одним из многих будет все тот же канал Бутыбай. И напрасно будут ждать сырдарьинскую воду старые русла и тугай в маловодные годы — она не дойдет до них. Но в выдающееся половодье, какое было в 1969 году, вода из Сырдарьи пойдет не только по руслам пойменных рек: растекаясь по пойме от края и до края, она уйдет далеко от реки, навстречу пескам и глинистой пустыне, где ее ждут старые русла прежней Сырдарьи. А если еще учесть, что каналы в такие годы, при угрозе значительных разливов на пойме, работают на холостой сброс больших объемов воды в многочисленные понижения дельты, примыкающие к зоне орошения, то напрашивается вывод: узбой — далеко не забытые рекой русла. Следовательно, где-то за пределами зоны орошаемого земледелия — а значит, и за пределами каналов, отсекающих узбой от поймы, — рождается новая гидрографическая сеть древней дельты, дарующая жизнь узбоям.

Таким образом, узбой — древние рукава Сырдарьи, подобно руке, собирают по крохам воду мелких водотоков в одну, довольно большую горсть, а затем щедро отдают руслу основного узбоя. Таков, например, узбой Жанадарья, воды которого в отдельные годы доходят даже до развалин крепости Чирик-Рабат, за четыреста километров от Сырдарьи. Но в этом нам еще предстоит убедиться.

Пока дельта приоткрыла нам лишь часть своих секретов. Основная работа еще впереди.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, КЫЗЫЛКУМЫ!

Низкое белесое небо, бесцветная, растрескавшаяся глинистая пустыня, марево, окутавшее тугай, — все дышало жаром. Наши два вездехода, преодолев многочисленные сухие русла, въехали в заросли низкорослого саксаула. Теперь бескрайняя глинистая пустыня перестала казаться нам однообразной. Светлые такыры живописно оторочены нежной зеленью развесистого саксаула и тамариска. По руслам сухих водотоков тут и там разбросаны кустарнички солянок и вездесущего боялыча.

Уже несколько часов мы кружим по равнине у северной границы Кызылкумов в поисках одного из крупнейших сухих русел древней дельты Сырдарьи — узбоя Жамбыз. В боковое зеркало нашего вездехода вдруг замечаю, как машина Сергея неожиданно делает резкий поворот и мчится куда-то по такырам.

— Куда это они? — спрашивает Толя Стельмашук, заглядывая к нам в кабину. Его рабочее место — запасное колесо, расположенное в кузове прямо за кабиной. Честно говоря, я и сам не сразу понял, что значит маневр Сергея, но вдруг замечаю вдалеке, на невысоком песчаном бугре, три красных пятна.

— Толя, смотри, джейраны! — кричу я, и голос мой срывается: не часто удается видеть этих осторожных животных, теперь их осталось совсем немного.

Женя Богатырев останавливает машину.

— Не может быть! Где?.. Действительно, джейраны! — Анатолий по-настоящему взволнован.

— Сколько километров до Сырдарьи? — неожиданно прерывает он мои размышления о том, где находят воду эти животные.

— Около ста. А может быть, и больше...

— Тогда где-то рядом должен быть колодец или скважина.

— Если верить картам, то самая ближайшая вода — это Сырдарья.

Да, в последнее время все чаще встречаешь обитателей пойменных тугаев и оазисов в пустынях. Впервые я увидел этих животных в песках Муюнкумы, а теперь здесь — в преддверии Кызылкумов. За последние несколько десятилетий флора и особенно фауна, изрядно потесненные человеком, научились приспосабливаться к новым, подчас очень сложным, условиям обитания. И встреча в пустыне с джейранами — наглядный тому пример. Похоже, скоро не один только верблюд будет служить эталоном неприхотливости и приспособляемости к трудным условиям пустынь... Конечно, для джейранов сто и даже двести километров — не расстояние. Однако без воды, под палящим солнцем, к тому же без хороших кормов?! Тут есть чему удивляться.

Наконец вернулась и вторая машина. Сергей лихо разворачивается на такыре и останавливается рядом с нашей машиной.

— Ну что, постоим, остынем? — спрашивает наш лихач Сергей Бибилов, прыгивая на такыр. — Мотор греется, да и в кабине жарко — дышать нечем.

— По тому, как ты носился по барханам, этого не скажешь, — замечает Богатырев.

— Тебе не понять: просто мы увидели джейранов и поехали посмотреть на них, — встревает в разговор Фролов, заядлый охотник, чья инициатива в этой гонке не вызывает никаких сомнений.

— Так вы ездили на смотрины? А я думал, за мясом! — не без иронии замечает Анатолий, противник всякой охоты.

Действительно, дышать нечем. Ветерок чуть колышет жухлые травы, но не приносит никакого облегчения. Неподдалеку в мареве полуденного зноя виднеется одиночное дерево саксаула. Держим путь к нему. Моторы вездеходов не хотят остывать, и мы используем эту вынужденную остановку для обеда.

У меня свои заботы: пытаюсь не потерять ускользающую нить нашего пути. Дороги давно кончились. Где мы сейчас находимся? Попробуй определиться, если вокруг равнина да однообразные бугры песков. Здесь и карта бессильна помочь мне. Светлый небосвод и светлые грунты такыров где-то далеко сливаются, так что не различить, где кончается такыр и где начинается небо. Ни ориентиров, ни горизонта, ни четко выданных предметов — только горячее

солнце, только дрожание воздуха и бескрайняя пустыня. Тень от машин стала совсем куцей. Солнце выкатилось в зенит. Кажется, будто от полуденного зноя все вымерло, и даже невысокий, развистый саксаул, под которым мы пытаемся укрыться от солнца, выглядит каким-то бутафорским, будто сделанным из шпагата и металлических искроуженных прутьев.

Однако мы видели джейранов, значит, пустыня вовсе не безжизненна.

И снова густая пыль длинным шлейфом тянется за машиной. В кабине душно и невыносимо жарко. Хочется спать, мысли путаются. Но вот наконец и граница песков. С высоких песчаных барханов открывается взору широкое русло с оплывшими берегами.

— Это Жамбыз! Приехали! — объясняю я ребятам.

На лицах моих товарищей недоумение. Действительно, глядя на то, что осталось от русла, сомневаешься не только в его способности транспортировать воду. Приходится искать убедительные доводы и для ребят, и для себя самого, чтобы поверить в то, что русла древних рек сохранились и до наших дней. Пусть они сухие, пусть они почти полностью занесены лессом и песком, но ложбины, по которым мы можем еще судить о былой водности рек, способны еще и теперь пропускать воду. И это мы должны постоянно помнить. Особенно же должны это помнить на случай редчайшего сочетания гидрологических факторов и погодных условий: высокий снежный покров, бурное весеннее таяние снегов, сопровождающееся сильнейшими ливневыми осадками, — тогда талые воды, сметая все на своем пути, помчатся по ручейкам и малым рекам в Сырдарью, вызывая катастрофический паводок от верховьев до Тюмень-Арыка. Положение усугубится тем, что в этом случае одновременно и реки южного склона Каратау, ранее не доносившие свои воды до Сырдарьи и в обычное половодье терявшиеся на ее террасах, будут вливаться в реку. Тогда никакие силы не смогут удержать паводок в берегах. Вода из Сырдарьи выйдет не только на пойму, но и на террасы и там будет искать себе пути, чтобы вырваться из ограды земляных валов, дамб и бортов каналов, — такими путями скорее всего окажутся старые русла. Конечно же, каскад водохранилищ в верховьях Сырдарьи попытается удержать и сбросить через аварийные сооружения только лишнюю воду, но и ему не под силу будет справиться с этим морем воды. Такой катастрофический паводок возможен только один раз в 10 тысяч лет. Но мы обязаны его учитывать.

Ну, а если многоводными окажутся несколько лет подряд? Мы должны учитывать и такую возможность. Во время высокого половодья 1969 года Чардаринское водохранилище работало на пределе. Несмотря на то, что холостой сброс в Арнасайскую ложбину был

почти равен объему самого водохранилища, половодье прошло такой мощной волной, что пойма Сырдарьи оказалась залита водой на десятки километров. Помню, когда в тот год я летал над разливами на участке нижней Сырдарьи, мне никак не удавалось разобраться, где сама река, а где каналы, протоки и орошаемые поля — всюду были только вода и крошечные островки суши. В том же году я видел с самолета воду где-то и здесь, в песках.

Вот потому мы должны будем обследовать эти сухие русла, делать нивелировку их профилей, определять уклоны, какими бы незначительными и непохожими на русла настоящих рек они нам ни казались. Придется бурить и дно русел, чтобы обнаружить следы воды под ним, которые река оставила в далеком прошлом. Вот таковы наша работа и главная цель на все то время, пока мы в поле...

Когда солнце нещадно печет, не хочется ни двигаться, ни говорить. Однако, распределив обязанности между всеми участниками экспедиции и договорившись о плане действий, принимаемся за работу. Мы с Анатолием занялись описанием Жамбыза, постепенно приближаясь к угловатым контурам старого городища, которое виднеется неподалеку. И невольно мне представляются картины далекого прошлого.

Вон там, у излучины, находилась сторожевая башня, так сказать, форпост крепости. У стен ее плескались голубые воды, а с другой стороны уходили в бесконечность песчаные волны Кызылкумов. За рекой простирался густой саксаульный лес. С башни почти до самой Сырдарьи хорошо просматривалась окружающая местность и караванная тропа. Никто не пройдет незамеченным. Отсюда в хорошую погоду можно было разглядеть даже мечети Асанас и Исакудук, находившиеся на расстоянии суточного конного перехода от крепости. В дельте около двадцати таких старинных крепостей.

Окончив работу в этом районе, отправляемся наконец на поиски истоков Карадарьи — самого древнего узбоя Сырдарьи, затерявшегося в песках Кызылкума. Слабый след машины, именуемый нами дорогой, окружив по зарослям саксаула, вдруг уходит в песок. Останавливаемся, оглядываемся... Позади — равнина, впереди — горы песка. Все правильно, за этим песчаным массивом, протянувшимся километров на пятьдесят, и должны быть долина и русло Карадарьи. Но проедем ли мы через пески?

— Держи на маячок! — кричу я Сергею, поравнявшемуся с нашим вездеходом, и показываю на шест, виднеющийся на вершине далекого бархана.

Вначале песок перемежается с такырными участками, потом появляются борозды, ложбинки, арыки. Стоп! Надо разобраться в этой мелкой гидрографической сети. Перед нами заброшенный, когда-то давно орошавшийся массив. Арыки, которые обводняли эти земли,

уже почти полностью оплыли и занесены песком. Вода в них, возможно, поступала из того самого сухого русла Жамбыз, которое мы покинули несколько дней назад. Не исключено, что к орошению этих обширных территорий, протянувшихся неширокой полосой на многие километры между двумя песчаными пустынями, были причастны и воды реки Карадарьи. Пески?.. Песков тогда, по всей вероятности, было меньше, и они только окаймляли эти обширные пространства, создавая благоприятный для посевов микроклимат. Наиболее любознательные и авторитетные гидрографы — Женя Фролов, Алексей Попов и Марина Зубова, принимавшие самое живое участие в обсуждении этого вопроса, согласны с моими выводами.

У маяка — шест, установленный на вершине самого высокого бархана, с автомобильной полуосью и пучком чия на конце — дорога окончательно поворачивает в пески. Здесь, как и в горах, крутой поворот дороги следует за поворотом, подъемы сменяются спусками. Колеса вездеходов вязнут в глубокой колее. Вождение по таким дорогам требует от шоферов ничуть не меньшего внимания и искусства, чем в горах. Если застрянешь на бархане, то это надолго — пока не придет откуда-нибудь помощь. Едем на малой скорости: мотор греется, перед каждым подъемом и спуском осматриваем склоны барханов, проверяя надежность дороги.

Иногда межбарханье понижения, тянущиеся на несколько километров и весьма извилистые, очень напоминают речную долину. Но кругом одни только барханы и крупные гряды песка. Нет, здесь русло искать нечего! Хотя, кто знает, — очень уж подозрительными кажутся мне эти понижения! Не древние ли русла это все-таки?..

Топокарта бессильна разрешить мои сомнения. Я должен разобраться во всем сам. Взвесив все «за» и «против», прихожу к заключению, что здесь, у северной окраины Кызылкумов, должны быть русла, питавшие в прошлом крупные реки — Карадарью и Инкардарью. Значит, будем искать эти русла.

Преодолев очередной бархан, попадаем в тесное понижение, ограниченное со всех сторон высокими песчаными буграми. К одному из барханов прижались зимовка и баз, покрытые тростниковыми матами. И вдруг за ними открывается — и это уже несомненно — русло!

Но где же его начало? Приступаем к обследованию. Это всего лишь неширокое русло, какие мы уже видели предостаточно: метров тридцать в ширину, берега не выше метра, на дне барханчики — небольшая часть, так сказать, фрагмент, некогда, возможно, очень крупного водотока. Когда-то здесь была река, была вода; следовательно, и пески, преградившие путь реке, появились относительно недавно — несколько тысяч лет тому назад.

На берегу видим колодец, выложенный, как и всюду, бетонными кольцами. На песке лежит тюковая проволока с бутылкой на конце. Опускаем эту емкость в колодец и считаем число узелков на проволоке, сделанных через каждые два метра. Похоже, что колодец бездонный. Только на семнадцатом метре раздается наконец всплеск. В колодце абсолютная темнота, даже жутковато заглядывать в него. Поднимаем бутылку наверх, предвкушая удовольствие от холодной и вкусной воды. Но, увы!.. Уже на расстоянии слышится сильный сероводородный запах. К тому же вода мутная и солоноватая на вкус. Зато она действительно холодная. Но это ее единственное достоинство никого не радует.

— Неужели чабаны пьют эту воду?! — изумляется Борис.

На лицах ребят недоумение. Но Женя Фролов, старый опытный полевик, знает, в чем тут дело:

— Конечно, такую воду не пьет никто! Этим колодцем вообще не пользуются летом. Воду из него берут только тогда, когда он наполняется дождевой или талой водой. Тогда и уровень воды повышается, и на вкус она становится куда лучше.

Едем дальше. Фляги наши пусты, и только в одной еще осталась вода на доньшке. Сегодня утром машина Сергея, в которой едут вода и прочее снаряжение, резко затормозила на крутом склоне бархана, и единственная наполненная водой фляга упала набок. Никто не обратил на это внимания, пока я случайно не заметил на желтом песке след воды, тянувшийся за машиной.

Сколько раз перед выездом в поле и на каждой стоянке мы с Анатолием напоминали ребятам о том, что в песках вода — это самое главное! И пока человек не осознает этого, в пустыне ему делать нечего.

Однако пока никто не понимает, сколь серьезна ситуация. И только Анатолий сильно расстроен.

Одиночные барханы теперь встречаются все реже, и мы попадаем в настоящее царство песка, где даже белесое небо расклется желтым песком. Над Кызылкумом стоит тишина. Воздух раскален, такое ощущение, будто находишься в гигантской духовке. Песчаные бугры становятся все выше, и с каждым метром в глубь пустыни все больше завораживают ее пейзаж. В прошлом я много колесил по дорогам Мугоджар, Общего Сырта, Тургайского плато, но нигде у меня не было столь острого ощущения, будто я нахожусь в каком-то неведомом мне прежде мире, как здесь в песках. Дорога идет по гребню бархана, среди невысоких кустиков желтой акации и саксаула, то круто спускается в межбарханную долину, где кустарник более густой и травы зеленые.

И вдруг у высокой песчаной гряды дорога кончается. Наш вездеход останавливается возле высокого бархана. На крутом его склоне укрепились невысокие кусты саксаула и тамариска. Поверх-

ность песка испещрена какими-то непонятными иероглифами и знаками, которые оставил ветер. Все устали от бесконечных разъездов и рады любой непредвиденной остановке, каждому хочется немного размяться после долгого сидения в кузове машины. Ребята спрыгивают на землю и бегут к бархану. Песок осыпается из-под ног, и они скатываются назад к его подножью. Взяв с собой кинокамеру, фотоаппарат, дневник, топокарты и компас, направляюсь к бархану и я. Толя уже вскарабкался на самую его вершину и осматривается вокруг. Алексей, отойдя немного в сторону от машин, поймал то ли фалангу, то ли каракурта и оповещает всех об этом событии радостными возгласами. Наш бывалый охотник и путешественник Женя Фролов обнаружил следы неизвестного ему животного и тщательно изучает их. У шоферов заботы обычные: они придирчиво осматривают машины со всех сторон.

Мы с Толей сидим под одним кустом тамариска, который растет прямо на подвижном гребне бархана, перед нами величественная панорама пустыни Кызылкум. Я смотрю на машины, которые отсюда, сверху, выглядят какими-то маленькими и совершенно здесь неуместными. Отсюда хорошо просматриваются дорога, по которой мы ехали, причудливые межбарханные долины, скромно украшенные кустарником и еще какой-то растительностью. Меня завораживает затейливое разнообразие крутых песчаных волн, непрерывной чередой следующих друг за другом. Кажется, вот-вот волна обрушится и рассыплется белой пеной. И только редкие кусты тамариска и саксаула разрушают эту иллюзию. Гребень бархана, на котором мы сидим, простирается на многие километры — от горизонта и до горизонта...

Я готов до бесконечности сидеть на берегах этого песчаного моря. Но величественная панорама необъятных Кызылкумов напоминает мне и о более прозаичных вещах: меня беспокоит отсутствие воды.

Надо искать воду. Всем хочется пить. Придется возвращаться назад. Скорее бы выбраться к узбою Карадарья: там должны быть зимовья и колодцы...

И вот мы снова катим по гладкому, как асфальт, такыру. Вездеходы идут легко, стрелка на спидометре застыла на цифре «90».

Я с опаской смотрю на слабый след машины, по которому катят наши вездеходы: вдруг он так же неожиданно кончится, как дорога в Кызылкумах...

От резкого торможения возвращаюсь к действительности и с удивлением смотрю на Евгения.

— Сергей что-то отстал, — говорит он, отвечая на мой немой вопрос.

Я высовываюсь из кабины и вижу далеко позади наш второй вездеход. Вокруг него хлопочут люди. Наверное, что-то случилось.

Мы разворачиваемся и едем назад. Так и есть: полетел подшипник заднего моста. Теперь на этом вездеходе далеко не уедешь. У Сергея сконфуженный вид. Ругая на чем свет стоит своего начальника партии («Совести нет отправлять в экспедицию такую машину!») и механика («Не дать в такую трудную поездку эти самые подшипники и другие необходимые запчасти!»), он поддомкрачивает задний мост, и они с Евгением принимаются за починку.

Через час трогаемся дальше. Но теперь скорость нашего передвижения довольно скромная: с такой машиной, как у Сергея, с ветерком не поедешь. В дороге, посреди пустыни самостоятельно столь серьезную поломку не устранить. Надо где-то сделать основательный ремонт. Вот только где? До ближайшего населенного пункта более двухсот километров. До сих пор у нас были две проблемы — найти воду и истоки Карадарьи, а теперь прибавилась еще одна, причем самая важная и трудноразрешимая...

Впереди идет машина Сергея, а за ней, соблюдая дистанцию, Богатырев со всеми участниками экспедиции. Сегодня во что бы то ни стало мы должны найти это злополучное русло Карадарьи — там, если верить сведениям, полученным в поселке Айдарлы, есть скважины с артезианской водой и даже небольшой аул Зекет, где, может быть, нам удастся раздобыть подшипники для машины Сергея. У нас не остается другого выбора, как вернуться к границе песков, к тому месту, где мы встретили первые следы текучих вод, похожие на русла. Это часа три езды.

Тяжелые пески сменяются такырами. Машины теперь идут легко. День близится к концу. В межбарханные понижения ложатся глубокие тени... Но что это? Широкая полоса такыра, извиваясь, убегает куда-то вдале, в пески, следуя какой-то закономерности. Этот вытянутый лентой такыр очень напоминает старое речное русло, занесенное песком и пылеватыми частицами.

Мы едем по ровному дну предполагаемого русла и постепенно снова оказываемся в окружении песчаных бугров и гряд. Русло становится тесным, береговые уступы приобретают ясные очертания, высота их здесь составляет уже около трех метров. И вот на дне русла появляются островки буйной растительности — верблюжья колючка, осока и даже тростник, а вскоре появляется и вода... К обрывистым берегам подступают разреженные заросли саксаула, песчаной акации и кандыма. Среди зарослей виднеется металлическая труба, из которой с двухметровой высоты белым уланом низвергается вода, — это артезианская скважина. Теперь можно не беспокоиться о воде, а значит, и о будущем нашей экспедиции.

После сложных маневров на дне водотока выбираемся на его тесную террасу. Ближайшие барханы отбрасывают длинную тень на площадку, выбранную под бивак. Последние лучи солнца скользят по вершинам высоких песчаных гряд, окрашивая их в oran-

жевый цвет, и быстро гаснут. На Кызылкумы опускаются сумерки. Кончился трудный день...

И все-таки нам, кажется, повезло: мы нашли русло самого древнего узбоя Карадарьи. Что это так, я почти уверен, ибо здесь, на северной периферии песков Кызылкум, не должно быть никакого другого русла. Повезло нам и с выбором места для бивака: рядом оказалась еще одна скважина с артезианской водой.

Под «душем» мощной струи, извергающейся из недр земли, тесно: вода теплая, правда, с довольно сильным запахом сероводорода, но это не мешает нам с наслаждением плескаться в ней. Забыты костер и привычные бивачные дела. Купание после жаркого и душного дня, проведенного среди песков, быстро восстанавливает силы и возвращает хорошее настроение.

И вот уже все принимаются за привычные дела по устройству бивака. Готовится ужин. У костра возникают обычные вечерние разговоры, и незаметно приходит ночь с непроглядной темнотой и удивительно звездным небом...

Быстро пролетают три дня на безжизненных берегах Карадарьи. Впрочем, я не совсем прав, называя ее берега безжизненными, ибо и в русле узбоя, особенно у скважин с артезианской водой, и на берегах его попадались островки зарослей разнообразной растительности. И мне казалось, что жизнь на берегах сухого русла затихла лишь на время. Меня не покидало ощущение, будто вода в реке была совсем недавно и пышные кусты тamarиска с яркими розовыми уланами соцветий смотрят в сухое русло узбоя в ожидании того счастливого часа, когда снова увидят свое отражение в речных водах.

Карадарья, будто змея, извивается и прячется в межрядовых понижениях, уползая все дальше в пески. На одной из крупных ее излучин мы и нашли аул Зекет — аккуратные домики под шиферными крышами, стоящие в одну улицу. Терраса, на которой расположен аул, сверкает на солнце: это ветер так отполировал поверхность тақыров. На поселок наступают барханы, но заросли саксаула, тamarиска и верблюжьей колючки сдерживают натиск песка. Поселок нежилой. Дома его смотрят незрячими мутными стеклами окон на Карадарью и пески. Журчит вода, изливающаяся из скважины, лениво стрекочут цикады. Нужных запчастей для машины Сергея Бибикова здесь нам не даст никто...

Если верить почтенным аксакалам поселка Айдарлы, то в районе аула Зекет, в одном километре от него, есть некое подобие плотины, которая, по их словам, была сооружена около трех веков назад. Она задерживала сырдарьинские воды для орошения оазисов в урочище Исакудук и... помогала в борьбе с каракалпаками, имевшими крупные крепости на берегах Жанадарьи, откуда они совершали опустошительные набеги на своих северных и восточных соседей.

Старики рассказывали легенду о «войне плотинами», когда кокандцы, которым принадлежали в ту пору земли по берегам Сырдарьи, лишили города и крепости каракалпаков воды, соорудив плотины в истоках крупных узбоев.

Об этом пишет и А. Матиссен в «Ежегоднике земельных улучшений» за 1911 год: «Небольшая историческая справка указывает, что в самом начале прошлого столетия кокандцы, распространяя свое владычество и желая нанести коренной удар, занимавшимся по Джана-Дарье земледелием каракалпакам, преградили с помощью плотин доступ Сырдарьинской воды в Джана-Дарью и тем самым заставили каракалпаков откочевать в низовья Аму-Дарьи».

Легенды, которые мы слышали от местных жителей, и сообщение А. Матиссена в общем сходятся по содержанию, за исключением вопроса о том, кто был жертвой насилия: кокандцы, на которых совершали набеги каракалпаки (что очень сомнительно), или каракалпаки, чьи города, оазисы и пастбища лишились воды, которую алчные завоеватели кокандцы забрали у них, построив на всех узбоях плотины. Может быть, и на Карадарье плотина была построена с этой целью?

Ведь Карадарья в пору обводненности ее русла сливалась с Инкардарьей, а последняя несла свои воды в Жанадарью, впадая в нее у каракалпакской крепости Бештам.

Мы нашли эту плотину. Она представляла собой цепочку почти разобнесенных, ориентированных в одном направлении бугров, высотой до пятнадцати метров, с крутыми симметричными склонами. Они прослеживались примерно на расстояние до десяти километров...

Велик ли был сток воды в русле Карадарьи в эпоху, когда она в последний раз обводнялась, то есть около трехсот лет тому назад? Многокилометровая нивелировка поперечных и продольных профилей позволила определить уклон дна узбоя и поперечное сечение его, а по ним — рассчитать скорость водного потока и расход воды в Карадарье. Судя по вычислениям, в Карадарье в период последнего ее обводнения расход воды составлял двадцать пять — тридцать кубических метров в секунду, скорость течения — до полуметра в секунду, а максимальные глубины — до трех метров. А это уже река! Вполне очевидно, что этот водный поток, пройдя двести пятьдесят километров среди песков, должен был соединиться с Инкардарьей, а следовательно, в конечном счете и с Жанадарьей. Определяя мощность речных отложений, мы бурили дно узбоя в многочисленных точках по продольному профилю и попутно установили, что разнозернистые пески перекрыты сверху озерно-болотными отложениями темного цвета. Толщина озерно-болотных отложений составляет четыре — шесть сантиметров; такой слой мог образоваться за два-три года. Следовательно, в последние два-три года периода обводнения течение в Карадарье отсутствовало, что могло быть обусловлено и строительством плотины. И постепенно река Карадарья превратилась в сухое русло, а потом — и в узбой.

Итак, пройдено еще одно звено, через которое вода из Сырдарьи поступала в главные узбои — Жанадарью и Дарьялык. Пора перебираться на Жанадарью.

УЗБОЙ

Безмолвствуют пески, такыры и редкий низкорослый саксаульник. Кажется, будто солнце испепелило все живое, оставив только раскаленный песок да растрескавшуюся землю. Дрожит знойный воздух, и в его мареве плывут куда-то песчаные бугры Кызылкумов, светлые, как туман, такыры и тонкая полоска далеких тугайных зарослей.

Ветер срывает пыль и несет впереди машины. В кабине невыносимо душно и жарко. Из-за пыли ничего не видно, и мы едем почти наугад. Хорошо, что время от времени на пути встречаются такыры — тогда можно отдохнуть от пыли и оглядеться по сторонам. Очень хочется спать, но я борюсь со сном: моя задача во время переездов — следить за дорогой и изучать местность, по возможности намечая план будущих работ. Надо выдержать еще часа полтора, пока не спадет дневной зной и солнце не коснется острых вершин песчаных гор Кызылкумов.

Справившись в очередной раз с тяжелым оцепенением сна, я увидел, что наш вездеход стоит у самого края четырехметрового обрыва какого-то сухого русла. Очень быстро выясняем, что это и есть Жанадарья.

Вид отсюда, с обрыва, открывается замечательный. На север и на юг протянулось, петляя, крупное, четко оконтуренное сухое

русло Жанадарьи. На дне узбоя, под левым его берегом, хорошо прослеживается еще одно, более мелкое русло. Дно Жанадарьи густо покрыто молодой порослью тамариска, зарослями верблюжьей колючки и акбаша, парнолистника и карабарака. А по берегам широкой полосой тянутся саксаульные леса.

Но нам пора подумать о ночлеге. Однако прежде необходимо запастись водой. Судя по карте, ближайший источник воды находится в урочище Кекрили — здесь обозначены несколько домов и колодец. Трогаемся в путь. Машины, следуя друг за другом, осторожно пошли на переезд.

Благополучно преодолеваем крутой спуск и оказываемся на дне сухого русла Жанадарьи. Я оглядываюсь по сторонам, но не вижу ни берегов, ни русла узбоя, ни дороги, куда следует ехать, — всюду сплошное море тугаев. Даже воздух здесь какой-то особенный — сладковатый, что ли, от цветущих солянок, кермека и тамариска. Запах был настолько сильным, что я чувствовал его даже сквозь густую завесу пыли и выхлопных газов.

Дорога, петляя в зарослях кустарника, то поднималась на бугры, то спускалась в ложбины, а то вдруг ныряла в русло какого-нибудь сухого водотока. Одно русло следовало за другим, и мне начинало казаться, что мы находимся вовсе не на Жанадарье, а в низовьях многорукавного узбоя Инкардарьи. Однако я хорошо знаю, что русла Инкардарьи слабо выражены и, следовательно, обнаруженный нами крупный сухой древний водоток безусловно принадлежит Жанадарье. Мы находимся сейчас в районе ее так называемой внутренней дельты. А если верить топографам, прошедшим здесь до нас и составившим карту, по которой мы теперь намечаем свои маршруты, то, проехав еще километров восемьдесят, мы должны были бы встретить, по меньшей мере, около пяти крупных русел. На самом деле их может оказаться гораздо больше, так как на карте показаны только основные узбои.

Путешествуя по выжженным солнцем пустынным районам древней дельты и встречая бесчисленное множество старых, хорошо сохранившихся, а чаще почти полностью занесенных песком и лесом русел, трудно представить ту далекую эпоху, когда по каждому из них шла вода и сырдарьинская дельта была обводнена. Естественно, эти узбои действовали не одновременно, но так или иначе все они своим происхождением обязаны воде. Повсюду, где мы производили гидрографическое обследование древних сухих русел, обнаруживаются следы орошения, а следовательно, вся территория древней дельты обводнялась в той или иной степени.

И как будто в подтверждение моей мысли нашу машину сильно затрясло: мы ехали по старым, давно заброшенным, лоскутным участкам орошаемого земледелия. Об этом говорили неглубокие, сильно оплывшие ровки мелкой сети орошения и невысокие валы,

отгораживавшие в прошлом один участок от другого. Внутренняя дельта Жанадарьи, возможно, имела в прошлом гораздо больше преимуществ для орошаемого земледелия, чем другие обводняемые районы самой дельты Сырдарьи. Это объясняется прежде всего тем, что здесь, неподалеку от мавзолея Сарлытам, Жанадарья несла свои воды сразу по нескольким речным руслам, пробившим себе дорогу через пески к Аральскому морю, что способствовало развитию плодородных земель на больших территориях.

С. П. Толстов, известный советский ученый, археолог и этнограф, отмечает в своих трудах, что древняя дельта с незапамятных времен была хорошо освоена и заселена. Земледельцы возделывали здесь не только традиционные овощные и бахчевые культуры, но и выращивали сады, виноградники. В садах росли миндаль, инжир и грецкий орех, то есть деревья влаголюбивые. Но это лишь предположения, основанные на материалах рекогносцировочных археологических раскопок.

Сегодня же этот район совершенно лишен воды. И трудно даже представить себе, что когда-то здесь были цветущие сады.

Однако как я не прав, считая, что в этом районе совершенно нет воды!.. Мои мысли о дельте и ее узбоях были прерваны самым неожиданным образом: наша машина вдруг начала выделять немыслимые пируэты. Оказывается, дорогу нам преградила большая лужа, образовавшаяся у артезианской самоизливающейся скважины. Женя Богатырев, очевидно, решил проскочить этот участок дороги напрямик — подумаешь, лужа на такыре! И в этот же миг машину занесло, она перестала слушаться руля и заскользила по раскисшей глинистой поверхности такыра, как по льду. Сергей вовремя заметил странные пируэты нашей машины и поехал в объезд. С его помощью мы выбрались на сухой такыр и вскоре уже подъезжали к поселку Кекрили.

Поселок состоял из двенадцати или пятнадцати домов под шиферными крышами. У каждого домика имелся небольшой, хорошо ухоженный приусадебный участок, где росли какие-то овощи, цветы и разная другая зелень. Вдоль изгородей живой стеной стояли стройные тополя. Словом, настоящий оазис среди раскаленных песков и безжизненных такыров.

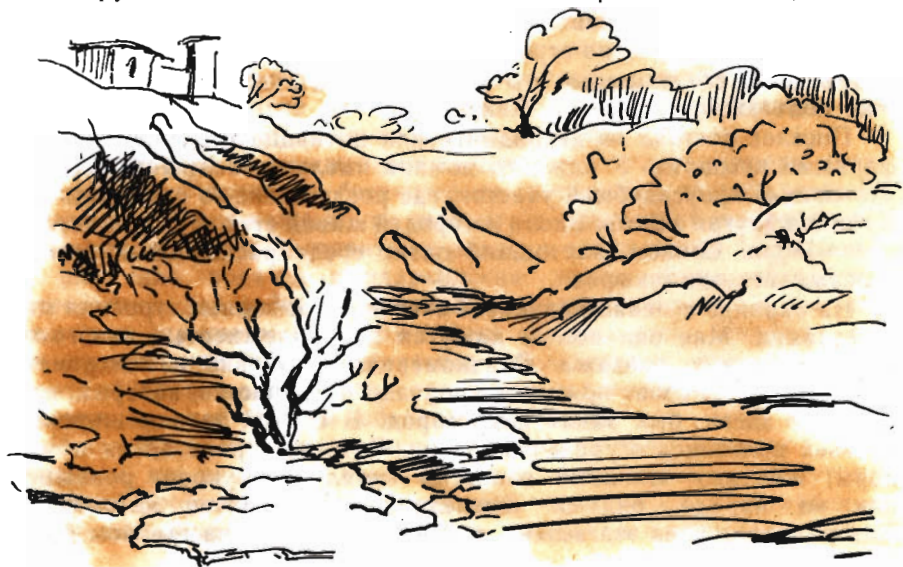
На окраине селения виднелись легкие белоснежные строения метеостанции. Мне они всегда кажутся принадлежностью какого-то фантастического пейзажа. Осадкомерная установка и психрометрическая будка стоят прямо на приусадебном участке, который, как и всюду здесь, был занят под огород. В сочной зелени широких листьев прятались огурцы и кабачки. Чуть в стороне адели помидоры, желтыми шапками соцветий кивал нам укроп, ровными, как на параде, рядами зеленела пышная ботва картофеля. Как радовала глаз эта зелень, так выделявшаяся на светлом фоне

лессовой пустыни и песков, которые кольцом окружали поселок! В самом поселке, несмотря на близость пустыни, чувствовалась прохлада, в мелких арыках журчала прозрачная вода.

Я слишком хорошо знаю, что такое пустыня и отсутствие воды, чтобы оставаться равнодушным к таким оазисам, созданным руками человека. И в этих случаях первым делом меня интересует, как устроена система обводнения, — наверное, в этом есть и доля чисто профессионального интереса.

Осмотр окрестностей поселка я начал с той скважины, где забуксовала наша машина. Меня удивили размеры разливов, протянувшихся широким длинным шлейфом до самого поселка. И все-таки этой воды явно мало для того, чтобы можно было обводнить все приусадебные участки. Продолжая свои изыскания, я неожиданно обнаружил близ поселка еще одну скважину, совершенно непохожую на первую. Сильно увлажненный участок вокруг нее покрыт зеленой луговой растительностью, среди которой преобладают ситник и верблюжья колючка.

Рядом со скважиной вырыт пруд, в который собирается вода. Вода в пруду удерживается маленькой плотинкой, в которую вделано крошечное регулирующее устройство — что-то вроде печной задвижки. Отсюда вода попадает в арык, ведущий к поселку. Видимо, жители поселка поначалу пользовались именно этой скважиной. Первая же встреченная нами скважина, судя по всему, пробурена совсем недавно — может быть, несколько дней назад: вокруг нее нет ни малейших намеков на растительность, да и вода

все еще продолжает растекаться по такыру. Теперь я заметил и то, на что поначалу не обратил внимания: зона разливов спешно обваловывается и вода направляется к арыку, идущему от пруда к поселку...

По дороге на Жанадарью я долго еще думал о том чуде, которое совершает вода, рождая в сердце пустыни зеленый оазис, о поселке и людях, живущих в самом центре пустыни, о самой Жанадарье, давшей многим поколениям людей, некогда селившимся на ее берегах, жизнь. Что ждет тебя в будущем, Жанадарья? Может быть, тебе еще выпадет счастливая судьба и на твоих берегах снова зацветут сады и вырастут красивые города... А может быть, ты уже отжила свое, и теперь под завывания зимних ветров тебе видится только далекое прошлое и хочется только покоя?

И вот мы снова на узбое. Пора подыскивать место для ночлега. Посоветовавшись с ребятами, едем к мавзолею Сарлытам, который расположен километрах в двадцати вверх по узбою.

Дно Жанадарьи широкое и ровное, как автомагистраль. Лучшей дороги не придумать. Однако радость моя оказалась преждевременной: все чаще стали встречаться рытвины и эрозионные канавы, а затем пошли и густые заросли молодого кустарника тамариска. По таким зарослям много не проедешь. Словом, дно узбая — все-таки не дорога. Всюду ямы, вымоины и бесчисленные русла. Откуда они здесь? Может быть, вода из Сырдарьи в отдельные годы приходит и сюда? Тогда не исключено, что эти шрамы на дне узбая оставлены паводком 1969 года, когда пилоты

гражданской авиации видели воду и даже ловили рыбу в такырах. Правда, трудно представить себе рыбу в такырах. Но после всего, что я сам видел здесь в этом же году, я верю пилотам. Конечно, в любых подобных рассказах, особенно касающихся размеров улова и площадей, залитых водой, много преувеличений и даже просто вымысла. И тем не менее в предположении о том, что в 1969 году в крупных руслах древней дельты Сырдарьи вода была на большем их протяжении, пожалуй, есть большая доля истины...

На тугаи Жанадарьи и ее русло спустились густые сумерки. Включаем фары вездеходов. По кустам и обрывам береговых уступов узбоя заметались четыре пучка света. И тут же в мощных лучах их закружили тысячи насекомых, запрыгали маленькие длинноухие забавные зверьки, напоминающие своим способом передвижения кенгуру.

И вдруг стук по кабине. Богатырев, ничего не понимая, резко останавливает машину. И тут же в свете фар замечает крошечного зверька, спокойно сидящего в нескольких метрах прямо перед машиной. Странное существо смотрит не мигая огромными круглыми глазами на железное чудовище и, похоже, от страха не может сдвинуться с места.

— Посмотрите, какой замечательный зверек! — восторженно кричит Марина. — Это кто, земляной зайчик?

— Сама ты земляной зайчик! Это тушканчик, — ворчит Женья Фролов. Он явно недоволен неожиданной остановкой, которая отодвигает ужин на неопределенное время.

— Зря ты, Женья! Марина права: это земляной зайчик, он же — тушканчик, — застывает за девушку Анатолий, прекрасно знающий местное зверье.

Богатырев сигналил тушканчику и осторожно трогает машину. Мы едем дальше. Я слежу за спидометром, отсчитывая пройденные километры, и всматриваюсь в темноту, надеясь увидеть мавзолей Сарлытам. Однако, перемещаясь по дну узбоя, мы вряд ли сможем увидеть мавзолей: в такой темноте неумудрено пропустить и небо-скреб. Ладно, проедем те двадцать километров, которые по идее отделяют нас от Сарлытама, а там — что будет. Лишние полчаса в дороге не имеют никакого значения: в любом случае лагерь придется разбивать при свете фонариков.

О Сарлытаме мне пока известно то небольшое, что я вычитал все в тех же книгах С. П. Толстова. Это архитектурный памятник XII—XIV веков. Расположен Сарлытам на правом берегу сухого русла Жанадарьи. Мавзолей имеет около двенадцати метров в высоту. В настоящее время он сильно разрушен. И все-таки мне бы очень хотелось доехать до него: именно от мавзолея мы должны начать свои работы на Жанадарье.

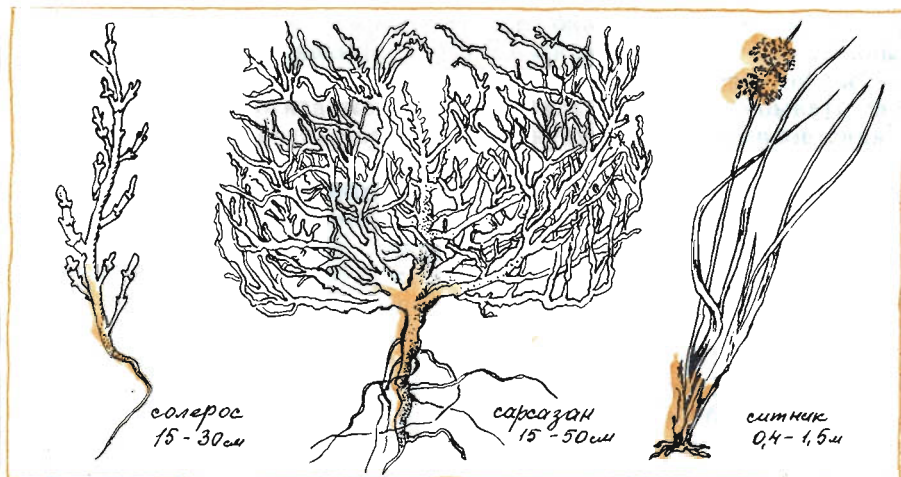
Проехав намеченные двадцать километров, останавливаемся, осматриваемся: берега русла высокие, обрывистые, заросли тугаев подступают прямо к узбою. Разбиваемся на группы и отправляемся на поиски места, где бы можно было выбраться на берег. Ночь непроглядно темна. Урчат моторы вездеходов. Яркий свет фар запутался в зарослях кустарника. Слышны голоса Леши Попова и Жени Фролова, ушедших обследовать левобережные уступы. Женька Фролов хотя и носит очки, но ночью видит не хуже совы — вот что значит быть охотником. Они сообщают, что у них берег обрывистый. На моем участке — то же самое... И вдруг издали доносится возглас Анатолия Стельмашука: «Нашел! Сюда!»

Но удастся ли нашим шоферам развернуться в таком узком месте да еще в темноте? Однако Богатырев и Бибилов спокойны: для них это дело обычное.

И вот наши машины едва ползут по какой-то колее. Впереди в свете фар шагает Анатолий, показывая нам дорогу. Мы благополучно выбираемся на правый берег.

— Приехали! Глуши моторы! — подает команду Толя, скреживая руки над головой.

Наступает непривычная, до звона в ушах тишина. Разворачиваем лагерь. Горит большой костер, от которого становится светло, как днем. Здесь неисчерпаемые запасы валежника, и мы можем себе позволить такой гигантский костер. В который раз по давно всем известному сценарию разыгрывается очередной спектакль. Состав актеров тоже известен — бродячие гидрологи. Меняются только актерские решения да декорации. Традиционный плотный ужин заканчивается чаепитием у костра и нескончаемыми разговорами.

Светит ущербная луна. Небо опоясано светлой звездной лентой Млечного пути. В такие ночи хочется неустанно смотреть только на звездное небо или на пламя костра. Я смотрю на ночное небо, по которому медленно проплывают пульсирующие огни двух искусственных спутников Земли. Августовский звездопад на темном куполе небосвода напоминает мне далекий праздничный фейерверк. Спать в такие ночи совсем не хочется, и я еще долго вслушиваюсь в голоса природы. Однако завтра, как обычно, рано вставать: дел у нас здесь непочатый край, одной нивелировки около пятнадцати километров.

Звенят сверчки и цикады, ухает где-то на Жанадарье маленькая пустынная совка. От земли поднимается сладкий запах вездесущих солеросов, тамариска и кермека. Ночь ненадолго прилегла отдохнуть в саксаульном лесу, и только луна стоит часовым в бесменном дозоре.

Спокойной ночи, Жанадарья!

У ДРЕВНИХ САРЛЫТАМА

И вот наступило первое утро на берегах древнего русла Жанадарьи. Проснулся неожиданно, как от выстрела. Выбрался из душной палатки на воздух да так и застыл, наслаждаясь картиной раннего утра. Первые лучи солнца позолотили верхушки пышных крон саксаула, росшего по краям небольшой поляны, где мы остановились на ночлег, рассыпались мелкими искрами на мокрых стеблях трав. И вдруг совсем близко от нашего бивака я увидел купол мавзолея, освещенный яркими лучами солнца. Я замер, пораженный увиденным, — вот он, мазар Сарлытам! И мне захотелось сейчас же, ни на минуту не откладывая, пока ребята еще спят, побывать там, наверху мазара, оглядеться вокруг, окунуться в солнечное сияние ликующего утра.

Я направился к Сарлытаму, как вдруг услышал знакомый голос и даже вздрогнул от неожиданности. Это окликал меня Анатолий. Он стоял под большой саксаулиной, под которой вчера устроил себе ночлег, шурился от яркого света и широко улыбался.

— Куда это вы, товарищ начальник? — шутливо обращается он ко мне. Я жестом показываю на Сарлытам, и Анатолий вдруг оживает:

— А я тоже собрался прямо сейчас сходить туда. Пойдем вместе?

Анатолий обвешивается фотоаппаратами, берет большую сумку, в которой у него обычно лежит набор диапозитивных цветных и чер-

но-белых пленок, тетрадь для записи и много других полезных вещей. Мы отправляемся в путь. В нашем распоряжении достаточно времени.

Пробираемся через густой кустарник. В воздухе еще чувствуется ночная свежесть, наполненная запахами трав жанадарьинских тугаев. Однако дорога оказалась намного длиннее, чем это выдилось из лагеря. Но вот наконец эти нескончаемые дебри позади, и мы у стен мазара.

В центре небольшой площадки, окруженной со всех сторон саксаульным лесом, стоял мавзолей Сарлытам, который в былые времена называли «жемчужиной Востока». Трудно передать то чувство волнения и разочарования одновременно, которое мы испытали, увидев этот величественный в прошлом и наполовину разрушенный сегодня мавзолей. Вся его юго-западная часть — купол, стены, цоколь — была разрушена полностью, перед нами лежала лишь огромная груда битого кирпича. Только с внешней стороны портала, у частично сохранившегося сводчатого входа проступал орнамент, выполненный майоликой лазурного цвета. Внутри мавзолея также сохранилось несколько красочных орнаментов.

Понимаю, сколь избита моя мысль, но каждый раз при взгляде на обвалившиеся стены старинных крепостей, стоящих в излучине древнего узбоя, или на полуразрушенные мазары я думаю об одном и том же. Мне трудно представить, что каких-нибудь двести или триста лет назад здесь еще жили люди, строили свои жилища, обрабатывали землю, разводили скот. Летом и зимой шли по Чимбайскому тракту караваны из Хорезма в Россию и Европу и обратно. Под сводом этого мавзолея отдыхали богатые купцы, укрывались от непогоды путники. Покидая святое место, они иногда оставляли дары, которые прятали в какую-нибудь из многочисленных ниш мавзолея... не верится, что когда-то все это выглядело иначе, чем теперь.

Но даже и в таком плачевном состоянии Сарлытам все еще величествен. Не допускаю мысли, чтобы при взгляде на него кто-нибудь мог остаться равнодушным — ведь здесь говорит сама история. Уверен, что мазар заслуживает того, чтобы его взяли под охрану и спасли от дальнейшего разрушения.

По кирпичным осыпям, разрушенному portalу и западной стене мы взбираемся наверх, на площадку, на которую когда-то опирался купол мавзолея. Отсюда, с высоты десяти метров, открывается великолепный вид на тугай и широкое русло Жанадарьи, на песчаные гряды, ограничивающие долину узбоя, на светлые проплешины такыров среди зелени тугаев, на лужайку у палаток...

— Красота! — торжественно произносит Толя.

— Да, сказочно красиво! — вторю ему я.

— Как могут некоторые люди не видеть, не чувствовать этой

неповторимой красоты пустыни?! — развивает дальше свою мысль Анатолий.

Я разделяю его удивление. Признаюсь, наши северные леса и красоты трогают меня меньше: они как-то уж очень благополучны.

Далеко, километрах в шести, видна крупная излучина Жанадарьи. От нее до самого Сарлытама и ниже еще километров на пять участок узбоя довольно прямой. Его-то мы и собираемся пробить нивелировкой по дну узбоя и поперечными профилями.

Я покидаю этот замечательный наблюдательный пункт. Анатолий ненадолго остается. Все равно раньше чем через час ребята не соберутся на работу: нужно позавтракать, уложить вещи в дорогу — сразу же после нивелировки тронемся дальше в путь.

План работ на сегодня довольно прост. Одна группа будет нивелировать продольный профиль дна узбоя и поперечное сечение его русла на пятикилометровом участке ниже Сарлытама. Другая группа займется нивелировкой верхнего пятикилометрового участка. Начальники наших топографических отрядов постоянные — Женя Фролов и Алексей Попов. Они знают свою работу, и только иногда, если попадется особенно сложный участок, я даю им небольшие пояснения, что и как делать. Виктор Васильев займется исследованием влажности и состава грунтов, слагающих дно узбоя. Его рабочий инструмент — лопата и бур. Мы с Анатолием, как обычно, отправимся на маршруты гидрографического обследования Жанадарьи: один по правому берегу, другой — по левому. Словом, каждый участник нашей экспедиции знает свои обязанности и уже имеет определенный навык во всех видах наших изысканий. Одно плохо: придется работать весь день, без перерыва на обед, а это семь-восемь часов пребывания под палящим солнцем. До сих пор, проработав три-четыре часа на одном участке, мы садились в машину и переезжали на другой участок, успевая хоть немного отдохнуть за время переезда. Теперь же таких перерывов не будет. Кажется, моя программа не всем нравится...

Высокие обрывистые берега Жанадарьи и ее широкое, хорошо разработанное русло при свете дня производят внушительное впечатление — прямо как на самой Сырдарье!

Тугай здесь настолько густые, что мне не пробраться через них. По узкой тропке, пробитой к Сарлытаму, возможно, еще паломниками, опускаюсь в русло узбоя. Однако здесь стоит невыносимое пекло, в тугайных зарослях было куда лучше... С высоты берегового уступа Жанадарьи открытое, лишенное растительности дно узбоя казалось мне относительно ровным. В действительности же оно оказалось испещренным многочисленными канавами, предательски спрятавшимися в густых травах и молодой поросли тамариска. Пришлось снова взбираться на береговой уступ, проклиная все на свете.

Но тут меня осенила мысль: не являются ли эти ровки и канавы, которые я только что клял, современными руслами вод, вырвавшихся из берегов Сырдарьи в 1969 году и в два следующих за ним многоводных года? Снова спускаюсь на раскаленное, открытое солнцу дно узбоя и начинаю детально изучать эти русла в русле. Рваные края береговых бровок их, казалось, еще хранили следы текучих вод. Внутри этих водотоков нередко обнаруживались другие, более мелкие. Попробовал визуально определить расход воды, который, возможно, проходил по этим руслам, получилось что-то около десяти — пятнадцати кубических метров в секунду.

Но за тремя многоводными годами последовали три маловодных года. Казалось бы, за это время осадки и ветер должны были уничтожить любые следы, оставленные текучими водами на берегах Жанадарьи. Но осадков здесь выпадает так мало, что ни уничтожить, ни сами оставить каких бы то ни было следов текучих вод они не могут, да и испарение тут велико — однако вот же они, береговые бровки каких-то водотоков, на которые я то и дело натыкаюсь на дне узбоя.

Значит, остается только одно: обнаруженные мною последовательно врезанные в дно Жанадарьи русла образовались в результате поступления воды из сырдарьинских разливов в половодье 1969 года, а также во время менее значительных разливов 1970 и 1971 годов, когда воды Сырдарьи далеко уходили по руслам древних узбоев. Конечно же, тогда берега этих водотоков и метки на них выглядели куда внушительнее, чем сегодня... Теперь я окончательно убежден, что дело происходило именно так.

Записываю свои выводы в дневник и выбираюсь из русла, чтобы сделать описание берегов. Заросли саксаула стоят на береговом уступе сплошной стеной. С трудом преодолеваю и это препятствие. В саксаульнике прохладно, воздух наполнен благоуханием трав, но идти очень тяжело. Приходится буквально продирааться между раскидистыми кустами саксаула и тамариска. Под ногами всюду валежник, среди которого встречаются и деревья-исполины — истлевшие от времени стволы саксаула, диаметром чуть ли не в полметра. Я спотыкаюсь на каждом шагу и вскоре уже чувствую невероятную усталость.

И вдруг среди этого девственного леса замечаю следы ирригации — арыки, обваловку, правильные квадраты орошаемых участков. Значит, и тут было развито орошаемое земледелие. Саксаул же, вероятно, вырос после того, как человек оставил эту землю. Если судить по возрасту саксаула, это произошло лет сто тому назад. И опять с трудом верится, что еще не так давно человек возделывал здесь землю и выращивал сады...

Незаметно проходит день. Солнце уже клонится к горизонту. У меня впереди еще целый километр маршрута, а потом переезд

на новый участок. Да, трудно планировать время работ, не зная как следует местности!

Прошел коленаобразный поворот, где русло сильно сужается, и неожиданно наткнулся на странное сооружение — то ли плотина, то ли насыпь железнодорожного полотна. Скорее всего, железнодорожное полотно: где-то в этих местах лет пятьдесят назад по правому берегу Жанадарьи проходила узкоколейная железная дорога. Однако, осмотрев сооружение со всех сторон, обнаружил, что это все-таки очень старая плотина. Под правым берегом в теле плотины зияет трехметровый проран... Как же она выстояла перед натиском стихий и времени?

Ищу ответ на этот вопрос и выясняю, что передо мной не просто земляная насыпь, каких тут встречается немало. В тело плотины уложены стволы саксаула — это дерево не боится воды и очень долго противостоит испытанию временем. Странно только, что грунтовый наполнитель — глина красного цвета. Откуда она взялась, если грунт здесь супесчаный?

Понимаю несколько комочков глины и пытаюсь размять их, но это мне не удается — комочки оказались очень твердыми. Тогда я беру толстый и острый сук и пробую раскопать проран, надеясь найти ответ о составе грунта. Но и здесь меня постигает неудача: мой «инструмент» отскакивает от земли, как от каменной стены. И вдруг меня осенила догадка: прежде чем уложить грунт-наполнитель в тело плотины, его прокаливали в огне — и в результате получился материал, напоминающий кирпичную крошку. Затем этой крошкой засыпали пустоты в деревянной кладке плотины, уплотняя и поливая ее водой с тем, чтобы мелкие частички заполнителя намертво связали разнородный материал.

Такие плотины стояли веками, делаясь все более крепкими, поскольку грунт и дерево, схваченное им, с течением времени только уплотняются. И плотины эти не боятся ни воды, ни ветра, ни резких перепадов температуры.

Мой интерес к плотине отнюдь не чисто умозрительный. Я должен отметить в дневнике существование старой плотины и указать, для каких целей и когда, по моему мнению, была она построена.

Похоже, построили плотину давно, более ста лет назад. Я опять-таки сужу об этом по саксаулу, сравнивая внешний вид стволов дерева в лесу и в теле этой насыпи. В плотине стволы, изолированные от воздействия внешней среды, надежно «законсервированы», а следовательно, сохраняются гораздо лучше, чем под открытым небом. И тем не менее они выглядят более дряхлыми, чем те, которые я видел в тугаях Жанадарьи. Значит, возраст плотины довольно-таки преклонный — уж никак не менее ста лет.

Теперь перейдем к прорану. Откуда взялся он? Поразмыслив и проанализировав результаты своих наблюдений, прихожу к выво-

ду, что плотина скорее всего была разрушена специально. Для чего это было сделано? Возможно, для того, чтобы пропустить по Жанадарье, до самых низовьев, сырдарьинскую воду во время половодья 1959 года. И если это так, то вот и объяснение обнаруженным мною эрозионным канавам, бороздам и руслам на дне древнего узбоя: это следствие кратковременного, но мощного стока, сформировавшегося в результате сработки «водохранилища», неожиданно образовавшегося в 1969 году, через искусственный проран...

Однако пора отправляться на условленное место встречи. Ребята, наверно, уже окончили работу и теперь ждут меня. Надо переезжать на новое место. Я возвращаюсь тем же маршрутом и вскоре выхожу к тому месту, где назначена была встреча. Но странное дело, где же народ? Нет никого, кроме Богатырева с его машиной. Где остальные?

Решил подняться на ближайший песчаный бугор. Но не успел сделать и нескольких шагов, как повстречался с Анатолием, спускавшимся с облюбованного мною бархана. Он шел бодрым шагом и, завидев меня, радостно заулыбался:

— Куда это ты? Не меня ли ищешь? — все так же улыбаясь, спрашивает он.

— И тебя тоже! — я стараюсь отвечать в тон ему, но боюсь, что у меня это не совсем получается.

— А что, разве народ еще не управился с нивелировкой? — с удивлением оглядывается вокруг Толя. — Я думал, что меня только и ждут, может быть, уже даже ищут. Еле успел справиться с маршрутом.

Толя вручает мне два журнала, исписанных и исчириканных крупным почерком. Вот молодец: исписать два довольно объемистых журнала за это время — дело не шуточное!

Но где же все-таки остальные? Уже не на шутку встревоженный, поднимаюсь на бархан. С его вершины прекрасно просматривается вся местность. Вижу, как на правом берегу, в километре от нас, лавируя между деревьями и пригибаясь в густых зарослях кустарника, возвращаются с нивелировки ребята. И тут же с другой стороны в облаке пыли замечаю вездеход Сергея, с которым должен вернуться Фролов со своим отрядом. У меня отлегло от сердца, мои тревоги были напрасными...

Пока наши шоферы готовят машины к отъезду, подводим итоги дня. Вид у ребят усталый. Женя Фролов, по-моему, даже похудел. На его круглом добродушном лице всегда очень заметно отражаются наши бытовые неурядицы. Саша и Борис, вернувшись с маршрута, сразу валяются на землю в кущую тень от богатыревского вездехода. Виктор Васильев настолько устал, что прислонившись спиной к кузову машины, все еще сжимает в руках по инерции штангу бура. Только Марина и Оля выглядят не такими замученными, как все,

и даже улыбаются. (Вообще, должен заметить, девушки выносливее ребят: они как-то легче переносят отсутствие еды, изнуряющую жару, бесконечные переезды.) Фролов мечтает вслух:

— Сейчас бы хорошую порцию нашего супчика, а потом чайку — и тогда можно было бы еще столько же сделать!

— А я лично не хочу ничего — только бы искупаться сейчас! — не соглашается с ним Саша.

Леша Попов, оторвавшись от записей в дневнике, возмущенно замечает:

— Сказал тоже: «Лично он!..» Интересно, кто бы отказался от такого удовольствия?

Обещаю ребятам в ближайшее время выбраться к воде. Еще сегодня мы можем попасть к развалинам крепости Чирик-Рабат. Там есть скважина, и можно будет искупаться. И вообще там Жанадарья совсем непохожа на здешнюю, на берегах которой мы провели целые сутки, но не увидели ни капли воды. Ребята сразу оживляются.

— Годится! Может быть, я сегодня же и на кабанчика схожу, — обнадеживает всех Фролов, наш заядлый охотник.

Пока он себя еще не проявил в этом качестве, но ребята продолжают крепко надеяться на него. Забегая вперед, заранее скажу, что мы так и не дождались никаких охотничьих трофеев. В конце концов я начал подозревать, что Фролову просто нравилось изучать следы зверей, выслеживать «кабанчика», устраивать ночные засидки — и этого ему было вполне достаточно для удовлетворения охотничьего азарта. Добыча его не интересовала. Точно к такому же выводу пришел постепенно и Анатолий. Но это не мешало нам без тени улыбки выслушивать очередные охотничьи планы

Евгения. Нам с Анатолием по душе именно такая, бескровная охота.

Однако пора и в путь.

Последний раз оглядываюсь на купол Сарлытама, уже едва различимый в поднятой машинами пыли.

Далекое прошлое всегда глубоко волнует меня. Мы еще увидим руины старинных крепостей на берегах сухих русел Жанадарьи, Эскидарьялыка и Кувандарьи. Это и могучая цитадель Чирик-Рабат, и городище Дженд, и крепости Кумкала, Бабыш-Мула, Джетыасар, Робенсай. Крепости строились близко одна от другой, на расстоянии суточного перехода конника. Когда я смотрю на их руины, покоящиеся в вечном сне, мне трудно представить, что всего два-три века назад здесь кипела жизнь. И совсем уже невозможно представить — даже немного кружится голова от этого погружения в глубь времен, — что несколько тысяч лет назад эти места были заболочены и изобиловали водой. Как раз здесь, где мы работаем в этом году, было сильное государство массагетов — «народа, живущего на болоте»! На берегах Джейхуна (Амударьи) и Яксарта (Сырдарьи) и в междуречье этих великих рек были и другие крупные и сильные государства — Бактрия, Согдиана.

Может быть, эти древние земли еще ждут своего часа, ждут пробуждения от многовекового сна?

От нас, гидрологов, тоже зависит в какой-то мере, сбудутся ли эти ожидания.

*дно узбоя увлажнено базой,
просохшей из водохранилища,
виднелись непроходимые заросли
кустарника и трав.*

ЖАНАДАРЬИНСКИЕ СЮРПРИЗЫ

Итак, мы снова в пути. Вначале едем по руслу до обнаруженной мною плотины, потом выбираемся на берег. На нашем пути стеной встают сплошные заросли саксаула. Мы еле ползем по едва заметной узкой просеке. Наконец все облегченно вздыхают: мы выезжаем на такыр. Однако тут же выясняется, что радость наша была преждевременной: такыр оказался старым, когда-то орошавшимся массивом. Здесь еще хорошо видны правильные квадраты полей и сеть сухих, оплывших арыков, на которых наши бедолаги вездеходы трясутся, как в лихорадке. Богатырев не выдерживает и начинает проклинать тот день, когда согласился ехать со мной в экспедицию.

Привычные разглагольствования нашего шофера мало трогают меня, и тряску мы все как-нибудь переживем — тоже дело привычное. А вот что будет, если машина Сергея окончательно сломается здесь, вдали от дорог и воды? Эта мысль ни на минуту не дает мне покоя.

Солнце уже давно зашло, и стали быстро сгущаться вечерние сумерки. Но вот исчезли из поля зрения последние ориентиры, и на пустыню опускается непроглядная ночь. Богатырев включает фары, теперь наш мир ограничен узкой полоской света. И тут же, как в кино на экране, из темноты возникают и мгновенно исчезают странные существа — тушканчики. Все чаще стали попадаться глубокие

рвы; возможно, это более крупные арыки той же самой сети орошения, сохранившиеся со времен освоения этих земель в глубокой древности.

И вдруг в свете фар появляется какая-то черная поверхность с тяжелым металлическим отблеском. Что это? Неужели вода?! Богатырев резко тормозит, и я ударяюсь головой о ветровое стекло.

— У, дьявол! Аж в пот бросило! Еще бы полметра — и всем нам как... Смотри, какой обрыв!

Я всматриваюсь в темноту, но в свете фар вижу только отблески воды и непроглядную темень вокруг.

— Ты сюда смотри, на бампер машины! Обрыв-то — вот он, — и Евгений тычет пальцем в нижнюю часть лобового стекла.

Я вышел из машины. По верхушкам деревьев скользят лучи от фар второго вездехода. Наконец широкая полоса света ложится на крохотную площадку, где мы сделали вынужденную остановку, и я совершенно неожиданно увидел береговой уступ, четко очерченный темнотой ночи.

— Что там? Почему стоим? — нетерпеливо спрашивают ребята.

— Все, приехали! Разгружайся! — зычно подает команду Богатырев, и я удивленно оглядываюсь на него. Обычно Евгений сам не проявляет подобной инициативы — очевидно, он еще возбужден от только что пережитой опасности.

Несмотря на усталость после трудного дня и многочасовую езду, ребята мгновенно выпрыгивают из машин и мчатся к воде, разбирая дороги. В обследовании берега и плеса принимают участие все. Пока парни в кромешной тьме искали спуск к воде, девушки успели достать мыло, полотенца, фонарики и тут же отправились наводить чистоту.

И вдруг из темноты донеслись ржание, плеск воды и топот лошадей, убегающих в ночь.

— Откуда здесь взялись лошади? — кричит Виктор Васильев снизу, из-под обрыва.

— Значит, поблизости есть люди и жилье. — деловито замечает Женя Фролов.

— С чего это здесь вдруг возьмется жилье, если дорог нигде нет! — возражает Алексей.

— А правда, откуда здесь лошади? — обращается ко всем присутствующим Борис.

Толя вносит «ясность»:

— Да это обыкновенные мустанги.

— Скажешь тоже! Какие такие мустанги? Ты что — в американских прериях? — смеется Саша Акатов над Толей.

Я прекращаю этот спор. Еще в первых своих экспедициях я давно выяснил у местных жителей, что это за «мустанги».

В летнее время в степях и в поймах крупных рек Казахста-

на нередко можно встретить небольшие табуны лошадей, свободно кочующих на большие расстояния. Они появились в последние два или три десятилетия, когда стала оседать на местах и та часть казахов и киргизов, которая до тех пор еще постоянно кочевала: лошадей как тягловая сила не нужна теперь им каждую минуту их жизни. Весной, как только появляется первая молодая трава, лошадей отпускают в степь откармливаться. И только глубокой осенью хозяева найдут их и снова начнут приручать, ибо за долгое время свободы они успевают сильно одичать. Зато выглядят они очень исправными: отлично откормлены, шерсть лоснится на солнце...

— Мы что же, ночевать здесь будем? — неожиданно прерывает наш разговор Леша Попов.

Да, действительно, мы несколько отвлеклись от наших насущных забот. Мустанги мустангами, но надо и о себе подумать. Ночевать здесь нельзя. Вода, в которой только что резвился табун лошадей, может быть, для купанья и мытья еще и подходит, но для питья — нет. Кроме того, мы должны найти нужную нам дорогу. Надо ехать дальше.

Рекогносцировка показала, что мы находимся на берегу русла какой-то реки. Сомнений нет — мы снова на Жанадарье. Других крупных русел здесь не имеется.

Спуск с обрыва везде довольно крутой, а русло широкое — ночью его просто так не перемахнешь. Богатырев внимательно изучает спуск, найденный неподалеку Виктором. Крутовато, но перебираться надо: Чимбайский тракт проходит близ узбоя на противоположном берегу. Без дорог мы теперь никуда: хватит — наездились. Женя осторожно спускается с уступа, объезжает воду — небольшое озеро — и поднимается на другой берег. За ним следует Сергей.

Быстро находим скважину с водой: оказывается, это ее воды и образовали озеро на дне узбоя. Все, место для лагеря выбрано.

Каждому находится дело. Вот уже и запылал костер, разведенный нашим бессменным добровольным истопником Анатолием. Остальные коллективно готовят ужин и занимаются обычными бивачными делами.

Нет только Жени Фролова. Он отправился к озеру на охоту. Темнота ему не помеха.

— Пока мы здесь торчим, ты бы, Евгений, взял ружьишко да кабанчика посмотрел. Может быть, он лежит, стервец, в грязи и звездами любитесь. Подходи и бери его голыми руками, — подзадоривают нашего охотника ребята.

Это стало уже традиционной шуткой. Каждый знает, что Евгения и подзадоривать не надо. Едва только заканчиваются самые тяжелые бивачные дела — разгрузить машину, разбить лагерь, — он сразу же берет ружье и куда-то исчезает.

Взошла луна и разлила свой фантастический свет по пустыне.

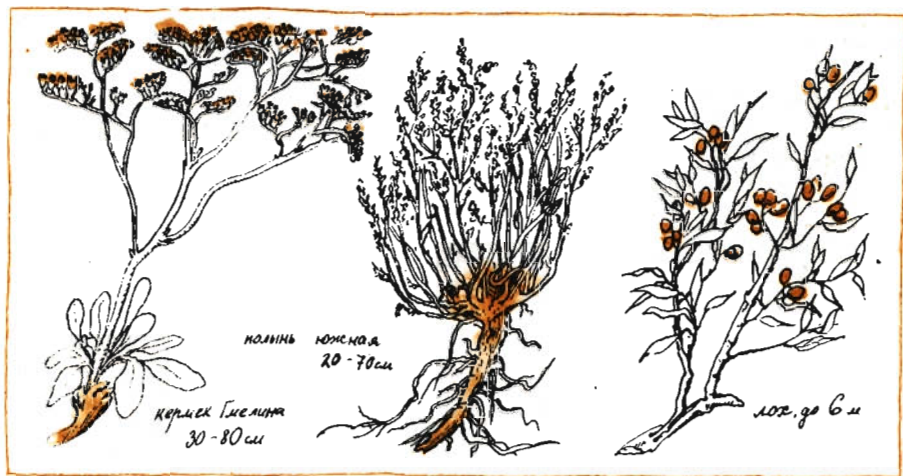
Все вокруг засияло и приобрело совершенно нереальный вид. Вот теперь можно наконец как следует рассмотреть место, где разбит наш лагерь. Оказывается, мы расположились на просторной площадке на берегу русла узбоя. Со всех сторон к площадке подступает саксаульный лес. Жаль будет завтра покидать такое замечательное место...

Теперь можно и отдохнуть, порадоваться, что наше путешествие сегодня закончилось благополучно, что вновь слышу ласковое журчание воды и упиваюсь ночными запахами жанадарьинских тугаев. Я люблю экспедиции за то, что один день не похож на другой, за то, что на несколько месяцев можно отключиться от городской суеты, отдохнуть от комфорта, который порой вызывает свои оборотные — и, надо сказать, весьма обременительные — стороны.

Конечно, я не всегда безропотно и с огромным удовольствием переношу все неудобства и тяготы, сопряженные с экспедиционным бытом. Бывает, что вдруг заскучаешь и по городскому комфорту, и по домашнему уюту и спокойной, размеренной жизни. Но эти настроения быстро проходят — неистребимый дух бродяжничества побеждает все.

Ярко горит костер, освещая даже дальние кусты саксаула на окраине нашей площадки. Все собираются у огня, и тут же потихоньку завязывается традиционная вечерняя беседа. Она рождается самопроизвольно и разгорается от одного слова, как костер от одного уголька. Так бывает каждый вечер, меняются только темы наших разговоров.

Постепенно перестаю слышать, о чем говорят у костра, и мысленно возвращаюсь к событиям сегодняшнего дня. Мы, конечно, из-

рядно поколесили и намучались. Но, должен сказать, что в чем-то нам и повезло. Если бы мы сразу выехали на Чимбайский тракт, то не увидели бы земли древнего орошения на левобережье узбоя, где еще достаточно хорошо сохранились распределительные каналы, арыки и коллекторы. Мы бы не проследили, куда отходит от плотины, обнаруженной мною при обследовании узбоя, один из крупных водозаборных каналов. Не отметили бы на своих картах плес, к которому совершенно случайно выехали в крошечной темноте. Все это бесценные сведения. Ради них-то мы и мотаемся туда-сюда по пескам.

Где-то за чертой света хрустнула ветка, и из темноты появляется Женя Фролов. Обычно, несмотря на некоторую грузность, Женя ходит легко — чувствуется армейская выправка. А сегодня вид у него что-то невеселый, даже спина ссутулилась.

— Куда вся дичь подевалась? — огорченно произносит он, устало усаживаясь на скамейку. — За целый день, кроме зайцев и тушканчиков, никого не видел.

— А тебе что, тигры нужны? — иронизирует Алексей.

Женя как будто не слышит его замечания:

— В тростниковых тугаях Чу куда интереснее было бродить с ружьем. Там тебе и элики, и кабаны, и фазаны, зайцев видимо-невидимо, даже сайга забегала... А в этих зарослях — никого. Кабан, правда, здесь водится... Вот поем, возьму спальный мешок, ружье и пойду в засидку.

— Спальный мешок-то зачем? — подсмеивается над своим приятелем Богатырев.

Но Фролов не обращает внимания на реплики товарищей, подсаживается к столу и приступает к ужину.

Действительно, тугай Чу куда интереснее охотнику и любителям природы. А что такое Чу в сравнении с Сырдарьей и даже Жанадарьей? Так себе, небольшая речушка. Почему же тогда природа Чу оказалась богаче? Возможно, потому, что низовья Чу до поры до времени оставались в стороне от больших дорог и пристального внимания человека. Но сегодня сильно поредели и тугаи Чу. Это Женя по старой памяти затосковал по чуйским райским кушам.

Разговор продолжается.

Кто-то интересуется охотой в пойме реки Чу, и Фролов с трудом успевает совмещать еду и свое повествование о давно минувших днях. Кто-то негромко рассказывает об историческом прошлом тех земель, которые мы исследуем. Третьи вернулись к встрече с «мустангами». Словом, разговорам и темам их, порой самым неожиданным, нет конца.

Я устраиваюсь на ночлег прямо под пологом звездного августовского неба.

У РАЗВАЛИН КРЕПОСТИ ЧИРИК-РАБАТ

Утром, как обычно, встали рано. Легкий завтрак, быстрые сборы — и мы снова в дороге.

Вот и мазар Иркибай — куб из сырцового кирпича, увенчанный сферическим куполом. Судя по карте, от мазара до крепости Чирик-Рабат, где мы приступим к очередному этапу своих работ, около семидесяти километров.

Едем по Чимбайскому тракту, к которому мы так вчера рвались, но он до такой степени разбит и развезжен, что мало чем отличается от бездорожья. После очередной встряски на крупной выбоине, предательски заполненной до самых краев пылью, Богатырев снова начинает проклинать тот день, когда он согласился поехать в казахстанскую экспедицию. Это уже стало ритуалом, и я никак не реагирую на его слова. Только бы не сломались наши машины — до ближайшего поселка около двухсот километров.

Над тугаями, песками и такырами стоит полуденный зной. Дорога то петляет по редкому саксаульнику, совсем не дающему тени, то выходит на раскаленную светлую поверхность такыра. Разогретый воздух дрожит, размывая очертания дороги. Каждый километр дается с трудом. Особенно тяжело ребятам, сидящим в кузове на солнцепеке и задыхающимся от пыли. Все так устали, что, кажется уже никто не в силах порадоваться густой свежей зелени жанадарьинских тугаев, которая показалась вдали.

Наконец мы въезжаем в густые заросли саксаула, тамариска

и джиды. Здесь можно переждать, пока спадет зной. Съезжаем с дороги под карниз берега, на самом краю которого нависли кусты тамариска и перекрученные, искореженные стволы саксаульника. Здесь тихо, прохладно и очень уютно. Выбрав подходящую лужайку, ребята тут же валяются на нее и лежат без движения.

— Эх, так бы и остался здесь навсегда, если бы еще водичка была поблизости! А красота какая! — выражает вслух нашу общую мысль Анатолий.

И в самом деле, красота здесь какая-то особенная. Красные, малиновые, оранжевые грозди соцветий тамариска клонятся к земле. Тихо шелестит своими пепельными ланцетовидными листьями джида. Издают тонкий запах фиолетовые зонтики кермека, растущего прямо на дне сухого русла. Где-то в чашобе тугаев стрекочут сороки — очевидно, чем-то недовольны. И снова тишина — ни шороха, ни звука...

Да, замечательная поляна! Но к вечеру придется перебираться на другое место: здесь нет воды.

Неподалеку от развалин крепости Чирик-Рабат есть скважина с артезианской водой. Вот там мы, пожалуй, и устроим свой бивак. Место, правда, не очень удобное: с одной стороны горы песка, с другой — саксаульные тугаи. Однако, если очень захочется, можно будет занять и пустующие здания бывшей метеостанции Чирик-Рабат — там тоже есть колодец с водой. Пять лет тому назад, когда я первый раз оказался у Чирик-Рабата, вода в колодце была вполне пригодна для питья. Пока ребята будут отдыхать, схожу на разведку, а заодно и с местностью ознакомлюсь, чтобы более правильно выбрать участки для нивелирования продольных и поперечных профилей...

Пока я собираюсь в дорогу, достаю блокнот, карты, компас, лагерь покидают еще два человека.

Отправляется в сторону крепости Анатолий. Он шагает по дороге, поднимая пыль своими огромными сапожищами. Несмотря на жару, на нем неизменная штормовка, в которой он всегда отправляется в маршрут. Толя считает, что эти его доспехи незаменимы, когда приходится продираться через тугаи и ломиться напрямик через заросли кустарника. Я же знаю и кое-что другое: он панически боится ядовитых насекомых и змей.

Уходит с ружьем в барханы Фролов. В такую-то жару?! Вот неутомимый и выносливый народ!

Однако пора идти и мне. Разведку в районе будущих работ я всегда делаю сам.

Русло узбоя тут расширяется и становится четко очерченным, с высокими обрывистыми берегами, то вдруг выполаживается и делается едва заметным. Его дно покрыто густым ковром луговой и кустарниковой растительности — рядом с молодой порослью та-

мариска и верблюжьей колючки соседствуют полынь, осока, адрапан, злаки. Обхожу невысокий кустарник и вдруг вижу, что метрах в тридцати от меня пасется самка джейрана с малышом. Меня они не замечают и спокойно продолжают щипать траву. Я пытаюсь сфотографировать их, но слабый шорох раскрываемого футляра фотоаппарата настораживает животных. Самка поднимает голову — и они длинными прыжками уносятся в барханы.

Я продолжаю свой путь. Наблюдения так захватывают меня, что я совсем не замечаю жары. Как странно ведет себя русло! Сотню — другую метров назад оно было таких внушительных размеров и так четко очерчено — и вдруг совсем пропало. Вместо него появилась довольно глубокая ложбина, ограниченная барханами, поросшими пустынной акацией, кандымом и саксаулом. Ландшафт меняется буквально на каждом шагу. Такого мы еще не встречали за всю экспедицию.

А вот на дне этой долины виднеется земляная насыпь высотой около метра, скрывающаяся в буйной поросли тамариска и луговых трав. Зачем она здесь? Может быть, плотина должна была удерживать скудные запасы талых вод весной с тем, чтобы лучше росли травы? На бывшей метеостанции наверняка было небольшое хозяйство, и надо было запастись на зиму сено. Однако не лучше ли было бы создавать искусственные луга на дне собственного русла Жанадарьи? Впрочем, мне трудно правильно судить об этом, не зная всех особенностей узбоя в настоящее время — для этого надо было бы пожить тут несколько лет.

Размышляя об этом, я и не заметил, как оказался на кромке уступа высотой около трех метров. Здесь дно моего водотока впадало в другое русло, более глубокое и внушительное по своим размерам.

Я спрыгнул вниз с обрыва и огляделся по сторонам. Новый водоток скорее напоминал ущелье, чем древнее русло узбоя. Дно его неширокое — всего каких-нибудь метров пятнадцать, а высота берегов — более десяти метров! Наверху этой щели, свисая с обрывистых берегов, на белесом фоне неба резко выделялись густые заросли тугаев. Ну и чудеса! Не ожидал встретить такой «каньон» в этом районе.

Рассматривая крутые, почти совершенно лишенные растительности склоны русла, обнаруживаю на них четкие горизонтальные бровки — следы текучей воды, расположенные на высоте около четырех и даже пяти метров. Ниже, под ними, видны другие бровки — следы более низких горизонтов текучих вод. Ни время, ни дожди не смогли разрушить своеобразные письмена узбоя, оставленные сырдарьинским половодьем 1969 года — я не сомневаюсь в этом, ибо сведения, собранные ранее у местных жителей, хорошо согласуются с нашими непосредственными наблюдениями. Бровки сохра-

нились так хорошо — ветру в ущелье не разогнаться, дождей здесь выпадает мало, — что превышение одних горизонтов над другими и теперь еще можно легко измерить линейкой или занивелировать. И так, метки самых высоких горизонтов могут относиться только к многоводному 1969 году. А откуда взялись более низкие, последовательно расположенные метки других горизонтов вод? Не значит ли это, что район обводнялся и в последующие сравнительно многоводные годы — 1970 и 1971?

Результаты наблюдений и свои выводы записываю в полевой дневник. Исследование древней гидрографической сети требует от гидролога пристального и неторопливого изучения каждого штриха, характеризующего водный объект, — к такому выводу я пришел уже давно. Все новые и новые сведения о Жанадарье ложатся на страницы дневника скупыми словами и цифрами. Мне кажется, что теперь я могу достаточно достоверно описать историю Жанадарьи за современный период.

Снова и снова я убеждаюсь на практике, что с помощью гидрографических обследований можно реконструировать любую гидрологическую обстановку на любом водотоке и объяснить то, что невозможно выявить с помощью направленных гидрологических наблюдений. Жаль, что гидрологи все больше и больше забывают об этом и вспоминают о гидрографии в исключительно редких случаях.

Я легко иду по твердому супесчаному дну у правого рукава Жанадарьи, обнаруживая все новые штрихи в его облике. Вот стали попадаться глубокие воронки на дне, густо заросшие луговым разнотравьем. Меня не покидает чувство, что где-то поблизости в русле должна быть вода. Прохожу резкий излом узбоя, и сразу же меня ослепляет сверкающий на солнце плес с торчащими из воды голыми ветками тамариска.

Плес оказался небольшим — длиной всего метров семьдесят, наибольшие его глубины — сантиметров тридцать. Обхожу плес, и вдруг буквально чуть ли не из-под самых ног выскакивают два зайца. Наверное, они прятались от жары в тени небольшого кустика тамариска, растущего прямо у воды. Зайцы отбегают на несколько метров и останавливаются, с любопытством разглядывая меня. На самом плесе — вода в нем оказалась довольно мутной и грязной — хозяйничает стайка куликов-ходулочников.

Кулики деловито сновали по воде, время от времени погружая в нее длинные острые клювы. Дружной стайкой на своих тонких длинных ногах-ходулях они перебегали с одного места плеса на другое, делая резкие выпады в сторону, а потом, как по команде, разворачивались и бежали назад...

И все-таки странно, что здесь есть вода! Ведь за три последних очень маловодных года высохли даже многие пойменные озера

Сырдарья. Река не могла вырваться из плена своих берегов даже в половодье, так что старые русла-узбы дельты и вовсе не видели сырдарьинской воды в эти годы... Но вода в русле все-таки есть — вот она, я могу потрогать ее рукой, если захочу удостовериться, что это не мираж. Трудно поверить, что эта вода сохранилась с того времени, когда по руслу Жанадарья она доходила до самых стен крепости Чирик-Рабат. За такой длительный срок — около пяти лет — сколько бы воды ни пришло сюда во время половодья 1969 года, она должна была полностью испариться.

Тогда остается одно: своим существованием плес обязан выходу на поверхность земли грунтовых вод. Но если это так, возникает новый вопрос: почему грунтовые воды выходят на поверхность именно здесь?

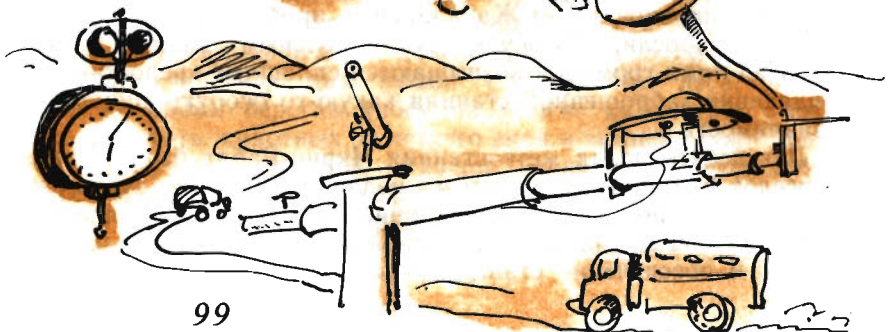
Пока мне ясно одно: на участке от разветвления Жанадарья на рукава до плеса на дне русла в нескольких точках придется закладывать шурфы.

Если все-таки предположить, что питание плеса осуществляется неглубоко залегающими грунтовыми водами, то ниже по течению узбы воды в русле не должно быть даже в понижениях дна. Чтобы убедиться в этом, я решил пройти еще один-два километра.

Идти мешает мелкая поросль тамариска и жантака, густо покрывающая дно узбы. Это влаголюбивая растительность, и, следовательно, присутствие ее здесь говорит о том, что грунтовые воды должны залегать близко к поверхности — не глубже трех метров. Через несколько километров каньонообразный врез русла узбы сменяется спокойным профилем русла с невысокими берегами. Значит, обнаруженный мною плес обязан своим существованием все-таки грунтовым водам.

Поворачиваю назад. На плесе все так же суетятся кулички. Все так же буквально на каждом шагу из-под ног выскакивают зайцы. Но я уже не обращаю на них внимания: мне надо успеть обойти весь узел хитросплетений речных русел, где Жанадарья, рассыпаясь на крупные и мелкие многочисленные протоки и рукава, образует внутреннюю дельту, которая, судя по всему, в настоящее время является зоной ее конечного стока. Теперь принято считать, что ниже створа развалин крепости Чирик-Рабат вода — независимо от размеров сырдарьинских разливов — не поступает в русло узбы. Так ли это? Пожалуй, нет. Повсюду я обнаруживаю следы текущих вод в виде эрозионных борозд и воронок, уступов на крутых склонах высоких берегов или значительных разрушений и деформации ложа древнего узбы. Значит, в очень многоводные годы вода проходит по узбу и ниже внутренней дельты.

Неожиданно вдруг выхожу к крупной речной долине. Впереди, примерно в полукилометре, высятся толстые стены крепости Чирик-Рабат с выступающими вперед на равном расстоянии друг от дру-

га пилонами и сторожевыми башнями. Крепость поднимается ярусами на куполообразный бугор; кажется, оттуда она пристально всматривается в безбрежную даль жанадарьинских просторов.

Но вот, подойдя поближе, в нескольких десятках метров от крепостных стен я замечаю береговой уступ узбоя, скрытый от глаз дикой буйной растительностью. По всей вероятности, это левый берег Жанадарьи. Пробираюсь сквозь непролазные заросли на край уступа — и не верю своим глазам: ширина русла здесь составляет не менее четырехсот метров, а высота берегов едва уступает сырдарьинским... Какой уже раз Жанадарья поражает меня своими размерами!

У стен крепости виднеются крыши строений заброшенной метеостанции. Мне не терпится осмотреть ее, но вначале все-таки надо сходить к артезианской скважине — она находится примерно в километре от крепости. К ней ведет накатанная дорога. Вдоль дороги валяется всякий хлам: пустые консервные банки, старая грязная бумага, битые бутылки, отслужившие свое батарейки и тому подобное. И я уже начинаю сомневаться, в пустыне ли я нахожусь.

Но вот наконец показалась и скважина. Уже на расстоянии чувствуется прохлада, дышится свободнее, и жара здесь не столь гнетущая. У скважины образовалось довольно большое озерко, почти полностью заросшее водной растительностью. С одной стороны к этим разливам подступает саксаульный лес, рассеченный старыми арыками, — лес вырос на месте орошаемых в прошлом земель; с другой стороны озерко теснит песчаная гряды.

На вершине ближайшего песчаного бугра виднеются остатки какого-то строения, напоминающего легкую ажурную беседку. Судя по отчетам С. П. Толстова, экспедиция которого занималась в этом районе рекогносцировочными археологическими работами, где-то здесь должны находиться развалины дворца наместника хивинского шаха в Чирик-Рабате.

Вода в скважине холодная и почти не пахнет сероводородом. Вот и удобное место для нашего бивака, хотя оно и не столь живописно, как то, где сейчас мы сделали временный привал.

Теперь можно отправиться и на метеостанцию. Я снова перехожу через широкое русло Жанадарьи и, пробравшись сквозь густые тугайные заросли, выхожу к двум добротным зданиям метеостанции. Над ними громадой возвышаются сплошные крепостные стены, придающие заброшенной станции какую-то особую таинственность и значимость.

Лет десять назад метеостанция Чирик-Рабат была переведена в поселок Кекрили, в котором мы недавно побывали: очень уж глухое, заброшенное место сегодняшний Чирик-Рабат — ни дорог, ни людей, ни элементарной медицинской помощи. Непросто было налаживать и обеспечение станции — даже самое необходимое прихо-

дилось везти сюда издалека. А в Кекрили, небольшом поселке в двадцать домов, есть и магазин, и амбулатория, и библиотека, а главное — есть другие люди, кроме сотрудников метеостанции и их семей.

Территория станции уже успела зарастить кустарником и чертополохом, но сквозь растительность проступают упорядоченная сеть дорожек и площадки для метеонаблюдений. Жилые помещения и другие подсобные постройки до сих пор еще несут в себе следы былой добротности и уюта. Стены, потолочные перекрытия, крыша, крашенный деревянный пол в хорошем состоянии, даже побелка внутри и снаружи зданий сверкает белизной.

А вот и колодец с установленными рядом мотором и насосом, чуть поодаль резервная емкость для воды. Основательно обжидали люди эти пустынные края... Заглянул в колодец и в его черной бездне увидел крохотное пятно воды. Из его недр шел неприятный запах серо водорода, застойной воды и тления — значит, в этом колодце есть жильцы. Дело в том, что такие заброшенные колодцы нередко заселяются птицами — они находят здесь прекрасное убежище от непогоды, пыльных бурь и любых врагов. Но колодезная вода в этом случае делается уже непригодной для питья: в нее летят помет, выпавшие из гнезда птенцы, а иногда и больные, умирающие птицы. Чаще всего колодцы облюбовывают стрижи.

Бросил в колодец камень и засек время: по моим подсчетам, до воды около пятнадцати метров. Ну что ж, не так уж много, а если учесть глубину вреза русла узбоя, то получается, что от поверхности дна древнего узбоя Жанадарьи до грунтовых вод всего каких-нибудь восемь-девять метров...

Пора возвращаться к ребятам. Я пробираюсь через непролазные заросли тугаев и неожиданно вновь попадаю в огромное русло Жанадарьи. Иду по узбою, автоматически подмечаю для себя интересные детали... Но вдруг мне приходит в голову неожиданная мысль: а ведь, пожалуй, Чирик-Рабат — удобное место для заповедника.

Для организации его здесь есть все условия. Этот район расположен вдали от больших дорог, а значит, довольно надежно защищен от нежелательных визитеров. Густая древняя гидрографическая сеть внутренней дельты с плотинами и дамбами способна удерживать воду и сохранять ее долгое время для лугов и пастбищ на обсохших участках дна русла. Саксаульные леса, раскинувшиеся по обоим берегам узбоя на многие километры, смогут надежно защитить животных от летнего зноя и зимней стужи. Здесь водятся джейран — животное, ставшее редким на сегодняшний день, косуля — по-здешнему элик, кабан, заяц-песчаник — толай, пустынная рысь — каракал, камышовый кот — манул. Есть тут и многочисленный отряд грызунов — зоологи даже специально

ездят сюда, чтобы изучать их; водятся гадюки, разные виды птиц. Пусть зверья не так много пока. Но только от человека зависит, сколько их здесь может стать в будущем. Отсутствие воды — явление временное. Пройдет маловодный период, и вновь сюда придет сьрдарьинская вода, заполняя русла до гребней плотин. А пока и артезианская скважина является надежным источником жизни... Есть и жилье для сотрудников заповедника — строения бывшей метеостанции Чирик-Рабат. Для них удаленность от очагов цивилизации — как раз одно из самых главных условий успешной работы...

Неожиданно мои мысли прерываются: дорогу мне преграждают песчаные гряды. А я и не заметил, как исчезло русло узбоя и как я оказался перед земляной плотиной — судя по всему, она построена совсем недавно, может быть, даже в 1969 — 1971 годах... Поднимаюсь на ее гребень, оглядываюсь по сторонам, но так и не могу понять, куда делся узбой, в каком направлении мне теперь идти. Может быть, Жанадарья затерялась среди песков? Нет, здесь что-то не так... Спускаюсь вниз и иду вдоль песчаных гряд и тут вдруг замечаю узкий проход между барханами. Подхожу к проходу и обнаруживаю, что барханы есть не что иное, как остатки крупной плотины, размытой в средней части и густо поросшей саксаулом. Нет никакого сомнения в том, что плотина древняя — примерно XVII — XVIII веков. За плотиной я обнаруживаю русло крупного узбоя, сохранившего следы водного потока: на дне его всюду видны песчаные и лессовые наносы. Хочу я этого или нет, но куда бы я ни обратил свой взгляд, всюду вижу в этом районе следы большой воды. Мне совершенно очевидно, что этот район внутренней дельты Жанадарьи на протяжении столетий, а может быть, даже

и эпох — об этом говорят и проходившие здесь древние караванные пути — так или иначе был обводнен...

С вершины ближайшего бархана замечаю еще один узбой, уходящий влево от Жанадарьи в густые заросли тугаев. Сколько же здесь у Жанадарьи протоков?.. Да, район оказался не из простых: придется нам здесь повозиться с нивелировкой. Набрасываю в тетради контуры обследованного мною района и намечаю участки русел, где мы будем нивелировать профили.

Русло, по дну которого я иду, становится все шире, а заросли по берегам все гуще. Не прошел я и километра, как неожиданно вышел на знакомый переезд, у которого меня ожидают ребята. Тень узкой полосой уползла под берег, к зарослям кустарника, и солнце освещает теперь лужайку, на которой мы устроили временный привал. Анатолий и Женя Фролов уже на месте.

Короткое обсуждение выбора места для лагеря кончается в пользу поляны у артезианской скважины. В этом районе нам предстоит большая работа, а потому лагерь должен быть рядом с водой. Быстро грузимся в машины и снова выезжаем на Чимбайский тракт.

Дорога, замысловато покружив по тугаям, выходит в русло Жанадарьи. Об этом догадываешься не сразу, пока вдруг не увидишь возвышающуюся среди зелени саксаульного леса белесую громаду старинной крепости Чирик-Рабат. Едва заметный след машины сворачивает от большака влево, и вскоре мы подъезжаем к скважине.

В ВЕРХОВЬЯХ ЖАНАДАРЬИ

Кажется, прошла целая вечность, как мы оставили асфальтированную автотрассу и блуждаем по просторам древней дельты. Потянулись километры пыльных дорог и бездорожья. Время утратило свою четкость, превратившись в однообразную вереницу похожих друг на друга дней, недель и месяцев экспедиционных будней.

— Чертова дорога! Как, говоришь, она называется?.. Чимбайский тракт? — в который раз задает мне этот вопрос Евгений, внимательно разглядывая что-то в смотровое зеркало.

— Кажется, Серега опять застрял,— продолжает он, выскакивая из кабины и заглядывая под передок вездехода.— Посмотри, по самые оси в пылюке,— приглашает удостовериться меня в правдивости своих слов Богатырев.— Мне бы самому вылезти, а тут еще Серегу на буксире тащи...

С черепашьей скоростью мы «плывем» по колее, утопая в толстом слое пыли, хотя мотор вездехода работает на предельных оборотах. Искусно манипулируя рычагами вездехода, Евгений наконец выбирается из этой западни.

Проложив рядом новую колею, мы подъезжаем ко второму вездеходу, безнадежно застрявшему в пыли. Цепляется трос, и Богатырев осторожно выкатывает обе машины на твердый грунт. По-

кончив с этим делом, Женя начинает вытирать пот с лица с таким видом, будто это он сам, а не многосильный мотор вездехода тянул машину Сергея, и восхищенно произносит:

— Надо же! Не грязь, а вязнешь! Много дорог видел, но такую — в первый раз! Расскажи я дома, что застрял на сухой дороге — не поверят... А знаешь, Сергееч, я уже соскучился даже по телеграфным столбам. Эта дорога мне всю душу вытрясла.

Перекурив и немного размявшись, снова тронулись в путь. Дорога, как и прежде, прячется в толстом слое пыли и густых зарослях саксаульного леса. Кроны деревьев смыкаются над ней, образуя живописную аллею. Ни ветерка, и только всюду пыль. До чего же она отравляет нам жизнь!

Но вот кончился этот невероятно трудный участок, и наши машины легко помчались по твердой укатанной дороге. Далеко позади остались развалины крепости Чирик-Рабат, колодец Ейхалдар, близ которого проектируемая трасса канала пересекает Жанадарью, гора Аккыр, южный склон которой когда-то подмывала река...

Остался позади и поселок Аккыр, в который мы завернули, сойдя со своего маршрута, чтобы отремонтировать вездеход Сергея. У меня сразу гора свалилась с плеч: пока вездеход был неисправен, тревога за судьбу экспедиции не отпускала меня ни на минуту. Это был первый большой поселок, который мы встретили за все время наших странствий по дельте. И потому он произвел на нас неотразимое впечатление. Его новые добротные дома казались нам последним словом городской архитектуры, улицы — оживленными проспектами, небольшой сквер в центре поселка — прекрасным парком, довольно скромный магазин — роскошным универсамом, а вода в водопроводных колонках на улице — вершиной достижений цивилизации... Да, порядком одичали мы в своей пустыне!

Но долго задерживаться в поселке мы не могли: впереди нас ждет головной гидроузел и самое начало узбоя Жанадарья, от которого теперь рождается река Жанадарья. В моих словах нет никакого противоречия. Если бы в Жанадарью по обводнительному каналу не подавали воду из Сырдарьи и если бы на ней не было гидротехнических сооружений, то мы были бы вынуждены говорить только об узбое Жанадарья. Но сегодня человек преобразовал и русло старой Жанадарьи, и водный ее режим, и потому, работая на одних участках, мы говорим о Жанадарье-узбое, работая на других — о Жанадарье-реке.

За то короткое время, что мы покинули Чирик-Рабат, нами сделано более ста километров одной только нивелировки, не говоря уже о пеших переходах и бесчисленном множестве пробуренных скважин, с помощью которых мы определяли влажность почвогрунтов, слагающих дно узбоя, и мощность речных отложений, образовавшихся за время последнего значительного обводнения

древней дельты Сырдарьи в XIX веке. Каждый день был насыщен работой и интересными наблюдениями.

Так, в нескольких километрах севернее Чирик-Рабата на правом берегу русла Жанадарьи мы обнаружили водокачку и поле, на котором еще сохранились короткие черенки стеблей кукурузы и проса. Это были следы использования земель под орошаемое земледелие в самые последние годы — возможно даже, поля эти возделывались в 1969 — 1971 годах. Ушла вода — ушли отсюда и люди; плантации уже успели зарости вездесущей верблюжьей колючкой и тамариском. Человек здесь уже привык к тому, что периоды водности и маловодья сменяют друг друга.

На участке пересечения Жанадарьи будущей трассой канала нам впервые повстречались в русле ее глубокие и довольно-таки длинные плесы. Тут же, по берегам узбоя были разбросаны трубы большого диаметра и насосные установки — тоже следы недавнего орошаемого земледелия... И это в четырехстах километрах от Сырдарьи — вот, оказывается, куда с помощью человека могут доходить воды этой могучей реки, позволяя Жанадарье снова служить на благо людям. Когда будет построен проектируемый канал, Жанадарья окончательно обретет вторую жизнь, может быть, даже более благополучную, чем в прошлом, когда вся дельта была обводнена естественным путем.

Но, откровенно говоря, я с грустью думаю о том времени, когда многие жанадарьинские туган уступят место рисовым и хлопковым полям, а сама река будет напоминать обыкновенный канал. Мне жаль расставаться с миром Жанадарьи-узбоя.

Уже сегодня, как мне удалось увидеть с борта самолета несколько лет назад, в своих верховьях Жанадарья совсем не та, что была прежде. Это уже не узбой с сухим руслом, а настоящая река: с необъятными плесами, с теряющимися в мареве полуденного зноя берегами, русло ее почти постоянно наполнено водой...

Незаметно большак переходит в полевую дорогу. Ее колея все дальше уводит нас от берега Жанадарьи, и я не заметил, как мы очутились в русле какого-то узбоя. Со всех сторон нас окружают нетронутые заросли кустарника и луговых трав. Все чаще попадаем мы в западню солонцов, заболоченных пойм и густой сети арыков и дамб. И вдруг — в который уже раз! — мы оказываемся в тупике: дальше дороги нет, она неожиданно оборвалась у самой воды. Впереди только бескрайние разливы, позади — сплошные заросли тугаев.

Разворачиваемся и едем назад той же дорогой. Наконец выскакиваем на большак и едем по нему наугад. И вновь машины захлестывает пыль, и снова отчаянно ругаются ребята.

Проехав несколько километров, опять съезжаем с большака и опять начинаем кружить по тугаям в поисках машинного следа,

который вывел бы нас к Жанадарье. Но всюду одни только канавы, арыки и борозды... Опять выбираемся на большак и катим по нему. Вдали в знойном воздухе плывут какие-то строения. Жанадарьинские туган кончились, перед нами лежит необозримая глинистая равнина. Всюду видны земляные отвалы строящихся каналов, стрелы экскаваторов. Наконец мы вступили в район современного орошаемого земледелия. До Сырдарьи еще очень далеко — не менее ста километров, однако все освоенные в этой полосе земли орошаются водами этой великой труженицы.

Вскоре мы уже подъезжали к центральной усадьбе совхоза «Жанадарья». На окраине этого поселка, как это значит еще и сегодня на картах, и находится исток узбоя Жанадарья. Здесь узбой принимает приток Карасу, русло которого сплошь заросло тростником и рогозом. По этому притоку еще совсем недавно, три или четыре года тому назад, из болота Шонколь поступала вода в узбой. Ниже впадения притока в узбой на дне его имелся довольно крупный плес с высокими берегами, который тянулся чуть ли не два километра. Так вот, истокам узбоя Жанадарья, если судить по топокарте, является конец плеса. Раньше, когда по Карасу вода из болота Шонколь поступала почти в течение всего года, жанадарьинские плесы простирались до самого Кыжбугута. Теперь же, из-за маловодья, плес сильно сократился, а место слияния Карасу с Жанадарьей не так-то легко и найти среди недавно появившихся здесь полей и каналов.

Казалось бы, наша поездка к верховьям Жанадарьи подходит к концу... Однако рано еще ставить точку, ибо в верховья сегодняшней Жанадарьи река и располагаются гораздо выше этого истока у болота Шонколь, — на сухом русле Дарьялык, являющемся продолжением узбоя Жанадарьи.

В настоящее время Дарьялык служит естественным руслом для Жанадарьинского обводнительного канала (ЖОК), по которому вода из Сырдарьи поступает в собственное русло Жанадарьи. Здесь, на Дарьялыке, имеется несколько гидротехнических сооружений, регулирующих подачу воды в Жанадарью. Чтобы разобраться, каким образом и в каком количестве вода по каналу поступает в узбой — гидрометрический учет стока осуществляется только в головной части канала, — нам необходимо обследовать Дарьялык самым тщательным образом. Кроме того, наша задача — разобраться, существуют ли в природе два разных узбоя — Жанадарья и Дарьялык или это единое целое, один узбой, одна часть которого помечена на картах как Жанадарья, а другая — как Дарьялык.

Все дела, которые мы должны были сделать на центральной усадьбе совхоза «Жанадарья», позади. Пора в дорогу. Где-то там, за желтой чертой горизонта, находится сегодняшний «исток» древ-

него узбоя Жанадарьи. Конечный пункт нашего путешествия — ближайший плес на реке Жанадарья-Дарьялык.

Без особых приключений добираемся до Жанадарьи-Дарьялыка и опять попадаем в пестроту луговых трав и заросли тугаев, в которых теряются берега узбоя. Широкое дно его занято озерами-плесами и многочисленными глубокими узками.

Разбиваем лагерь на дне узбоя на берегу русла современного водотока, который во много раз меньше собственно узбоя. Наша небольшая зеленая лужайка располагается по соседству с тамарисковыми зарослями и плесом. Наконец-то можно накупаться вволю. Плес оказался довольно глубоким, а вода — пресной и прохладной. Более удачного места для бивака и желать трудно. Решили сделать этот лагерь своей базой, а верховья Дарьялыка обследовать наездами отсюда.

Пока разгружают машины и оборудуют лагерь, я отправляюсь на обследование того участка Жанадарьи, где нам предстоит работать. Я всегда обязательно провожу такую предварительную рекогносцировку. Моя доля лагерных дел никуда от меня не уйдет. Захватив планшет и кинокамеру, отправляюсь вверх по течению. Прошел два километра — все те же бесконечные озера, ямы-плесы и паутина русел-узков, среди которых совершенно невозможно выделить главное русло. Здесь, в своих верховьях, Жанадарья-Дарьялык являла собой сложную систему крупных и малых русел и озер, объединенных одним узбоем.

Как же мы будем делать здесь нивелировку поперечников и продольника? Для поперечника, пожалуй, еще можно найти участки, а вот для продольника... Одно было ясно: для выявления наименее низких отметок дна по продольному профилю нивелировку его придется выполнять сразу по многим протокам, чтобы определить, какой из них является основным в момент возникновения стока.

В лагерь возвращаюсь подавленный. Мне думалось, что на верховья нам вполне хватит двух-трех дней, а через полмесяца можно будет уже думать об отъезде домой. Но теперь отъезд придется отодвинуть на неопределенный срок...

Незаметно прошел август. Горячий беспокойный месяц, в работе от зари и дотемна, в переездах и в невольных, все чаще наступающих нас воспоминаниях о доме у вечернего костра. Сентябрь пока ничем не отличался от него, разве что ночи стали заметно холоднее. Наступающая осень делает свое дело: ребята все больше скучают по дому и мое предложение начать работы незамедлительно принимают безропотно. Все устали от постоянной жары и от бесконечных, трудных дорог, но терять дни теперь никто не хочет.

Солнце все больше клонится к горизонту, опускаясь в тонкие

перья облаков. Жара спала. Подул слабый ветерок. Плесы и озера покрылись мелкой рябью... И вскоре ветер дул уже вовсю. На горизонте появились тяжелые облака, полыхающие пожаром заката. Осень приносит осадки и в пустыню. Все это время мы не видели ни единой капли дождя, ни единого облачка в выцветшем от зноя небе. И хоть солнце испепеляло нас, но именно благодаря отсутствию дождей мы достаточно успешно справлялись с программой обширных экспедиционных работ. Ведь дельта — это прежде всего глинистая равнина, а по раскисшей от дождя глине не всегда удается пройти даже вездеходам. Теперь дожди нам и подавно не нужны: впереди еще столько дел и дорог.

Лагерь приходит в движение: надо укрепить палатки и накрыть брезентом кузова машин. На сегодня нивелирование придется отложить: дороги так развезет, что никуда не выедешь. Ну что ж, займемся гидрографией — ее можно делать и в непогоду.

Погас последний луч солнца. Облака побурели и стали похожи на барханы. Я иду по берегу какого-то озерка, в воде которого торчат побелевшие от соли скрюченные стволы кустарника тамариска и саксаула. За этим озером следует еще одно, а дальше виднеются остров и сложная система протоков — и все это в пределах древнего узбоя. Русло же Жанадарьи-реки (оно же — Дарьялык на этом участке), это образование наших дней, занимает всего лишь одну двадцатую или одну тридцатую от ширины собственно узбоя. Вот это русло реки я и ищу сейчас. Хорошо, что хоть берега самого узбоя достаточно высокие и видны отовсюду, — не заблудишься. (К слову сказать, мы очень скоро окончательно убедимся, что Жанадарья и Дарьялык в действительности представляют собой единый узбой. Это только на картах, внося всюду путаницу, одна часть его значится как Жанадарья, а другая — как Дарьялык.)

Если верить топокарте, ширина узбоя здесь около километра — это слишком пышное ложе для Жанадарьи-реки. Немудрено, что она ежегодно размывает все новые и новые русла. Ведь вода из Сырдарьи поступает кратковременными небольшими порциями, как, например, в этом году. Все эти плесы и озера в руслах Жанадарьи образовались в результате майского пуска воды по Жанадарьинскому обводнительному каналу. Как нам сказали в Управлении каналами в городе Кзыл-Орде, расходы воды в ЖОК'е были небольшими — менее десяти кубических метров в секунду и продолжался сток всего около двух недель. И тем не менее теперь мы имеем удовольствие видеть голубые ожерелья плесов и озер.

В том же Управлении каналами мы узнали, что примерно в семидесяти километрах от поселка Жанадарья в русле узбоя создано Кыжбугутское водохранилище, из которого вода поступает в Жанадарьинский обводнительный канал. В нижний бьеф плотины Кыжбугут за последние три года вода из водохранилища не

поступала. С этим водохранилищем и Кувандарьинским каналом нам еще предстоит как следует познакомиться в ближайшее же время.

Забегая вперед, могу сказать, что позднее, в разговоре с местным гидротехником Кыжбугутского гидроузла, я еще раз вспомнил эти озера и плесы, которые так радуют меня сейчас. Гидротехник скажет, что уровень воды в водохранилище поднимается и что, возможно, они будут делать попуски воды во все каналы системы Кыжбугут. «Но ведь воду из Сырдарьи в последний раз подавали в мае месяце. С чего бы это уровень воды в водохранилище стал подниматься?» — удивлюсь я. На это гидротехник невозмутимо заметит, что это пришла именно майская вода. Следовательно, двести двадцать километров от Сырдарьи до Кыжбугута вода шла три с половиной месяца. Ну и темпы!..

В те озера и плесы, которые я сейчас обхожу, вода пришла месяца на полтора раньше, чем к Кыжбугутскому водохранилищу; ведь они находятся выше водохранилища километров на сто...

Однако пора возвращаться назад. Сгущаются сумерки. Потянул резкий холодный ветер. Я окончательно продрог, легкомысленно выйдя на маршрут в одной рубашке. И снова, как когда-то на Тургае, пришлось устроить себе пробежку в несколько километров.

Когда я был почти у самого лагеря, на землю упали первые капли дождя. В воздухе чувствовалась непривычная для этих мест и времени года свежесть.

Ярко горел костер у палатки. Мои товарищи сидели за столом и сосредоточенно ели. Над костром и столом ребята предусмотрительно натянули тент.

Дождь начинает накрапывать все сильнее, барабаня по пыльному брезенту. Костер догорает, и мы уходим спать. Сегодня никто не остается на ночлег под открытым небом. В палатке, которая обычно служила в качестве ночного хранилища продуктов и приборов, а также моей неизменной резиденцией и убежищем от комаров, становится тесно...

Утро выдалось пасмурным. На кустах, траве и дороге — всюду видны следы недавно прошедшего дождя. Ощутимо похолодало, и все, не сговариваясь, надевают ватники. Хоть бы солнце выглянуло! Я нечаянно задел веточку тамариска, и на меня обрушился ушат воды.

Мы с Анатолием колдуем над костром, который никак не хочет разгораться. Дым серой ватой стелется по земле. С превеликим трудом удается приготовить завтрак.

На обследование верховьев Дарьялыка со мной вызвались ехать Анатолий, Олег, Саша и Люба. Остальные будут нивелировать профили в районе лагеря. Необходимое оборудование погружено на безотказный вездеход Богатырева, и мы трогаемся в путь.

Снова собирается дождь. Дорога замысловато петляет по пойме Жанадарьи, взбираясь на косогоры, на которых наш бедный вездеход отчаянно буксует. На ровных участках блестят мутные лужи, и за нашей машиной вместо привычной пыли тянутся мелкие брызги грязи. Но вот наконец мы снова выезжаем на асфальтированную трассу, и она выводит нас прямо к гидроузлу — пикету № 42.

Гидроузел состоит из земляной плотины, облицованной бетонными плитами, отводящего канала и небольшого водохранилища... в нижнем бьефе гидроузла. Обычно все гидротехнические сооружения имеют водохранилища в верхнем бьефе — они-то и регулируют речной сток в нижних участках реки. Но на Жанадарье все наоборот. Однако в этом нет ничего удивительного, ибо Жанадарья в строгом смысле этого слова все-таки не река, а сухое русло древнего водотока. Вода в нем сохраняется только в наиболее глубоких местах. А такими местами являются прежде всего участки быстротоков, располагающихся тут же, ниже плотины: здесь вода, пройдя затворы, с бешеным ревом вырывается на свободу, круша речное русло и вглубь и вширь. Выше же плотины после пуска всего стока вода обычно не задерживается даже в ямах-плесах.

Пуски воды из Сырдарьи в Жанадарьинский обводнительный канал и Дарьялык выполняются обычно не чаще одного раза в год. Сырдарья делится с ними водой в течение одного месяца, и потому на дне узбоя успевают появиться луговые травы и даже молодая пополь тamarиска.

Объехав многочисленные канавы, арыки и ямы, попадаем в русло Дарьялыка. Его ровное и широкое дно, покрытое луговыми травами, исполосовано дорогами. Всюду видны проплешины покосов. Плотную к правому берегу сухого русла подступают неширокая полоса тугайных зарослей и саксаульные леса. На левом берегу тугаев нет: здесь к узбою подходят песчаные бугры и барханы... В общем, и этот узбой похож на ту Жанадарью, какую мы видели до сих пор. На правом его берегу день и ночь стоит надрывный рев моторов, клубится пыль — это трудятся бульдозеры, самосвалы и скрепера. Здесь осваиваются новые земли под рисосеяние. В настоящее время по Жанадарье-Дарьялыку проходит граница орошаемого земледелия.

Но что это?! За очередным поворотом русла мы вдруг видим, как навстречу нам бежит ручей, на глазах увеличивающийся в размерах. Он все шире разливается по дну узбоя, и уже в следующее мгновение на нас катит огромный водный поток. Богатырев поспешно загоняет машину на склон правого берега Дарьялыка, уступая дорогу воде... Проходит несколько минут — и там, где мы только что были, вода разливается метров на тридцать. Надо спешить: если мы не успеем выбраться отсюда, нам придется плохо. Богатырев заводит мотор и с разгона пытается выскочить на крутой берег.

Мы уже было выбрались наверх, как неожиданно на нашем пути возник сухой, но глубокий арык. Женя резко тормозит, и машина, потеряв ход, снова скатывается вниз. Приходится начинать все сначала. Наконец, используя все свое искусство водителя первого класса, Женя преодолевает это двойное препятствие — уступ и арык. Дорога на дне Дарьялыка во многих местах уже залита водой.

Нам надо обязательно выяснить, откуда вдруг взялся этот ручей, на наших глазах в несколько минут превратившийся в огромный водяной вал. Первый дождь, прошедший часа два назад после нескольких месяцев великой суши, не мог вызвать такого потопа — земля уже давно впитала его в себя.

Едем напрямик через тугаи. Вездеход буксует в набухших после дождей «пухляках» — рыхлых грунтах, с трудом преодолевая многочисленные канавы. Из-под колес летят комья липкой грязи. Евгений с трудом удерживает машину в колее. Дорога, отчаянно петляя между озеровидными понижениями, уводит нас в неведомую даль.

Но вот среди густого саксаульного леса мелькнул просвет, и мы снова выезжаем к руслу Дарьялыка. Но что это?! Разве это Дарьялык?! Перед нами под высоким обрывистым берегом несется широкий мутный поток. Посреди реки — да, да! это уже самая настоящая река! — виднеются небольшие острова с щетиной тростниковых зарослей и еще какой-то растительности. Гибкие тонкие стебли дрожат в быстрых струях течения, все больше и больше погружаясь в воду.

Как давно не видел я реки с настоящим течением! Течение, как и пламя горящего костра, гипнотизирует, и я не в силах оторвать взгляд от мутного беспокойного потока: ведь не каждый день видишь, как рождаются реки. Однако времени для праздного созерцания нет. Едем дальше. Через редкие просветы облаков проглядывает солнце. Дорога начинает подсыхать. В тугаях душно и влажно. Накат грунтовок становится все более заметным и неожиданно выводит нас к земляной насыпи, затерявшейся среди саксаульника.

Земляной вал тянется по берегу на многие километры. Мы едем вдоль насыпи и в конце концов попадаем к гидротехническому сооружению, как две капли воды, похожему на пикет № 42. Ниже плотины, на водобое, kloкочет вода, вырывающаяся из бетонных труб через приоткрытые щитовые затворы. Выше плотины уровень воды в русле повышается прямо на глазах. Желтые мутные струи закручиваются у щитов в воронки и толстыми жгутами уползают в глубину. Короткие беспорядочные волны накатываются на щебенчатые склоны котлована-успокоителя, и кажется, что вода вот-вот перехлестнет через край.

Так вот почему на наших глазах родилась река?

Мы стоим у перил, ограждающих плотину с двух сторон, и за-

вороженно смотрим на воду. За многие недели нашего вояжа по пустынным районам древней дельты мы отвыкли от привычных и дорогих каждому из нас картин речных просторов и быстрых потоков. И вот теперь я снова наслаждаюсь музыкой воды. Под нашими ногами в тесных бетонных трубах бьются тугие водные струи и, освободившись из плена, уносятся вдаль, растекаясь по просторному ложу Дарьялыка. Может быть, через несколько месяцев вода по руслу Жанадарья достигнет и Чирик-Рабата или даже Сарлытама?

Я понимаю, что это только мое желание и что водный поток, который здесь кажется мне таким могучим, там, в районе Кыжбугутского гидроузла, в каких-нибудь ста километрах отсюда, окажется довольно слабеньким, чтобы добежать до старых стен Чирик-Рабата. Чтобы вода так же клокотала и у Кыжбугута, надо было бы открыть все щиты водорегулирующих устройств, увеличив тем самым расход воды в десятки раз по сравнению с тем, что мы сейчас наблюдаем. И вот эта зависимость жизни дельты от работы гидроузла, который может напоить водой, а может и лишить воды древние земли, заставляет меня воспринимать гидроузел как нечто живое, разумное. «Вот оно, сердце древней дельты!» — думаю я.

— Какое сердце? Где сердце?

Оборачиваясь на звук голоса, и только теперь замечаю, что рядом стоит симпатичный молодой казах крепкого сложения, с круглым лицом. Как это он умудрился подойти незамеченным? Впрочем, при таком шуме воды нетрудно подойти незаметно. Но неужели я, набродившись в одиночку по пескам и такырам дельты, стал разговаривать сам с собой вслух?

— Вы откуда? Чем интересуетесь? Зачем приехали? — сыплет он вопросами.

Я представляю ему всех своих товарищей и объясняю, что мы тут делаем.

Сакбай — так зовут нашего нового знакомого — гидротехник этого узла. Живет он здесь же, неподалеку, в юрте со всей своей семьей. Новые люди к нему заезжают редко, и потому он с таким откровенным интересом рассматривает нас.

— Какое сердце ты здесь увидел? — спрашивает меня Сакбай.

Я пытаюсь ему объяснить, но, оказывается, он все прекрасно понял и не соглашается со мной:

— Сердце дельты не здесь. Сердце на Кыжбугуте и Майльозеке. Если Кыжбугут воду держит — считай, вся дельта сухой будет. Жанадарья до самых Кызылкумов воду гонит. По ней много чабанских юрт стоит. Когда Кыжбугут воду вниз не дает, чабан в пустыню не ходит. А Майльозек — он дает воду Куванке, а по ней вода идет до самого Арала... Вот теперь сам решай — правильно я говорю?

— Сакбай, последний вопрос. Скажите, когда вы пустили воду через свой пикет, для какой цели из Сырдарьи вода сбрасывается в ЖОК и сколько сейчас ее идет по руслу? — вновь спрашиваю я.

Станный, казалось бы, вопрос задаю я, гидролог, своему собеседнику. Но мне действительно непонятно, почему в этот маловодный год, когда целые оросительные системы остались без воды, дважды — в мае и сентябре — вода из Сырдарьи забирается в канал, к которому не подключено никаких орошаемых массивов... Для нужд животноводства? Но для этой цели в районе жанадарьинских хозяйств пробурены артезианские скважины.

— Вода к нам по каналу приходит из Сырдарьи, — объясняет Сакбай. — Мне звонят по телефону из Управления Жанадарьинского канала, мол, открывай шиты, и я их поднимаю... Вот сегодня утром, к примеру, я поднял шиты. Сейчас мы пускаем воду в Кыжбугут, чтобы он распределил ее в Майлызек и Жанадарью. Скоро чабан откочевывать будет с Бетпак-Дала и Сары-Арка в Кызылкум. На выпасах Дарьи барашки поправляются немножко. Потом дальше в пустыню идут, а там нет артезиана... Вода нужна и Куванке, чтобы она совсем не пересохла. Знаешь, какие там жайляу есть — луга по-вашему? Вот для этого немножко воды я пускаю сорок второму пикету, а пот пропустит ее в Кыжбугут.

Значит, животноводству жанадарьинских хозяйств все-таки не хватает воды из артезианских скважин.

Спрашиваю Сакбая, где Жанадарьинский канал сливается с сухим руслом Дарьялык. В ответ Сакбай приглашает нас пройти по берегу канала.

Пройдя метров двести, мы оказались на берегу водного потока, ограниченного с одной стороны земляным валом, с другой — высоким береговым уступом. Здесь же, среди земляных отвалов и дамб-перемычек, проходил еще один канал, терявшийся в сизой дали глинистой пустыни. А вокруг, куда ни поглядишь, — какие-то широкие русла и тростниковые заросли на дне их. Видя на моем лице недоумение, Сакбай поясняет:

— Здесь Дарьялык раньше делал большой такой колган — петля по-вашему, а там за каналом, на котором стоит моя юрта, от большого колгана образовался еще один колган. Смотри, вот этот канал идет из Сырдарьи — это и есть Жанадарьинский канал. Немножко он идет по саю — сухое русло, значит, — Дарьялык, а вот в этом месте, где мы стоим, Большой Жанадарьинский канал входит в Дарьялык. И в этом же самом месте — вот, видишь? — от Жанадарьинского канала отходит еще один канал — Актам называется. По Актаму вода идет на поля совхоза «Инкардарья», а по Жанадарьинскому — на мой пикет. Русло Дарьялык пойдет от плотины, где я вас встретил. А это все, — он показывает на земля-

ные валы и каналы,— экскаваторы нарыли... Сейчас воды мало идет по каналу, а лет пять назад эти места, где мы сейчас разговариваем и где моя юрта стоит,— все было в воде. Тогда ой как много воды было! После этого и стали поднимать берега у каналов, сыпать землю на бугуты — земляные плотины, значит. Канал, видишь, какой узкий, а сай вон какой большой! — и Сакбай, разводя руки в стороны, показывает какой канал и какой ширины русло.

Действительно, канал буквально теряется на широком русле узбоя Дарьялык.

Получив необходимые сведения, без которых мы не могли приступить к работе, я спешу сделать кое-какие записи и зарисовки этого участка, дополняя их своими наблюдениями. Сакбай внимательно следит за моей работой и время от времени поправляет меня, уточняя названия и общее направление того или иного водотока.

Благодарим Сакбая за полученные сведения, садимся в машину и отправляемся в обратный путь. За машиной снова тянется густой шлейф пыли.

И вот мы у того места, где несколько часов тому назад встретили водный поток, от которого так панически бежали. Теперь вода разлилась во всю ширину дна узбоя, заполнив многочисленные понижения русла. Но «голова» водного потока ушла недалеко — метров на двести ниже. Я смотрю на реку, и мне кажется, что это гигантская змея, медленно подползающая к своей жертве. Слышатся шелест и протяжное шипение — это вода заполняет очередные понижения дна русла Дарьялыка. Сколько же пройдет времени, прежде чем она достигнет истоков Жанадарьи? Недели, а может быть месяцы?..

Мы останавливаемся на переезде через глубокое русло сухого водотока, по которому весной в Дарьялык поступают талые воды, и принимаемся за наши обычные дела — нивелировку профилей, гидрографическое обследование участка, сбор опросных данных, если таковые удастся получить — район все-таки малонаселенный. Обязанности между всеми распределены, и каждый отвечает за определенный вид работ. Пока ребята заняты съемкой русла, я, как обычно, с головой ухожу в гидрографию. Спасибо Сакбаю, теперь я достаточно четко представляю себе обследуемый район. Описание Дарьялыка должно получиться интересным и точным. Рядом со мной занимается своим делом и Анатолий.

— Как думаешь, когда этот поток дойдет до сорок второго пикета? — после долгого молчания спрашивает меня Анатолий.

— Думаю, не раньше чем через недельку,— отвечаю я. Мне не хочется отвлекаться на разговоры.

— Так долго? — искренне удивляется Толя.— Почему вода так медленно заполняет понижения русла?

Теперь вопросам не будет конца. Мой товарищ любит дока-

пываться до самой сути, и пока ему не станет все предельно ясно, он не успокоится.

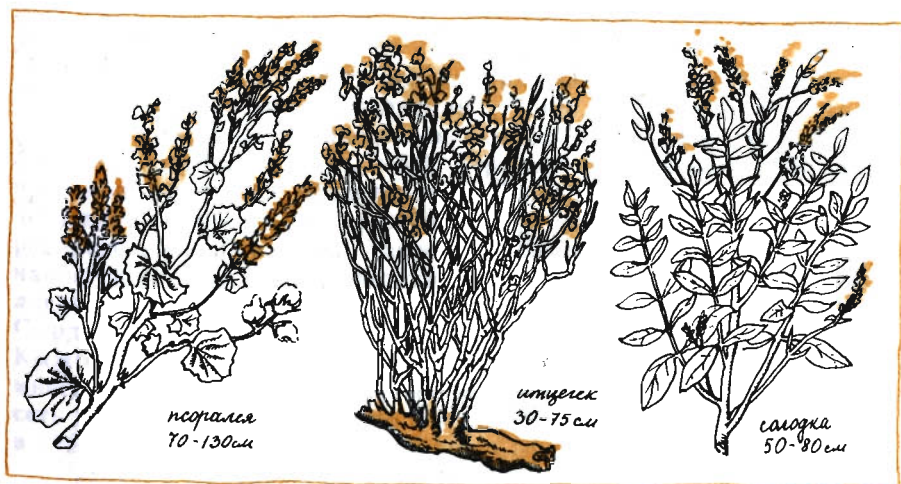
— Да ведь ширина Дарьялыка без малого полкилометра! — со вздохом принимаюсь я за объяснения.— И прежде чем водный поток сдвинется с места, он должен заполнить все многочисленные понижения так, чтобы образовалась сплошная водная поверхность. Можно даже вычислить объем воды, необходимый для этого... А дальше все это будет повторяться бесчисленное число раз — до тех пор, пока вода не заполнит все русло узбоя на всем участке до следующего гидротехнического сооружения. И только после этого появляется какое-то подобие реки.

А пока в русле есть сухие участки дна, водный поток будет продвигаться рывками-импульсами,— пытаюсь я нарисовать Анатолию сложную картину движения водного потока, прежде чем он станет рекой.

— Знаешь, Валерий, у меня такое впечатление, что все те участки узбоя, которые мы уже видели и которые ты считаешь и называешь Жанадарьей, принадлежат вовсе не Жанадарье. Такое чувство, что это не имеющие один к другому отношения узбои.

Да, у меня тоже такое ощущение, что эти последние две недели мы были не на одной Жанадарье, а на многих разных узбоях. Жанадарья многолика...

Работы на Жанадарье закончены. Завтра мы перебираемся ближе к последнему крупному узбою, который нам предстоит обследовать,— Кувандарье, где, по словам Сакбая, расположено сердце дельты.

Завершив обследование Кувандарьи, мы уже достаточно четко будем представлять себе всю дельту, ее гидрографию, ее настоящее и прошлое, без чего невозможно представить современный механизм взаимодействия речных вод с руслами узбоев, невозможно представить связь дельты со всеми появившимися недавно на левобережье Сырдарьи многочисленными каналами, арыками коллектора, которые оконтуривают поверхность древней дельты своими искусственными руслами, переплетающимися с узбоями. Именно это и является основной нашей задачей, позволяющей в будущем составить схему обводнения древней гидрографической сети и затем рассчитать основные гидрологические характеристики в створах пересечения узбоев с трассой канала...

Ночь темная. Плотная облачность снова закрыла звездный небосвод, а настойчивый северо-восточный ветер несет прохладу и дожди. Скоро наступит такое время, когда мы будем радоваться каждому солнечному лучу.

Слышатся тоскливое завывание ветра в кустарнике да надрывной рокот моторов бульдозеров, который мешает мне уснуть.

СЕРДЦЕ ДЕЛЬТЫ

Утро выдалось солнечным. Ярко сверкала зелень, умытая росами и дождями. В воздухе стоял приятный запах душистых трав и мокрой земли. Над зарослями саксаула по берегам водохранилища Кызбугут поднимался легкий туман.

В туранговой рощице, где мы остановились на ночлег, весело поют пичуги. Желтеют по берегам увядающие тугаи, и только саксаул да тamarиск по-прежнему зеленеют, как будто не чувствуя приближения осени.

Зеркальная поверхность водохранилища, его нежная голубизна, обрамленная веселыми красками тугаев, делают этот уголок сказочно красивым и радостным. Однако у меня нет времени любоваться природой. Цель моей утренней рекогносцировки очень прозаична: я должен обследовать район предстоящих работ, чтобы детальнее разобраться в строении «сердца» дельты и правильнее распределить наши силы. Такое своеобразное определение района наших исследований соответствует истине. Действительно, располагаясь в центре сплетения многочисленных крупных узбов дельты Сырдарьи, Кызбугут выполняет роль их резервной емкости. Воды Кызбугута расходятся по руслам Жанадарьи и Кувандарьи на многие десятки километров, наполняя старую гидрографическую сеть живительной влагой. Это я видел собственными глазами, летая в 1969 и 1970 годах над разливами Сырдарьи.

Разбудив дежурных по «кухне», отправляюсь по берегу водохра-

нилища в сторону плотины. С веток саксаула, которые я постоянно задеваю головой, сыплется крупные холодные капли воды. Тут, как и всюду в приречных зарослях и лесах, много звериных тропок. Но они такие узкие и так заросли по краям мелким кустарником, что идти по ним ненамного легче, чем напрямик через тугай.

Наконец я выхожу к земляной насыпи, возвышающейся над вершинами деревьев. Поднимаюсь на ее гребень. С высоты плотины открывается необозримая гладь Кыжбугутского водохранилища. После тех небольших плесов, которые попадались нам при обследовании Жанадарьи, водохранилище кажется мне огромным, как море. Даже не верится, что это та же самая Жанадарья.

Я иду по накатанной, прямой как стрела, дороге, проложенной по гребню плотины. Дорога ограничена белыми столбиками, — зрелище, от которого мы уже совершенно отвыкли. Давно уже мы не видели не таких солидных плотин, как Кыжбугутская. Средняя часть плотины, там, где она сдерживает натиск воды, постоянно прибивающей из Сырдарьи, облицована бетонными плитами.

Под правым берегом плотина имеет несколько водосбросных сооружений, перекрытых мощными щитами. Через эти водоспуски вода из водохранилища может быть сброшена в нижний бьеф, а дальше она побегит мутным потоком к Чирик-Рабату, заполняя бесчисленные ямы и понижения на дне русла. Но пока продолжается маловодье, щиты прочно удерживают воду в водохранилище.

По другую сторону плотины растут непроходимые заросли кустарника и трав — здесь просачивается вода из водохранилища, увлажняя дно узбоя. Однако маленькие озера-плесики и русла-щели, лежащие чуть ниже по эту же сторону плотины, обречены на полное высыхание. Им не хватает того ничтожного количества воды, которая просачивается сквозь щиты плотины. Вода в этих понижениях сохранялась только за счет того, что будучи сравнительно глубоко врезанными в дно узбоя, они питались грунтовыми водами. Однако теперь, в период маловодья, уровень грунтовых вод постепенно снижается, и дни этих крохотных водоемов уже сочтены.

От плотины в сторону водохранилища отходит широкая, но невысокая насыпь — «шпора», отделяющая узкое водное пространство от общей акватории водоема. «Шпора» позволяет уменьшить нагрузку воды на основную часть плотины, в которой оборудованы главные водоспуски. К тому же, глубоко вдаваясь в акваторию водохранилища, «шпора» не позволяет ветру и волнам разгуляться у плотины — ведь в основном она отсыпана из земли.

Зачем нужно держать воду в Кыжбугуте, если она своим мутным оком смотрит в знойное небо и просто испаряется, а не используется на дело? Оказывается, даже очень нужно. И прежде всего для того, чтобы в назначенное время обеспечить водой Кувандарьин-

ский обводнительный канал и реку Майлыозек — по их руслу она поступит в Кувандарью, на берегах которой расположены два крупных современных животноводческих совхоза — «Кувандарьинский» и «Жанакалинский». Однако Кувандарья получает воду из Кыжбугутского водохранилища только в очень многоводные годы. В обычные же годы вода поступает в Кувандарью только за счет коллекторного сброса с оросительных систем.

Поднимаюсь на бугор, которым заканчивается плотина у правого берега Жанадарьи. Отсюда хорошо просматривается окружающая местность. Где-то здесь, по словам Сакбая, должны находиться исток реки Майлыозек и начало Кувандарьинского обводнительного канала (КОК). Оглядываюсь вокруг и в каких-нибудь нескольких сотнях метров от бугра вижу понижение, напоминающее русло. Иду к нему — да, это действительно русло. Трудно поверить, что по такому неглубокому понижению сырдарьинская вода, изъятая из реки еще в районе города Кызыл-Орда, попадает в Аральское море, преодолев четверта-пятьдесят километров через пески и глинистые пустыни.

Однако где же начинается река Майлыозек, а где Кувандарьинский канал? В далеком прошлом узбой Майлыозек, по всей вероятности, входил в общую систему дельты реки Сырдарьи и начинался из Жанадарьи широким потоком. Сегодня же, как нам сказали еще в Кызыл-Орде, русло Майлыозека на отдельных участках искусственно спрямлено и используется как трасса, по которой проходят воды Кувандарьинского канала, а потому нередко эти названия путаются и Майлыозек называют Кувандарьинским каналом. Так что нам будет нелегко разобраться, где река, а где канал... Где же Майлыозек берет начало теперь?

Пройдя по берегу водохранилища несколько сот метров, неожиданно вышел к головному сооружению Кувандарьинского канала. Что это так, догадаться было нетрудно: передо мной канализированный участок узбоя, отделенный от водохранилища плотиной, в тело которой заложены три щитовых затвора.

Канал прорыт по дну мелкой ложбины, по которой раньше, очевидно, осуществлялся сток из Жанадарьи в Майлыозек. Теперь же это искусственное русло питается водами из Кыжбугутского водохранилища. Если это так, то неглубокое русло, которое я открыл для себя с вершины бугра, стоя на правом берегу Жанадарьи, совсем не Майлыозек, а какой-то другой узбой.

На излучине русла Кувандарьинского канала под обрывистыми берегами виднеется спокойная водная гладь плеса. Небольшой водный поток, рожденный главным образом за счет высачивания вод Кыжбугутского водохранилища и «технических» потерь, связанных с несовершенством водорегулирующих устройств, полностью расходуется на поддержание в плесе небольшого объема

воды. Вот от этого-то плеса и начинается русло Майлыозека — крохотный ручеек, едва тянущийся по дну. Так и рождается эта река, которой нужно пройти путь до самого Арала...

Солнечный диск поднимается над тугаями. Утренняя прохлада прячется под кудлатые кроны саксаула. Наступает новый день нашей сырдарьинской одиссеи. На водохранилище становится очень оживленно. Одни стаи уток поднимаются на крыло, другие садятся. Отдельной группкой держатся солидные бакланы, у самого берега шумно суетятся кулики. Прямо передо мной на противоположном берегу, метрах в четырехстах, поднимается тонкая серая струйка дыма — там наш лагерь. Вот бы переплыть туда по воде, а не обходить вокруг посуху четыре километра!..

И вот мы снова в пути. Гладкие, как асфальт, такыры, сменяются песчаными буграми и зарослями саксаула. Наши вездеходы с трудом преодолевают участки дороги, засыпанные песком. Видно, здесь поработал бульдозер, расширяя дорогу. Верхний слой песчаного грунта, прежде укрепленный растительностью, снят, и теперь пески не только все больше и больше наступают на дорогу и на такыры, но и отвоевывают все новые и новые участки земли, пригодные для земледелия. Вот наглядный пример того, как человек покрывает природу, не зная всех особенностей отдельных ее регионов.

Съезжаем с участка дороги, засыпанного толстым слоем песка, и преодолеваем это место прямо по бархану. Машины, довольно легко взяв подъем, снова выезжают на такыр. Но не успеваем мы порадоваться быстрой езде, как надо решать новую задачу. Перед нами три дороги: одна круто уходит вправо, другая — влево, а третья идет прямо. Куда ехать?.. Женя Богатырев с надеждой смотрит на меня и ждет команды.

Сворачиваем направо и, покосив между барханами и густыми зарослями саксаула, выезжаем к какому-то озеру. Оно лежит в глубокой котловине, со всех сторон окруженный барханами. Вода в озере такая голубая, будто ее кто-то специально подкрасил. Берега заросли тростником. А прямо напротив нас к воде спускается небольшая джидовая рощица. Густая тень деревьев с пепельными кронами манит, к себе, и мы выбираем рощицу в качестве нашей временной базы, пока будем обследовать этот район.

Как образовалось это озеро? Почему оно не высохло под жаркими лучами летнего солнца и в нем еще много воды?

Пора приниматься за работу — вот тогда я и получу ответы на все свои вопросы про озеро. А главное, неплохо бы разобраться со старой речной сетью и найти русло Майлыозека, которое находится где-то поблизости. Наше случайно обнаруженное озеро, по-видимому, наполняется водами этой реки. Надо понять роль Майлыозека в обводнении дельты в том районе, где трасса канала пересекает многочисленные старые, большей частью сухие русла.

Еще недавно, до постройки Кыжбугутского водохранилища, в многоводные годы, когда русло Жанадарьи оказывалось заполненным водой, вода из Жанадарьи поступала и в русло Майлыозека. А Майлыозек, в свою очередь, являлся промежуточным звеном между Кувандарьей и разветвленной сетью многоорукавного Эскидарьялька. И вот теперь в этом районе, в зоне пересечения узбоев трассой канала, на карте обозначены фрагментарные русла и слепые протоки, теряющиеся в песках. Так ли это? Если в Майлыозеке и в его приречной полосе вода и озера есть и сегодня, то этот узбой не может бесславно кончиться в песках. Мы должны собственными глазами убедиться в том, как все обстоит на самом деле. Не менее важно получить сведения об источниках обводнения Майлыозека и его роли как передаточного звена сегодня.

Мне вспоминаются 1969 и 1970 годы — Кыжбугутское водохранилище уже было построено к этому времени, — когда я, летая над этими районами, не мог выделить русло Майлыозека на общем фоне разливов, занимающих огромные территории. Вода была всюду. Озера и небольшие понижения, заполненные водой, слились тогда в одно целое, и Майлыозек угадывался только на отдельных участках — в тех местах, где не были затоплены его берега. Вполне естественно, что если повторится, скажем, половодье 1969 года и сырдарьинская вода устремится по руслам мелких водотоков в сторону узбоев, то заполнение их и величины расходов воды, проходящей по руслам, будут зависеть от того, как был обводнен этот район до половодья. Если русло сухое, воды на его заполнение уйдет больше да и величина стока, например, в районе пересечения русла трассой канала будет меньше, чем в том случае, когда до наступления половодья оно было в какой-то мере заполнено водой. И чем больше будет в руслах воды, тем значительней будет сток в расчетном створе при одних и тех же значениях расходов воды, формирующихся в верховьях узбоев. Все это относится и к Майлыозеку.

Майлыозек тоже влияет на водность других водотоков, и прежде всего на водность Жанадарьи. И вот каким образом. Если русло Майлыозека будет заполнено водой и сток в нем сформируется за счет притока воды из прилегающих озер и разливов, а также мелких водотоков и сбросов воды с орошаемых массивов и коллекторов, то в этом случае из Кыжбугутского водохранилища вода в Майлыозек забираться не будет. Его долю заберут низовья Жанадарьи, а значит, вода по этому узбою сможет проникнуть гораздо дальше, чем если бы Жанадарье пришлось делить ее с Майлыозеком...

Пока я колдовал над картой, мои товарищи не теряли времени даром. Девушки, как всегда, сразу же бросились к воде наводить чистоту. Ребята разбивают лагерь, а кое-кто даже успел вволю накупаться.

— Ох, и холодная же вода в глубине! — отбивает около меня дробь зубами Борис.

— А почему бы и нам не искупаться? — приглашаю я Анатолия.— Потом будет не до того.

Купанье всегда хорошо освежает после длительных переездов или утомительных пеших маршрутов, и потому холодная вода меня не пугает. Анатолий смотрит на это дело точно так же, как и я.

Мы быстро раздеваемся и с разбегу бросаемся в воду. Она кажется теплой, во всяком случае, у берега. Анатолий широкими гребками плывет на середину озера. Я набираю воду в рот и пробую ее на вкус — меня всегда интересует качество воды. Вода почти пресная, но в то же время сильно ощущается присутствие каких-то солей: вокруг орошаемые поля, обработанные химическими удобрениями, а водоем бессточный. Так вот, значит, откуда этот неестественный голубой цвет воды в озере!.. С отвращением сплевываю воду (какой чистой она казалась на первый взгляд!) и пускаюсь в погоню за Анатолием. Отплыв сотню метров от берега, решаю измерить глубину. Нырять и чувствую, как холодная вода сжимает тисками грудь при погружении, и мне хочется скорее выбраться на поверхность. Дна я не достал. Но думаю, глубина здесь не более четырех метров. Таких глубоких озер мы еще не встречали... Однако я тоже основательно замерз. Теперь я очень хорошо понимаю Бориса. Мне показалось, что на глубине вода градусов на пять ниже, чем в метровом поверхностном слое. Стараясь согреться, быстро гребу к берегу...

Сравнительно низкие температуры на глубине водоема, по всей вероятности, обусловлены притоком грунтовых вод. Правда, это может быть вызвано и обычной температурной стратификацией в озере, когда охлажденные в ночные часы водные массы опускаются на дно, а на их место к поверхности поднимается более теплая вода. Ночи теперь стоят довольно прохладные, сентябрь дает о себе знать. Но все-таки, мне думается, такой большой разницы при температурном перемешивании быть не может, а следовательно, причиной всему является приток грунтовых вод, поступающих в наиболее глубокую часть озера.

Выполнив все необходимые записи и зарисовки, отправляюсь на обследование озера, на берегу которого разбит наш лагерь. Обогнув высокую песчаную гряду, выхожу к узкой горловине, где в озеро впадает какой-то водоток — сейчас русло его сухое. Иду по этому руслу. Оно хорошо разработано и лежит в глубокой долине, занимая почти все ее дно. На склонах долины так же, как и на жандарьинском рукаве в районе Чирик-Рабата, видны метки различных горизонтов стояния воды. И так же, как и там, метки наивысшего горизонта воды располагаются на высоте около пяти метров.

Интересное совпадение! В какой-то мере оно, безусловно, вызвано похожими условиями: одни и те же уклоны бортов долины, одинаковые почвогрунты.

На некотором удалении от озера в русле водотока появляется вода, а по берегам его — заросли тростника. Но через какой-нибудь километр я выхожу к небольшим озерам, почти полностью высохшим. Забираюсь на гребень высокой песчаной гряды и сразу же обнаруживаю среди пойменных разливов русло Майлыозека.

Итак, теперь мне все ясно с нашим озером. Оно существует не только за счет притока грунтовых вод, но и периодически получает дотации из Майлыозека, когда по руслу последнего проходит значительный сток...

Иду к только что увиденному руслу Майлыозека, обходя мелкие озера и солончаки, и попадаю в густые тростниковые заросли, простирающиеся по обоим его берегам. Место, к которому я вышел, оказалось на редкость удачным: здесь искусственное русло Кувандарьинского канала входит в естественное речное русло. Вода на дне водотока сохранилась только в небольших ямах-плесах. Но везде видны следы текущей воды: где повален тростник, а где вдоль береговых бровок тянутся жгуты мусора.

Перехожу через сухое русло Майлыозека и попадаю в великолепную рощу, где серебристая джида соседствует с зарослями саксаула и тамариска.

За рощей мое внимание привлекает высокая зеленая насыпь — это борт какого-то магистрального канала, прорытого по соседству с речным руслом... Надо будет выяснить, для чего предназначен канал и как он называется. Но это не проблема — об этом можно узнать у любого местного жителя или чабана. По размерам канал не уступает Майлыозеку. На его растрескавшемся от засухи дне успела вырасти верблюжья колючка. Однако, судя по всему, в большую воду по каналу проходит не менее двадцати пяти кубических метров в секунду. Мой дневник с затрепанными листами открыт на чистой странице, и я снова добросовестно делаю записи и зарисовки нового участка Майлыозека...

И снова дорога. Майлыозек, как живое существо, извиваясь, упорно уползает на запад, на встречу с голубым Аралом. (Ощущение реки как живого существа никогда не оставляет меня!) Но сколько оно доставляет нам хлопот своими бесчисленными руслами-рукавами, которые местные жители еще называют прорвами. От протоков прорвы отличаются только тем, что, отводя воду из реки, они, как правило, ни в какой водоем не впадают, а оканчиваются так же неожиданно, как и начинаются. Наша работа осложняется еще и тем, что вдоль русла Майлыозека дорог почти нет, и бесконечные объезды понижений и преодоление многочисленных русел изматывают всех до предела.

Однако теперь мне почти полностью ясна та роль, которую выполняет Майлыозек. Этот узбой действительно можно условно сравнить с сердцем, к которому со всех сторон тянутся водные артерии, главными из которых здесь являются Южный и Северный коллекторы, «впадающие» в Кувандарьинский канал. По ним и осуществляется сброс воды с орошаемых массивов в Майлыозек. (Внося окончательную путаницу в названия, местные жители иногда называют сегодня Майлыозек Куванкой, поскольку теперь Майлыозек посредством Кувандарьинского обводнительного канала постоянно, а не только в многоводные годы, связан с Кувандарьей. Для местных жителей, собственно, ведь не имеет большого значения, чья это вода — Майлыозека ли, Кувандарьинско-го канала или Кувандарьи, — была бы только вода!..)

Тянется бесконечная дорога. Мне иногда начинает уже казаться, что дороги вообще нигде не кончаются.

Накануне прошел сильный дождь. И Евгений частенько выбирается на обочину, объезжая глубокую колею, заполненную водой. Низко нависают тяжелые облака. Теперь каждый день убеждает нас в том, что и в этих краях погода повернула на осень. Только за последнюю неделю дожди выпадали трижды. Ребята натянули на машину тент и уже не снимают его. Скоро и здесь, под небом Южного Казахстана, станет совсем неуютно.

Но вот мы и добрались до места последней ночевки на Майлыозеке. Уже завтра мы должны будем перебраться на Кувандарью, где приступим к завершающему этапу наших работ. Только бы погода не подвела... А пока до темноты мне хотелось обследовать еще один небольшой участок Майлыозека. Если верить схеме, полученной нами в Кызыл-Орде, гидрография в районе слияния Майлыозека с Кувандарьинским каналом должна быть интересной.

Пока другие члены экспедиции заняты устройством лагеря, Алексей с Виктором идут делать нивелировку профилей. Потом к ним подключатся и остальные. Часа через три окончательно стемнеет, но желание начать сегодня новый участок у ребят велико.

Небо полностью очистилось от облаков и блистает необыкновенной голубизной. Под ногами расползается мягкая размокшая земля, а на траве и кустах бисером рассыпаны мириады капель дождя. В воздухе стоит крепкий запах полыни и солянок.

Мы с Анатолием идем по берегу сухого русла Матахан, через саксаульный лес и тamarисковые заросли. Наша с ним задача — изучить гидрографию этого района. Всюду видны кустики солянок, празднично окрашенные в багровые и оранжевые тона, розовые соцветия гребенщика и темно-зеленые островки жантака. Русло, то резко сужаясь в межбарханых понижениях, то снова расширяясь, наконец выводит нас на обширную равнину, покрытую саксаульными и тamarисковыми зарослями. Дно Матахана сильно заросло

тростником, верблюжьей колючкой, ситником и другой растительностью. Берега обрушены и сглажены. Но вот заросли кончаются, и прямо перед нами встает высокий земляной вал Узун; для нас это удобный наблюдательный пункт. У основания вал порос кустарником, и даже на его склонах видны небольшие зеленые куртинки. Когда и для какой цели был он сооружен, неизвестно: обычные отвалы грунта вдоль каналов совсем невысокие.

С вершины вала на многие десятки километров отлично просматривается сложное хозяйство дельты. Прямо перед нами огибает вал Кувандарьинский обводнительный канал. Один его конец устремился на встречу с Майлыозеком и Кувандарьей, другой — уходит далеко на север, туда, где за сизой вечерней дымкой течет среди пустыни Сырдарья.

На юг от Узун широкой полосой тянутся луга. Чуть левее канала, в сторону нашего лагеря, стоят стеной сплошные тугаи. А вот и наш проток Матахан, по которому мы вышли к Кувандарьинскому каналу. Своим сухим руслом он входит в канал за земляным валом. За Матаханом виден Майлыозек.

Спускаемся с вала Узун и приступаем к гидрографическому обследованию Кувандарьинского обводнительного канала, вернее, его правой ветки, которая, объединив воды Северного и Южного коллекторов, сливается с самим каналом и Майлыозеком здесь, всего в нескольких километрах южнее вала Узун.

Берега канала невысокие — не более метра, но обвалованы насыпями высотой метра в три-четыре. По дну канала мелкими ручейками струится небольшой поток, расход воды совсем мизерный — каких-то литров пятьдесят в секунду. И все-таки то под одним, то под другим берегом синеют небольшие плесы.

— Это и все, что течет по каналу?! — разочарованно удивляется Анатолий.

Да, воды в канале действительно маловато. Однако с высоты вала Узун мы видели, что почти повсюду на равнине зеленеют луга и тугаи, и только на востоке появляется коричневый цвет — цвет песков и такыров. К тому же не стоит забывать, что эти «капли» воды уже сделали свое благотворное дело, оросив рисовые поля и луга.

Однако не всегда в канале бывает так мало воды: на береговых уступах на высоте до двух метров над дном канала видны жгуты мусора. А это значит, что не так давно здесь прошел сток около десяти кубических метров воды в секунду.

Я спрыгиваю в русло канала и босиком захожу в воду ближайшего плесика — это хорошо помогает снять усталость. Плесик мелкий, с мутной зеленоватой водой. Но не успел я сделать и нескольких шагов по воде, как в ногу больно ударились сразу две крупные рыбыны — черные амуры! И я тут же выскакиваю на берег: не очень-то приятно ходить по воде, которая кишит живыми существ-

вами. Лично я питаю отвращение к тупорылым массивным черным амурам, которых местные жители называют «змей-голова». Они водятся здесь во всех водоемах, даже с мутной водой. У этих рыб есть странная повадка: высунут головы на берег, как крокодилы, и лежат, блаженствуя... И вдруг плес буквально забурлил: это принялись носиться взад-вперед чем-то обеспокоенные амуры. Желание охладиться у меня пропало окончательно, и я взялся за дневник. Толя фотографирует канал, пейзажи, а заодно и меня.

— Зачем ты все это записываешь? Разве нас интересует какой-то коллектор? Я думал, что мы должны заниматься только естественными руслами древней дельты,— теряет наконец терпение Анатолий.

Конечно, я не могу сказать, что нас интересует буквально «все», и в то же время такой ответ был бы близок к истине.

На место стоянки возвращаемся напрямик, через тугаи. Завтра с утра, до отъезда, займемся нивелировкой и гидрографией до самого места слияния Майлыозека с каналом. Нелегко будет справиться со всеми делами. Но иначе у нас, кажется, и не бывает.

Ребята разбили лагерь в укромном местечке — за большущим тамарисковым кустом, неподалеку от плеса с тростниковыми зарослями по берегам. Прямо на великолепном зеленом ковре из луговых трав поставлены палатки.

— Зачем затоптали такую замечательную лужайку?! — набрасываю я на ребят вместо приветствия.

У костра сидят Виктор и Саша, а у стола хлопочут Марина и Люба. Остальных не видно.

— А разве лучше на голой земле? Тогда можно было бы остановиться прямо на дороге — и никаких хлопот! — отрезает Саша.

— Где остальные? — стараюсь сдержаться, спрашиваю я.

Сейчас не время для выяснения отношений, но вечером, когда все соберутся у костра, придется опять вернуться к разговору, почему в Средней Азии, особенно в пустынных и полупустынных ее районах, нужно очень бережно относиться к природе: здесь она по несколько десятков лет залечивает нанесенные ей раны. Впрочем, в таком же бережном отношении нуждается природа любого уголка Земли — это давно открытая истина. Сколько раз мы уже говорили с ребятами об этом, и потому сейчас я никак не могу справиться с охватившим меня раздражением. Очевидно, начинает сказываться некоторая усталость от длительных поездок и неустроенного бивачного быта... А вообще мы живем дружно.

Возвращаются с рыбалки остальные ребята. Они уже выполнили полученное задание и потому имеют законное право на отдых. Улов неожиданно крупный — около десятка больших рыбин.

— Ну и рыба здесь! — восхищенно говорит Фролов, ставя на землю ведро, из которого торчат крупные рыбы хвосты.

— Это еще не все,— подхватывает Сергей.— На берегу еще хвостов десять будет. Так что разводите костер пожарче — будем рыбу жарить.

— На что ловили? — оживляется Толя, большой любитель рыбы и рыбалки.

— Ни на что — руками! — сообщает Борис, который тоже принимал участие в «путине». Об этом свидетельствует даже его внешний вид: одежда у него почти вся мокрая.

— Как это «руками»?! — не верит Анатолий.

— Пойдем к реке — сам убедись,— приглашает его Фролов.

— Послали Бориса дежурные по кухне за водой,— рассказывает Сергей.— Он ушел, а через некоторое время возвращается без ведер, и вода с него ручьями. Я его спрашиваю, зачем, мол, в одежде искупался? А он лопочет что-то непонятное: «Зашел я в воду,— говорит,— а меня как кто-то шибанет по ногам! Потом еще и еще раз! Здоровая пятнистая спина и змеиная голова, а сами толстые и короткие...» Словом, несет наш Борька какую-то чертовщину, и вид у него совсем растерянный. Ну, побежали мы к реке, а там беснуются амуры эти черные,— заканчивает свое повествование Бибиков.

Отправляемся на плес посмотреть на рыбалку. Я думаю, в каждом мужчине живет дух охотника и добытчика. Только вот качества эти у каждого проявляются по-разному.

В неглубоком, до дна прогреваемом плесе амурам было тесно, и от их суеты вода буквально кипела. Наверное, съели всю мелюзгу вот и беснуются, а тут еще уровень воды в русле день ото дня падает. Правда, черный амур может преодолевать путь к воде и по суше, но не сотню же километров, которая отделяет плес от Сырдарьи...

Но пора и назад, в лагерь, где нас ждет великолепный ужин. Вот и подошел наш последний вечер на Майльозеке.

Последнее время из-за ранних сумерек «посиделки» у костра стали более продолжительными. Теперь работу приходится прекращать часа на три раньше, чем летом. Начинаем тоже не рано, и все равно повсюду еще лежит обильная роса. Маловато времени остается для работы, зато на разговоры у ярко пылающего костра его стало предостаточно. За вечер теперь успеваем поговорить чуть ли не обо всем на свете. Правда, за последнее время в разговорах преобладает домашняя тематика, и каждый из нас все чаще вспоминает своих родных, знакомых и друзей. С особым чувством мы вспоминаем наш город.

Ватники, спальные мешки, одежда, отсыревшие за ночь в палатке, умывание по утрам холодной водой — конец сентября все-таки!..

Но следующий день выдался жарким. Подсохли дороги после недавних дождей, обветрились тугай и жухлые степные травы. Опять

за нашей машиной неотступно следует пыльное облако. Снова сняты тенты с машин, и ребята, спасаясь от пыли, перебрались на свои обычные места ближе к кабине. В кабине опять душно, и я с удовольствием вспоминаю те дни, когда над нами нависали тяжелые тучи.

Далеко впереди смутно просматриваются какие-то возвышенности. Все чаще стали попадаться арыки и магистральные каналы, во все стороны разбегаются многочисленные дороги, и нам приходится колесить в поисках нужной дороги. Неожиданно выезжаем к широкому руслу сухого водотока. Берега его невысокие и почти полностью лишены какой-либо растительности. Наверное, это и есть узбой Кувандарьи, который мы ищем.

Евгений набирает скорость, надеясь проскочить с разгона глубокую колею на дне водотока, заполненную пылью. Мотор работает на предельных оборотах, вездеход тяжело поднимается на противоположный берег узбоя, и мы неожиданно утыкаемся в канал: по воле случая мы выехали как раз к тому самому месту, где канал входит в русло узбоя Кувандарьи. Но неужели это сухое русло, которое мы только что переехали, и есть Кувандарья?!

— Что-то я не пойму, начальник, куда это мы приехали? — останавливая машину, спрашивает Богатырев. — По-моему, мы собирались смотреть истоки Куванки, а это явно наш канал. Только как это мы опять к нему попали? А я-то мечтал искупаться сегодня в реке, и на тебе... Ох, до чего же надоели мне эти сухие русла!

Я не разделяю настроения Богатырева. Напротив, я доволен. Нам действительно повезло: дорога, как ниточка волшебного клубка, привела нас как раз туда, куда нам и нужно. Сколько бы пришлось поколесить, прежде чем мы нашли бы место слияния Кувандарьи с каналом среди бесконечно однообразного ландшафта!.. Не спорю, в безликой равнине, редких зарослях саксаула, в этой развороченной земле по берегам канала и Кувандарьи красоты маловато. Но нас интересует совсем другое: способно ли начальное звено узбоя транспортировать сырдарьинскую воду до того участка, где сливается Кувандарья с каналом. Здесь канал, пройдя около двухсот километров через пески Биякум и глинистую пустыню, входит в русло Кувандарьи, отсекая ее верховья, теряющиеся в зоне современных концевых сбросов с орошаемых массивов Джусалинской системы, от Сырдарьи. А ведь почти не приходится сомневаться в том, что — мы расспрашивали об этом местных жителей — до существования канала Кувандарья получала воду из Сырдарьи: вода поступала в район начала Кувандарьи по многочисленным обрывочным руслам и уклону местности, заболачивая большие территории и образуя мелкую гидрографическую сеть, тяготеющую к руслу Кувандарьи.

Что же происходит теперь? Нивелирование продольного и поперечных профилей, а также обследование старого русла Куван-

дарьи и левобережной насыпи Кувандарьинского канала, засыпавшего его, помогут нам разобраться и в этом.

Однако куда нам ехать сейчас? Пока я решаю для себя этот вопрос, из-за высокой земляной насыпи в облаке пыли появляется «козелок». Вот удача! Что может быть лучше разговора с местными жителями!

«Козелок» подъезжает к нашим вездеходам и останавливается. Из него выходят двое мужчин с загорелыми лицами, в темных форменных костюмах и таких же фуражках. Они представляются. Один из них оказался областным рыбинспектором, другой — местным егерем. После первых слов приветствия с обеих сторон мне становится ясно: завернули они к нам не случайно.

И действительно, вопросам их не было конца. Они интересовались анкетными данными: кто мы, откуда, чем занимаемся, куда едем. Спрашивали, имеются ли у нас рыболовные сетки, охотничьи ружья и другие снасти. Я отвечал: нам бояться нечего.

Уже было я подумал, что официальная часть разговора окончена, как вдруг последовало неожиданное требование:

— Теперь мы обязаны проверить ваши машины.

— На каком основании?! — дружно протестуем мы.

Но нашего согласия никто и не спрашивал. Рыбинспектор уже воровито вещи в кузове вездехода Сергея Бибикова.

Его товарищ пытается оправдать их действия:

— Поймите нас правильно! Дело в том, что нарушителями здесь обычно являются граждане, у которых есть транспорт. Нередко грешат и разные экспедиции. Знаете, сколько в наших краях за лето перебивает всякого бродячего народа? Тьма-тьмушая! Надзору, считайте, никакого — вот и озоруют все, кому только не лень.

— А район у нас огромный, — продолжает егерь. — Считай, тридцать тысяч квадратных километров. За месяц мы его просто даже объехать не успеваем. Да еще у нас же под контролем десятки мелких охотничьих хозяйств и около сорока крупных водоемов, в которых ведется промысловый отлов рыбы. А браконьеры то камыши жгут, выгоняя дичь, то гарпунят у шлюзов рыбу, а то сетками и взрывчаткой «чистят» плесы... Ну и мы тоже стараемся не плошать — проверяем всякую попавшуюся нам в дороге машину. У кого ничего не найдем — извинимся, хороший и честный человек нас всегда поймет и простит за обыск.

Что ж, понять их действительно можно. Значит, надо мириться и с мерами, которые они вынуждены применять ради святого дела — охраны живой природы. Мы больше не обижаемся на учиненный обыск и таким образом достигаем полного взаимопонимания.

Дальнейший разговор идет в самом дружелюбном тоне. Теперь наша очередь задавать вопросы.

— Вот вы тут говорили о браконьерах, о пожарах в камышах...

А что ж ни словом не помянули о запалах тугайских зарослей? Они разве не приносят вреда?! А массовый замор рыбы в пересыхающих плесах?!— Анатолий не может говорить спокойно. Эти вопросы волнуют его, может быть, больше, чем всех нас. Он ведь родом откуда-то из этих мест и samozабвенно любит эти края.

— Да, много сейчас гибнет рыбы,— не пытается возражать инспектор.— Считай, вся дельта высохла. То, что видели вы,— это пустяк. Мы можем вам показать такое место, где на дне высохшего озера рыба лежит слоем в двадцать — тридцать сантиметров. А что тут сделаешь? Вон какое маловодье выдалось!.. В этом году даже не вся Кзыл-Ординская система рис сажала, а Джусалинский массив так и вовсе остался без воды. В самой Дарье воды — воробью по колено... Вот и сохнет дельта: где озер не стало, а где и реки все иссякли.

— А что до запалов тугаев,— тяжело вздыхает инспектор,— так что ты хочешь? Сенокосов по Дарье, считай, уже три года нету, а сено совхозам заготавливать все одно надо... Кто себе сенокосы нашел на Жанадарье, кто на прорвах Майлюозека заготавливает, а другие... Другие — поджигают кушеры и прошлогодний сухостой на прежних поймах Дарьи, а потом на том месте весной камыш молодой хорошо растет. Вот его и косят.

— Да как же так можно?! Ведь в этих самых кушерах сколько ежегодно фазаньих гнездовий да и другой разной живности гибнет?— возмущается Фролов.

— Ты думаешь, мы с ними не воюем?.. Еще как! Да только не всегда по-нашему получается...— в голосе инспектора звучит настоящая горечь.

Распрашиваем наших новых знакомых о дорогах вдоль узбоя.

— Вот это русло — действительно Куванка,— показывает нам егерь.— Оно начинается из болота в пяти километрах отсюда. Вернее, болото было когда-то, а сейчас там сухо. Место, из которого начиналась Куванка, называли раньше Гнилым углом. В этот Гнилой угол по узекам и старым протокам Дарьи, а в последнее время и с орошаемых полей вода собиралась. Там были озера, сазы. Это болото никогда не высыхало... Ноне здесь покосы. Травы неплохо растут... А вон то русло, которое идет с Кзыл-Ординской стороны,— канал Кувандарьинский. Этот участок канала, где мы сейчас стоим, проложен по сухому руслу Куванки, так что он и канал, и река — все сразу... Да, чуть не забыл! Из Гнилого угла начинался и другой проток Куванки — Эскидарьялык. Это русло идет в Джусалинской степи...

Распрошавшись с инспекторами, отправляемся в путь.

...Вот она, Кувандарья! Небольшая река, с густыми тростниковыми зарослями по берегам и голубыми плесами в русле. Куванка, как ее называют местные жители, совсем непохожа на свою

прародительницу Сырдарью и потому, наверное, утратила почтительное окончание «дарья». В самых широких местах русло Кувандарьи едва достигает двадцати пяти метров. Но, несмотря на скромные размеры, характер у реки непостоянный, капризный. И потому берега ее обвалованы.

От места слияния Кувандарьинского обводнительного канала с Кувандарьей мы поехали вдоль высокого земляного вала, простирающегося по правому берегу реки-канала более чем на десять километров. Здесь уже тянутся провода линии электропередачи, следом за которой в пустыню пришла передвижная механизированная колонна Иртышканалстроя, выполняющая расчистку и углубление речного русла. Все дальше и дальше уходят в пески экскаваторы, скреперы, грузовики-тяжеловозы и другая техника, оставляя на теле земли глубокие незаживающие раны и паутину совершенно разбитых и разъезженных дорог. Тут буксуют даже наши вездеходы. Тонкая светлая пыль длинным шлейфом тянется за машинами. Но хуже всего то, что это злополучное место никак не объехать: с одной стороны тянутся земляные валы, с другой — барханы и солонцы... А где-то в стороне, за невысокой грядой барханов, радуя глаз, виднеется свежая зелень лугов. Ящерицами расползаются по пескам мелкие, но многочисленные старые русла Кувандарьи. Всюду чувствуется живительное присутствие воды.

Наконец-то мы выбрались за пределы района, где русло Кувандарьи канализировано. Стали встречаться трактора с прицепами, груженными доверху скошенными луговыми травами.

Долина Кувандарьи ограничена здесь песками. Кое-где массивы песчаных бугров подходят так близко к руслу, что кажется, они вот-вот обрушатся на реку и поглотят ее вместе с веселой зеленью приречных зарослей. Местами же Кувандарья далеко отходит от барханов, как будто опасается — и не без основания — этого соседства. Здесь появляются поймы, заросшие луговыми травами и зеленым кустарником.

Иногда очертания долины делаются столь неясными, что кажется, будто Кувандарья вот-вот оборвется. Река замысловато петляет между барханами, словно играет в прятки, и мы с трудом находим ее снова и снова. Вот и теперь еще несколько минут назад мы видели земляной вал и русло Кувандарьи — и вдруг куда-то все исчезло.

Как следует поколесив и покружив, неожиданно натываемся на озера и разливы на дне Кувандарьи. В озерах рыба ходит косяками у самой поверхности, отчего вода издали кажется черной, с матовым отливом. Наши любители-рыбаки не разделяют моих радостей по этому поводу. «Рыбка-то сонная — вся на поверхности!» — охлаждает мои восторги Фролов.

Печальную причину этого явления я узнаю несколько позже.

А пока Кувандарья продолжала удивлять и очаровывать меня.

Не проехав и двух километров по берегу реки, мы снова увидели спокойную голубую гладь озера. Посередине озера сиротливо стояли покосившаяся кошара и зимовье, затопленные до самых оконных рам. Из воды повсюду торчали корявые стволы тамариска.

Казалось, река растворилась в этом озере...

В который раз приходится выбираться на барханы, объезжая воду и дикие заросли. Машины буксуют. Сможем ли мы дальше проехать по берегу вдоль реки? До горы Карак, где трасса проектируемого канала пересечет Кувандарью, еще очень далеко — не менее ста километров!

Делаем остановку. Небо заволочли тяжелые свинцовые облака. Погода явно портится. Все ближе и ближе доносятся раскаты грома, в перерывах между ними наступает тревожная тишина. Стемнело. Теперь гром грохочет прямо над нами, рассыпаясь сухими раскатами, сотрясающими землю. Срочно приступаем к авральным работам: натягиваем тенты над кузовами машин, набираем сухих веток для вечернего костра и спешим в укрытие.

Красные молнии расчеркнули весь небосвод. По брезенту ударило несколько капель дождя, и через мгновение он уже обрушивается на землю со страшной силой. Налетевший шквал хлещет и треплет выдавший вида тент, и кажется, будто он вот-вот разлетится в клочья. И вдруг Фролов вспоминает, что под дождем мокнут приборы, которые он поторопился выгрузить. Евгений выпрыгивает из кузова под крепкие струи дождя и мчится спасать приборы. На лице его такое выражение, будто он идет на подвиг. Вскоре он появляется снова, промокший до ниточки.

— Ну и ливень! — улыбается он, хотя с него в десять ручьев льется вода. — Давно не помню такого: к земле даже прижимает.

— Тебе, Женька, опять повезло: смотри, какой знатный душ принял! — подсмеивается над приятелем Богатырев.

— А что, ребята! Это действительно хорошая идея — искупаться под дождевой водичкой! — с жаром произносит Борис, быстро раздевается и выскакивает из машины под ливень. Его примеру следуют даже девушки.

Грохочет гром, сверкают молнии, шумят тростники на реке. И наши радостные возгласы и смех вплетаются в звуки разбушевавшейся стихии...

Гроза понемногу утихает, раскаты грома становятся все глуше и доносятся уже откуда-то издалека. Может быть, ливень обрушился уже на древние стены Чирик-Рабата?.. Дождь ослабевает и через некоторое время прекращается совсем. На терраске, где мы остановились, блестят многочисленные лужи, сверкает зелень, омытая дождем, горят, как пламя костра, листья солянок.

Постепенно погода налаживается. Ветер треплет зеленые космы

тростниковых зарослей. По реке бежит мелкая волна. Мы ждем, когда подсохнет земля и можно будет приняться за обычные наши дела. А пока ребята снимают с машины резиновую лодку — впервые за все время странствий по дельте мы будем обследовать водоток, который не только по названию, но и по сути действительно можно назвать рекой, — достают приборы, рейки и ждут последнего напутственного слова. Я должен показать нивелировщикам, где делать поперечные профили, определить длину продольника, установить частоту промеров по фарватеру реки, а потом и сам отправлюсь на гидрографическое обследование...

Кувандарья поразила меня с первого взгляда. Нет, конечно, в ней нет ничего такого особенного, чего бы не было в других реках — просто я никак не могу привыкнуть к узкою, в русле которого имеется по-настоящему действующий поток. А ведь, скажем, по сравнению с Жанадарьей, которая имеет такое мощное русло, такие крутые обрывистые берега, Кувандарья с ее узким тесным руслом выглядит жалкой речушкой!

Но тем не менее именно Кувандарья сумела отстоять свое право на существование, несмотря ни на близость песков, ни на отсутствие стока в русле в течение нескольких месяцев в году. Она не сдалась ни стихиям, ни времени, как сдались многие другие узбой древней дельты Сырдарьи.

Кувандарья — единственный «мокрый» узбой Сырдарьи!

К самой воде подступают заросли тростника, тамариска и саксаула. Мне предстоит пройти по берегу реки несколько километров, но для этого нужны были бы крылья. Если жанадарьинские тугаи — это все-таки большей частью саксаульные леса, то кувандарьинские заросли не поддаются никакому определению: тростники, кустарники, луговые травы так перепутались и переплелись между собой, что порой приходится извиваться ужом, пробираясь по звериной тропе. А тут еще дамбы на каждом шагу. Интересно, кто и когда их здесь наворочал? Должно быть, еще в прошлом веке по Кувандарье шло так много воды, что, не вмещаая в русло, она затопливала поля, а может быть, и сады, которые тогда покрывали всю дельту.

Но что это? Земляная дамба и проложенная по ней тропа вдруг оборвались и появилась вода — всюду одна только вода. Оказывается, к руслу реки, отделяясь от него узкой полоской земли — вот по ней-то я только что и шел, — примыкает огромное озеро.

Как же оно образовалось? Ищу ответа на этот вопрос и выясняю, что в дамбе есть проран, через который воды реки поступают на пойму.

С большой осторожностью перебираюсь через проран на продолжение дамбы.

Через серую пелену облаков проглянуло солнце. Его лучи упали на бирюзовую гладь озера, заиграли на глянцевой поверхности листьев тростника, рассыпались золотом на барханах. Стоит удивительная тишина, изредка нарушаемая приглушенными криками уток и гусей, спокойно плавающих у берегов. Во всем царят покой и умиротворенность.

Я отжал свою одежду, развесил ее сохнуть на кусте тамариска, а сам пока решил сделать первые записи своих впечатлений о Кувандарье.

Слабый ветерок треплет листы дневника. У моих ног тихо колышутся на воде крохотные розовые цветы водяной гречихи и сусака, еле слышно разговаривает о чем-то тростник... Что же записать в дневнике, кроме лирики? Может быть, то, что Кувандарья напоминает мне Чу? Нет, это не характеристика реки. Надо пройти еще много километров по Кувандарье, прежде чем удастся по-настоящему понять особенности этой реки...

Я выхожу на песчаную грядку, примыкающую к низменному берегу узбоя, и иду по ней. Но здесь меня снова постигает неудача: грядку оказывается полуостровом с густыми тугайными зарослями. Снова шлепаю по воде, переходя вброд протоки и небольшие водоемы, — и опять попадаю на островок.

Немало хлопот доставляет мне и русло Кувандарьи: то оно, петляя, убегает в барханы, то скрывается в своих разливах. И я снова и снова вынужден искать его, преодолевая непролазные тугаи по берегам узбоя, заболоченные участки и обширные разливы на пойме и речных террасах. Мне никак не удается разглядеть как следует ни саму реку, ни ее русло...

«Узкая долина Кувандарьи, покрытая кустарниковыми зарослями и великолепными лугами, хорошо обводнена даже в год с очень низкой водностью и представляет собой оазис среди песков», — делаю я первую запись в дневнике.

Какой контраст с верхним участком реки, на котором мы были только вчера, — гидрологические характеристики прямо противоположные! Получается так, будто на верхнем участке вода из обводнительного канала в Кувандарью в момент обследования почти не поступала. А здесь, в сорока километрах ниже по течению, я обнаружил заполненное водой русло и даже есть озера на пойме! Надо выяснить причину этого явления. Но как?... То, что я пока увидел при обследовании Кувандарьи собственными глазами, ответа на вопрос не давало.

Я уже было собрался повернуть назад, к месту стоянки наших машин, как вдруг на противоположном берегу реки за густыми зарослями саксаула увидел под крутогорбым барханом зимовье и рядом трактор с прицепом, груженным сеном. Значит, там должны быть и люди. Придется перебираться на тот берег, чтобы найти

их и расспросить как следует. Возвращаюсь немного назад, туда, где я видел старый переезд через реку. Сейчас от него остались только часть земляной насыпи да шаткий деревянный мостик. Кувандарья течет под мостиком небольшим, но стремительным потоком — русло здесь совсем узкое. Но, пройдя это место, она снова замедляет свой бег и прячется в густых тростниковых зарослях.

Перебравшись на другой берег реки, попадаю в плен влаголюбивых растений, подступающих сплошной стеной прямо к воде. Трехметровый тростник, белоголовый ак-баш, ситник, выющийся ломонос, повилика — все так переплелось, что я не могу ступить и шагу. Еле-еле нашел тропинку, которая и привела меня к зимовью, — оно оказалось гораздо дальше, чем это мне казалось с того берега.

Свежепобеленное зимовье и баз приютились на небольшой речной террасе. Трава на террасе выкошена и лежит ровными валками. Здесь же ходят с вилами два пожилых казаха и грузят на прицеп уже подсохшую траву. Здравуюсь с ними.

По опыту прежних экспедиций в этих краях я уже хорошо знаю, что в начале каждого знакомства больше вопросов задают те, кого хочу расспросить я сам. И потому терпеливо отвечаю на все вопросы, ожидая своей очереди, — только после этого может начаться доверительный разговор.

Казахи явно сомневаются в правдивости некоторых моих ответов и повторяют одни и те же вопросы по нескольку раз.

— Слушай, инженер, почему говоришь неправду? Нехорошо начинать знакомство с обмана, — стыдит меня старший из двух собеседников, казах лет пятидесяти.

— Зачем ехать к нам в пески из Ленинграда? Что у нас есть интересного для тебя? — высказывает свои сомнения и его товарищ помоложе.

Приходится более подробно объяснять цель изысканий нашей экспедиции в древней дельте, рассказывать о проекте канала, который позволит перебросить часть стока сибирских рек в бассейн Аральского моря. Они слушают меня с интересом. Холодок недоверия на их лицах постепенно тает. Старший из моих собеседников с жаром произносит:

— Вода в пустыне нужна! Очень нужна! В Кызылкумах много барашков кочует, да и корма заготавливаем теперь тоже в песках... Мой отец всю жизнь чабаном был и всю жизнь кочевал с отарой в Кызылкумах. А вот старики рассказывают, что раньше чабаны в пески откочевывали только на зиму, а нагуливал барашек жир в Джусалинских степях. И по Куванке, говорят старики, везде были хорошие пастбища... Теперь с кормами хуже стало: выкашиваем, где только можно.

— А что, разве сейчас воды в реке меньше? — воспользовавшись

паузой, невинным голосом задаю я вопрос, на который знаю ответ не хуже своих собеседников. Но я всегда так делаю в подобных разговорах: среди потока сведений, которые я и сам отлично знаю, нередко мелькают такие подробности, которые мне иначе не раскопать бы ни за что на свете. Случается, что я получаю и объяснения загадкам, над которыми неделями ломал голову. К тому же, никогда не мешает проверить и еще раз перепроверить уже имеющуюся информацию. Разговоры с местными жителями иной раз стоят целых томов специальной литературы.

Вот и в этой экспедиции я не упускаю возможности поговорить со старожилыми здешних мест, порасспросить их как следует об интересующих меня вопросах. Где бы я ни расспрашивал местных жителей о том, как обстояло дело с водой на узбоях древней дельты Сырдарьи раньше и как оно обстоит сейчас, везде я получал приблизительно один и тот же ответ. Мол, раньше воды в реках и озерах было много, да и пастбища были лучше, а теперь воды нет, да и мест для выпаса скота почти не стало... Но вот когда я просил назвать главные причины, вызвавшие такие изменения, в ответ почти все только пожимали плечами.

Однако на этот раз мне повезло: в собеседники попался человек, не только хорошо знающий местность и все перемены, которые произошли в дельте за последние несколько десятков лет, но и размышляющий над причинами этих перемен. Кроме того, он достаточно хорошо владел русским языком, — тоже немаловажное обстоятельство в таких случаях.

— Раньше вода из Сырдарьи почти каждый год затапливала пойму... Знаешь, какая трава там росла после? Схлынет паводковая вода — и все узeki, старые русла Сырдарьи, стоят полные. Озера и сазы тянулись от Дарьи почти до самых наших мест. Такие пастбища были — с теперешними не сравнишь! Даже лугам на поливных землях до них далеко... Почему воды, спрашиваешь, не стало? Из-за каналов и полей. Из-за этого и поголовье скота сократилось. Ведь каждый канал, каждое поле, каждый барашек требуют воды. И чем их больше, тем меньше воды. Понарыли кругом арыков — и стоят они большую часть времени сухие; поля организовали, хлопок посадили, рис стали сеять, а воды-то ведь больше от этого не стало! Где ее возьмешь, воду?.. Словом, теперь корма заготавливаем там, где раньше и барашков не пасли.

Но как же так, удивляюсь я, как же поверить в безводье, в отсутствие кормов, когда всюду, куда ни посмотри, я видел на Кувандарье только синеву распахнутых, как добрые глаза, озер и нежную зелень луговых трав?

— Так-то оно так.. Да только в реке совсем худая вода стала! Ее даже барашки не всегда пьют. Знаешь, сколько всякой «химии» выносит вода в Куванку с полей?.. Когда в русле воды

остается мало, она становится зеленой, как трава. В такой воде и рыбадохнет. Может быть, где в прорвах и сам увидишь, сколько пропало рыбы. А та, что осталась еще, плавает, как сонная,— совсем больная. Эту рыбу есть нельзя — ее и зверь не трогает.

Да, мой собеседник прав. Он только не знает, что в моем дневнике уже есть такая запись: «Кувандарьинские прорвы отходят от речного русла почти под прямым углом и внедряются далеко в пески по руслам, разработанным на дне межбарханных понижений. Прирусловые участки и все дно межбарханной долины покрыты жесткими травами и кустарничковой растительностью. А сами русла, их обсыхающее дно выстланы слоем рыбы, среди которой преобладают крупный сазан, жерех и щука. Метки высоких вод тоже «выложены» дохлой рыбой... Возможно, столь массовый замор рыбы был вызван не только недостатком воды, но и плохим качеством ее. Значит, воду, поступающую назад в реку с орошаемых массивов, при плохой проточности или полном отсутствии таковой следует рассматривать как „мертвую воду“».

Но я слушаю своего собеседника, не перебивая.

Дальше наш разговор касается чисто технических подробностей. Говорим про гидротехников, которые умудряются небольшим количеством уже однажды использованной воды оросить и обводнить все новые и новые территории, расположенные по берегам Кувандарьи... Как это им удается? А вот как. Возводя в определенной последовательности временные плотины и водохранилища, они поочередно заполняют их и затапливают многочисленные западины и пониженные участки. При этом даже ухитряются создавать озера в песках. Оросив один участок, гидротехники частично разрушают плотину, и вода устремляется дальше, вниз по течению, где ее уже ждут другая преграда и новые участки речной поймы, которые надо напоить водой. Пока заполняется следующее водохранилище, затопленные ранее участки освобождаются от воды, обсыхают, и на них появляются пышные луга с сочной молодой зеленью. Когда же придет срок косить траву в верхнем участке, начнут обсыхать земли и пойдут в рост травы в нижнем. И это будет повторяться до самой глубокой осени...

Так вот почему я видел озера, сазы и воду в русле Кувандарьи на нижнем участке, в то время как верхний ее участок, там, где русло реки пересекает Кувандарьинский канал, лежит сухой! Он уже получил причитающуюся ему долю воды, только значительно раньше.

Больше двух недель проработали мы на Кувандарье. Все дальше и дальше уходила наша экспедиция от центральной усадьбы совхоза «Жанакала», последнего очага цивилизации, который лежал на нашем пути. Впереди нас ждали только застывшие волны желтого песка, узкие долины русел Кувандарьи, образовавшихся еще в ту

пору, когда река пробивала дорогу к Аралу, да непролазные дебри тугаев. Дорог вдоль реки не было. И никакими словами не передать, как тяжело давался нам каждый километр этой реки, которую мы всю пробили своими маршрутами — где на лодке, а где пешком. Русло ее то устремлялось на север — к реке Сырдарье, то, так и не достигнув Сырдарьи, круто поворачивало на юг к своей старшей сестре — Жанадарье. Но и до нее Кувандарья не доходит, рассыпаясь прорвами в песках. Мечется она между великой среднеазиатской рекой и ее самым крупным узбоем и никак не может отважиться на последний, самый решительный шаг...

В строгом молчании стоят на ее берегах многочисленные мазары, придавая неповторимый колорит этим местам своеобразной архитектурой. Куполообразные своды их расписаны внутри масляными красками. Наиболее важные эпизоды из биографии человека, в чью честь сооружен мавзолей, богатая одежда усопшего и яркие наряды его свиты, полустершиеся изображения его друзей и знакомых, бесчисленных табунов коней и стад овец, которыми он владел, молча повествуют о его жизни и приметах той эпохи, в которую ему довелось жить. Многие мазары стоят уже не одну сотню лет, хотя и сооружены из местной глины — материала, кажущегося таким непрочным.

Для нас все эти старые захоронения интересны не только как памятники далекого прошлого — прежде всего они служат нам прекрасными ориентирами на местности. Просто не знаю, что бы мы делали без них на Кувандарье, питающей особое пристрастие к самым неожиданным поворотам в сторону, противоположную той, куда она только что текла. Случается, что, перебираясь на новый участок русла, расположенный километров на двадцать ниже на-

шего бивака, вдруг оказываешься километров на десять выше. Или, находясь, скажем, на одном из прямолинейных участков Кувандарьи, никак не удастся даже по карте определить, где ты находишься и куда течет река.

В довершение ко всему нам путала все карты гора Карак — кызылкумский Олимп. Казалось бы, какой прекрасный ориентир на местности! Но не тут-то было! Именно Карак окончательно сбивал нас с толку: куда бы мы ни повернули, как бы мы ни шли по Кувандарье — вверх по течению или вниз, гора каким-то непостижимым образом всегда оказывалась неизменно в одном и том же направлении — к северу от нас. Прямо какое-то наваждение!

Но вот на одном из берегов узбоя мы обнаружили мазар, осматриваем его, сверяемся по карте — и через несколько минут уже совершенно точно знаем свое местонахождение... Нет, без таких надежных ориентиров, как мазары, мы бы определенно пропали на Кувандарье!

Наступает последний вечер нашего пребывания на берегах Кувандарьи.

Смеркается. В нашем лагере горит веселый яркий костер — верный маяк путника в пустыне. Надвигающаяся вечерняя прохлада гонит меня к огню, заставляет думать о тепле и домашнем уюте.

И все же я рад, что пока еще нахожусь под небом милого моему сердцу Казахстана и у меня есть еще несколько часов, чтобы наглядеться на звезды и вздымающийся ввысь искрами-светлячками костер, поговорить с товарищами, надышаться чистым воздухом пустыни и степей, запахом каких-то неведомых мне трав и растений. Я знаю, что дома, в Ленинграде, часто буду вспоминать свое поле, и мне будет казаться, что оно промелькнуло слишком быстро и я мало успел сделать из того, что наметил... Мне будет не хватать всего того, что каждую весну заставляет меня собираться в дорогу: яркого южного солнца, бесконечных тревог и дорог, застывших песчаных гор, звездных летних ночей, костров, палаток, неповторимых маршрутов по берегам рек — словом, всего того, что называется экспедицией...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	3
Тургайские рассветы	7
В урочище Мынбулак	9
Две реки	37
Истоки	51
Здравствуйте, Кызылкумы!	59
Узбой	71
У древних стен Сарлытама	79
Жанадарьинские сюрпризы	83
У развалин крепости Чирик-Рабат	94
В верховьях Жанадарьи	104
Сердце дельты	119

Валерий Сергеевич Ясаков

**ДНЕВНИК
ОДНОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ**

Редактор А. Лушик. Художник Е. Карлацкая. Художественный редактор Б. Денисовский. Технический редактор Л. Шишкова. Корректор Э. Белякова.

ИБ № 1436

Сдано в набор 13.10.82. Подписано в печать 25.01.83. М-30768. Формат 60×84^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,37. Усл. кр.-отт. 17,21. Уч.-изд. л. 9,48. Тираж 50 000 экз. Индекс ПЛ-153. Заказ 3361. Цена 50 коп.

Гидрометеонздат. 199053. Ленинград. 2-я линия, д. 23.

Республиканская ордена «Знак Почета» типография имени П. Ф. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 185630, г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

50 коп.

Русско реки как
кован р. Дарьялов -
Крупное и лучше
иной из всех аб.
старин рунатов р.

В последние
5 месяцев
русско р. Куба
остановилась
Куба - Водунок
и Д. Хусаминский

